Сеф, С. Е.

Борьба за Октябрь в Закавказьи

1932

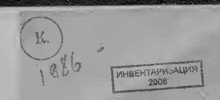
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

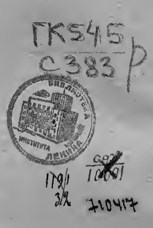
ЗАКАВКАЗСКИЙ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫЙ ИНСТИТУТ имени тов. И. СТАЛИНА

С. Е. СЕФ

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ В ЗАКАВКАЗЬИ

ЗАККНИГА
1932





Тип им. А. Ф. Миасникова изд-ва „Заря Востока"
Заказ № 3093 Главлит № 2091 Тираж 5.000

Предисловие

Несмотря на ряд вышедших работ по «Истории Революции 1917—1921 г.г. в Закавказьи», нужно считать, что истории Октября в Закавказьи мы еще не имеем.

В то же время, большевистскими исследователями истории Октябрьской революции и гражданской войны в Закавказьи уделено значительно больше внимания периоду 1919—1921 г.г., и почти совершенно не изучена история классовой борьбы в 1917-18 г.г.

Последние годы не принесли каких-либо серьезных изменений в этом направлении. Именно поэтому я согласился с предложением Закавказского Историко-Партийного Института об издании к 15-летию Октябрьской революции статей и брошюр, написанных мною в период 1927-30 г.г.

Все работы, вошедшие в издаваемые ныне очерки, посвящены истории борьбы за Октябрьскую революцию в Закавказьи в 1917—1918 г.г.

В своем докладе на об'единенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов от 22-го октября 1918 г. Ленин говорил: «Нужно понимать изменения и нарастания каждой революции. В каждой стране,—мы видели и переживали это и знаем это лучше других,—в каждой стране революция идет особым путем, и настолько различны эти пути, что она может и на год и на два запоздать. Мировая революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах итти одним путем,—тогда мы уже давно победили бы. Революции проходят разными политическими эпохами. Везде мы видим такое же стремление соглашателей, их попытки вместе с буржуазией спасти народ от буржуазии, как это делали у нас Церетели и Чернов, как в

Германии это делают шейдемановцы...» (Ленин, издание 3, том 23, стр. 235—236).

Именно потому, что на опыте классовых боев в период 1917—1918 годов в Закавказьи с поразительной яркостью подтверждается ленинский тезис о необходимости понимать нарастания и изменения каждой революции, именно потому, что на опыте революции 1917—1918 г.г. в Закавказьи наиболее ярко выступает подлинное лицо международного соглашательства, изучение историками-марксистами классовой борьбы в Закавказьи в этот период имеет исключительное значение.

Статьи и брошюры, вошедшие в настоящую работу, мною отредактированы с таким расчетом, чтобы создать последовательность и взаимосвязь в изложении отдельных очерков.

В настоящую работу вошли следующие статьи и брошюры:

1. «Предвестники революции 1917 г.» (продовольственные беспорядки), напечатана в сборнике «История классовой борьбы в Закавказьи», книга 1-я 1930 г., издание ЗКУ, под редакцией А. Жакова, С. Сеф и Г. Хачапуридзе, стр. 195—220.

2. «Большевики и меньшевики в революции 1917 г.», напечатана в качестве введения к составленному мной сборнику документаций «Революция 1917 г. в Закавказьи»—1927 г., издание «Заккнига», стр. 9—54.

3. «Правда о Шамхоре» напечатана отдельной брошюрой под тем же заглавием. Издание «Заккнига» 1927 г.

4. «Расстрел в Александровском саду», напечатана отдельной брошюрой под тем же заглавием, издание «Заккнига» 1927 г.

5. «Социальная сущность «Муссавата», напечатана в журнале «Большевик Закавказья», орган Заккрайкома ВКП (б) от 30 июня 1928 г., № 5-6, под заглавием «К вопросу о социальной сущности Муссавата».

6. «Бакинский Октябрь», напечатана под тем же заглавием в журнале «Пролетарская Революция» 1930 г. № 11, издание Института Ленина при ЦК ВКП (б).

Таким образом из работ, опубликованных мною за этот период, посвященных изучению периода 1917-18 г.г. в Закав-

казьи, не вошла в настоящие очерки лишь брошюра «Как большевики пришли к власти в 1917-18 г.г. в Бакинском промышленном районе».

Работа эта, представляющая стенограмму моего доклада на Бакинском активе была не достаточно тщательно отредактирована и содержит ряд нечетких и неверных формулировок. К примеру я считаю необходимым указать на то, что полемизируя с А. Поповым, утверждавшим, что большевизм шел к власти меж двух могучих волн национального движения (муссават, дашнакцутюн), я выдвинул неверное положение о том, что большевизм в борьбе за власть принужден был лавировать меж 3-х волн национального движения. (См. «Как большевики пришли к власти», стр. 4).

Таким образом, желая указать на то, что нельзя при анализе национального и классового переплета сбрасывать со счетов русский национализм, я совершенно неправильно сформулировал это положение.

В ст. «Бакинский Октябрь», публикуемой в настоящих очерках, я пишу: «Переплет влияний национальных партий (дашнакцутюн и муссават) на отдельные слои тюркского и армянского пролетариата не мог не сказаться на настроениях части русских рабочих. Кадры сторонников правых эсеров, которыми они располагали в среде рабочих Бакинского района вербовались, главным образом, за счет националистических устремлений в отдельных группах русских рабочих» (см. стр. 150).

Это положение я считаю совершенно правильным, так как было бы совершенно не верным при анализе национального и классового переплета, сбрасывать со счетов русский национализм.

Все работы, вошедшие в настоящий сборник мною тщательно отредактированы. Значительные изменения в тексте имеют место в ст. «Большевики и меньшевики в революции 1917 г.», т. к. в первом издании имеются также ошибочные положения.

Анализируя деятельность закавказских большевистских организаций в конце 1917 г. (см. «Революция 1917 г. в Закав-

казьи», изд. 1927 г., стр. 48), и правильно указывая на ряд ошибок, допущенных Краевым большевистским руководством, я, однако, наряду с этим, допустил формулировку, смазывающую значение этого указания, считая, что «конечно, эта недооценка контрреволюционности закавказской социал-демократии не может расцениваться, как ошибка в тактике большевистской партии».

Одновременно в этой же работе на стр. 16 имеет место следующая формулировка «Борьба была не равна, рабочие и крестьянские массы Закавказья должны были пройти еще длительный этап реакции, чтобы дать победу большевизму». Примерно также сформулировал я эту мысль и в конце введения (стр. 54).

Эти формулировки могут создать впечатление, что при анализе событий периода 1917-18 г.г. я считал невозможным приход большевиков к власти в Закавказьи в период 1917—1918 г.г., а этап господства меньшевизма и националистической контрреволюции считал неизбежным.

Это, конечно, не так, во всех моих работах ныне публикуемых, читатель может видеть, что этап борьбы за так наз. «мирный захват власти» в Закавказьи я считаю завершившимся *к концу 1917 г.*, утверждая, таким образом, что начало непосредственной вооруженной борьбы за власть в Закавказьи было оттянуто лишь на несколько месяцев.

Однако, так как вышеуказанные формулировки, в качестве обобщающих неверны и ошибочны и находятся в явном противоречии с правильными положениями, выдвинутыми в этой статье, я счел необходимым в настоящем издании внести соответствующие изменения.

Соответствующие изменения имеют место и в др. статьях. Так, напр., значительные изменения претерпели брошюры «Правда о Шамхоре», «Расстрел в Александровском саду».

Не подлежит сомнению, что, несмотря на тщательное редактирование настоящих очерков, читатель сможет обнаружить ряд слабых мест. Необходимо учитывать, что все эти работы в основном делались в период 1927—1928 г.г., когда автору по ряду проблем действительно приходилось быть пионе-

ром, так как работа над этой тематикой и над этим периодом совершенно не велась, а архивы были не систематизированы и не подготовлены для работы над ними.

Не подлежит также сомнению, что настоящие очерки, написанные мною на основе разработки не исследованных и не опубликованных архивных материалов, пытаясь впервые ответить на ряд больших и сложных методологических вопросов, не могут претендовать и не претендуют на исчерпывающее освещение хода классовой борьбы в Закавказьи за период 1917—1918 г.г. Это должны сделать и сделают научно-исследовательские организации как края, так и нац. республик, входящих в состав ЗСФСР, которые, насколько мне известно, включили в план своих юбилейных изданий (к пятнадцатилетию Октябрьской революции) ряд проблем, связанных с изучением именно этого периода.

С. Сеф.

Москва.
28-I 1932 г.

Предвестники революции 1917 г.

(Продовольственные беспорядки)

Разлившиеся по всей России с лета 1915 года продовольственные беспорядки явились грозным предзнаменованием революции.

Охватив широкие слои трудящегося населения, «бабьи бунты», несмотря на то, что они вылились в форму разгромов торговых предприятий, — носили массовый характер и ни в какой мере и степени не могут быть характеризованы как погромное движение в том смысле, как понимались погромы инородцев или интеллигенции в эпоху первой Русской революции.

Беспрерывное повышение цен на предметы первой необходимости, систематическое падение реальной заработной платы рабочих и низших служащих, снижение жизненного уровня этих слоев населения в условиях бесправия и самодержавного гнета, — создавали благоприятные условия для массового движения.

Собранный нами материал[1] о продовольственных беспорядках в Закавказьи в 1916 году — дает чрезвычайно яркую картину движения и позволяет сделать ряд необходимых выводов о «предвестниках Революции 1917 г.».

Все ухудшающееся материальное положение масс заставляло их наименее сознательную часть концентрировать свое внимание на зажиточных слоях населения—на торговцах.

Не только изо дня в день росли цены на предметы первой необходимости, но установление такс на отдельные продукты сочеталось с исчезновением этих продуктов с рынка.

Рабочий и низший служащий принуждены были переходить к пользованию теми предметами потребления, которые в данный момент были ему более или менее доступны.

В то же время торговая и банковская буржуазия, идя по пути легкой наживы, развила бешеную спекулятивную деятельность. Торговые предприятия, банки, владельцы магазинов, коммерческие посредники, вообще все, кто господствовал

---

[1] В архивах: а) Особого Отдела наместника кавказского.
б) Бакинского генерал-губернатора.

в сфере обмена, — спекулировали на отсутствии продуктов первой необходимости.

В поисках виновников нищания, массы обрушивали свой гнев на об'ект видимый. Движение ширилось, охватывая в первую очередь женское рабочее население, жен мобилизованных, малосознательных рабочих.

Массовый характер движения отрицали не только представители либеральной буржуазии, но и руководители меньшевизма, утверждавшие, что это движение реакционное, созданное полицией.

Однако, даже умные агенты полиции понимали, что это движение стихийное, что рождается оно в процессе нищания необеспеченных слоев населения.

Правда, эти агенты склонны были создавшееся положение об'яснять исключительно спекуляцией торговой и банковской буржуазии, однако, докладывая секретно «по начальству» о создавшимся угрожающем положении, — агенты эти давали ценнейший материал о состоянии цен на рынке, об экономическом положении трудящихся города и т. д.

Тифлисский полицмейстер Здановский, характеризуя настроение рабочего населения города Тифлиса сейчас же после Бакинских беспорядков (22-го февраля 1916 г.), писал: «Наблюдая эти дни неустанно за рынками, вслушиваясь в настроения толпы покупателей, воочию пришлось убедиться, как озлоблены дороговизной бедняки, средний и служилый классы городского населения, с негодованием бросающие торговцам свои трудовые гроши за черствый хлеб и лежалое мясо... и положение их, как докладывал я и раньше, действительно трудное, безвыходное и с каждым днем ухудшающееея».[1]

Характеризуя это положение за последний отрезок времени, Здановский писал: «За эти 6 месяцев цены изменились так: 1) хлеб поднялся в цене на фунт 1 коп., с одновременным снятием с таксы 3-го сорта, наиболее употребляемого беднейшими и средними классами населения; 3-го сорта хлеб стоил 4½ копейки; его теперь нет и приходится покупать 2-й сорт за 6 коп., следовательно, для более нуждающихся он вздорожал на 33 проц., 2) мясо с средней цены в 14 коп. в сентябре прошлого года возросло ныне до 25 коп., или вздорожало на 78 проц., 3) крупа вздорожала на 40 проц., 4) сахар на 15 процентов, 5) картофель на 33 проц., 6) капуста на 100 проц., 7) лук с 3 коп. не достанешь и за 8 коп., 8) соль на 25 проц.,

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г.—Дело № 3337 Л. л. 72-75 об.

9) мыло на 40 проц., 10) спички на 20 проц., 11) свечи на 100 проц., 12) мука на 31 проц... и так во всем. А если обратиться к ценам первого периода войны и проследить их рост ото дня ко дню, если принять во внимание дороговизну квартир, обуви, носильного платья и вообще всех предметов первой необходимости, то общее вздорожание жизни представляется в ужасающих размерах, далеко не отвечающих последним увеличениям заработной платы и прибавкам к содержанию рядовых служащих».

В период, непосредственно предшествовавший беспорядкам в Баку, цены на все предметы первой необходимости значительно повысились: цена на мясо с 17-18 коп. за фунт поднялась до 25-26 к., на баранину с 21½ коп. до 40 коп. за фунт; а когда рабочее население, естественно, отказавшись от мяса, перешло на рыбу, рыботорговцы, учтя это обстоятельство, подняли цены на рыбу на 75-100 проц.[1]

Более полную картину роста цен на предметы первой необходимости в Закавказьи в этот период дает в своем донесении начальник Сухумского охранного отделения:[2]

Название продуктов	Колич.	1914 г. (июнь)		1916 г. (июль)	
		Руб.	К.	Руб.	К.
Мука бел. пш. 1 сорт	5 п.	9	75	20	50
„ 2 сорт	„	7	—	16	50
„ ржаная	„	6	50	14	50
Круп пшенных	1 п.	2	20	4	20
„ ячменных	„	2	40	6	—
„ перловых	„	2	40	6	—
Хлеб 1 сорт	1 ф.	—	4½	—	8
„ 2 сорт	„	—	3½	—	7
„ 3 сорт	„	—	3	—	5
„ ржаной	„	—	3	—	5
Яйца	10 ш.	—	25	—	50
Говядина 1 сорт	1 ф.	—	17	—	32
Баранина	„	—	18	—	35
Телятина	„	—	18	—	35
Свинина	„	—	15	—	30
Сало говяжье	1 п.	8	—	16	—
„ свиное	„	12	—	28	—
Масло сливочное	„	22	—	48	—
„ топленое	„	20	—	40	—
„ подсолночное	„	6	—	12	8
Курица	1 шт.	—	90	2	—
Гусь	„	1	20	2	20

[1] Из донесения Балахано-Сабунчинского полицмейстера. Арх. Бакинского ген.-губернатора—1916 г. Дело № 7.

[2] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3401.

Таким образом, как видно из таблицы, цены на продукты к лету 1916 г., по сравнению с ценами 1914 г., увеличились в среднем вдвое, а на некоторые предметы втрое и вчетверо (стоимость свечей поднялась с 12 р. 20 к. до 48 руб.).

Самодержавное правительство и его агенты' совершенно бессильные в борьбе с дороговизной, как мы увидим дальше, спекулятивную деятельность крупных торговцев и банков покрывали. В своем донесении Тифлисский полицмейстер Здановский высказывает следующую мысль: «Налагаемые во множестве крупные штрафы за продажу предметов первой необходимости выше таксы, не достигают, как докладывал я и раньше, цели — они не страшат ненасытного торговца, который чувствуя себя «господином положения», взыскивает в результате эти штрафы с того же покупателя, отлично сознавая, что голод заставит последнего платить ему по таксе, но только не утвержденной, а им — торговцем устанавливаемой».[1].

Конечно, Здановским не дано было понимать истинные причины создавшегося положения в стране. Однако, не подлежит сомнению, что захват рынка крупными торговцами и банковскими предприятиями, — является одним из характерных явлений этого периода. Ведь свое монопольное положение эти лица организации использовали в целях наживы, искусственно вздувая цены и тем самым способствуя ухудшению материального положения рабочих.

Интересный материал по этому вопросу дает Бакинский полицмейстер, который так же, как и Здановский, после февральских беспорядков 1916 г. в Баку пытался, анализируя события, об'яснить причины их вызвавшие.

В своем рапорте временному генерал-губернатору района Бакинского градоначальства, — он писал: «Всем известно, что в Баку издавна существует синдикат, состоящий из Бакинских мещан: 1) Ганифа Мамедова, 2) Гаджи-Султан-Касум Оглы, 3) Азизбека Рзабекова, 4) Алескера Манафова, 5) Кербалай-Дадаша-Мехтиева и 6) Исмаила (по отчеству неизвестного). Указанными капиталистами еще к 1-му декабря п. г. на главном рынке, питающем Баку бараниной, т. е. в Закаспийской области, было закуплено более 150.000 баранов, которых они держат в окрестностях Александровского порта, доставляя в Баку на пароходах «Гаджи-Дадаш-Усейнова» партиями, каждая не более 2.600—3.000 голов.

Привозимые бараны доставляются в район железнодорожной станции Пута, где содержатся в местности под назва-

[1] Там же. Дело № 3337.

нием Бахча. Покупная цена баранов на месте не превышала 16-17 руб. за голову. С последнего этапа бараны в известных расчетах участников синдиката пригоняются на скотопригонный двор уже небольшими партиями, голов 200—300. Производившаяся при таких условиях продажа баранов синдикатом вылилась в последнее время в форму очень острую; так, сначала пара баранов (1 большой, другой малый) продавалась на скотопригонном дворе по 46 руб., затем по 52 руб. и, наконец, в последние дни по 62 руб.

Названные лица постарались обеспечить себя и со стороны возможной конкуренции в местах закупки баранов, для чего в ход были пущены для устранения конкурентов всевозможные средства, включительно, по слухам, до подкупа и угроз».[1]

Отношение к потребителю у синдиката было именно такое, как писал Здановский. «Забрав, таким образом, в свои руки всю торговлю бараниной, Синдикат на просьбы базарных торговцев уменьшить цены на баранину смело отвечал последним, что мясники в этой спекуляции не пострадают, за все платится потребитель, а чтобы заставить Городскую управу повысить таксу или совсем отменить таковую, в их — участников Синдиката власти оставить на некоторое время скотопригонный двор совсем без пригона баранов».

Подобное же положение вещей, как сообщал Бакинский полицмейстер, имело место при торговле говядиной, картофелем и зеленью.

Картину ажиотажа, охватившего всех торговцев от мала до велика (по имущественному положению) рисует Бакинский полицмейстер, характеризуя в одном из своих секретных донесений состояние рынка зелени: «Продаваемая на Бакинских базарах зелень привозится исключительно из ближайших окрестных селений. Доставляется она ранним утром, когда на базаре нет еще покупателей, и сдается оптовикам или, правильнее сказать, комссионерам «на комиссию». Расчеты за зелень происходят приблизительно следующим порядком: сельчанин сдает комиссионеру редиску, петрушку, щавель, салат, морковь и т. п. по-штучно, получая за каждую сотню от 70 к. до 1 рубля. Комиссионер тут же продает эти продукты торговцам, например, редиску по 2 р. 50 к. — 3 руб. за сотню, наживая, таким образом, от 100 до 200 проц.

[1] Арх. Бакинского генерал-губернатора—1916 г. Связка XVI. Дело № 124.

Мелкие торговцы, в целях большей наживы, разбирают купленные пучки, уменьшают их, делая из двух — три, и продают уже покупателям по 7-8 коп. за пару».[1]

Эта беззастенчивая спекуляция покрывалась правительственными органами.

Несмотря на то, что впоследствии, когда начались беспорядки, либеральная буржуазия обвиняла власти в том, что они не приняли своевременных мер для прекращения их, несмотря на то, что после беспорядков отношения у буржуазных слоев населения и их представителей (руководителей городских самоуправлений) с агентурой самодержавного правительства обострились, материалы Охранного отделения, как мы уже говорили выше, показывают, что аппарат власти в период, как предшествовавший, так и последующий беспорядкам, покрывал все спекулятивные действия крупных торговцев и банковских предприятий, сосредоточивая свое внимание «на мелкой торговой рыбке».

Полицмейстер Балахано - Сабунчинского района в своем донесении от 19 февраля 1916 г. рассказывает,[2] что, когда на рынках была обнаружена беззастенчивая спекуляция на все предметы первой необходимости (увеличение продажной цены до 200 проц.), им была представлена в Градоначальство докладная записка с предложением привлечь к ответственности некоторых крупных спекулянтов за недобросовестное повышение цен на такие предметы первой необходимости, как лук, картофель, капуста, зелень.

Все эти протоколы канцелярией Градоначальника были возвращены обратно, с указанием на то, что торговцы к ответственности привлечены быть не могут, так как указанные в протоколах предметы не относятся к категории предметов первой необходимости.

Предложения же эти предметы потребления таксировать, —не нашли своего оформления.

Как правительственные органы покрывали спекулятивную деятельность крупных банков и «отцов города» из Тифлисского городского самоуправления, видно по материалам обследования Тифлисского продовольственного совещания.

После прошедших по всему Закавказью беспорядков, осенью 1916 г. члену Совета наместника кавказского — И. Н. Протасьеву было поручено обследовать («обревизовать») дела

[1] Арх. Бак. ген.-губернатора—1916 г. Связка XVI. Дело № 124.
[2] Там же.—Дело № 126.

Тифлисского продовольственного совещания. В процессе ревизии Протасьеву пришлось заняться также вопросом о спекулятивной деятельности Тифлисского купеческого банка.

И... как и следовало ожидать, Протасьев покрыл преступления этих организаций, заявив в своем заключении: «что в результате произведенного обследования никаких уголовных наказуемых злоупотреблений не установлено и все заявленные в этом смысле жалобы не могут быть подкреплены положительными доказательствами».[1]

Насколько безопасно чувствовали себя крупные торговцы и руководители банков, насколько беззастенчиво занимались они спекуляцией, — видно по материалам обследования Тифлисского Купеческого банка.

Начав обследование, Протасьев запросил правление Купеческого банка: правда ли, что Купеческим банком, в одном лишь 1916 г. были поданы заявления в Тифлисскую городскую управу о доставке — в феврале м-це 21 вагона сахара и 3 вагонов муки; в марте м-це 1 вагона риса, 3 вагонов масла, 23 вагонов сахара и 50 вагонов пшеницы и т. д. и т. д., что, кроме всего этого, Тифлисский Купеческий банк получил ряд других продовольственных грузов специальными маршрутными поездами и что он эти продукты длительный период не выпускал из своих складов, в то время как на рынке ощущалась большая нужда в них.

Правление Купеческого банка в своем ответе, занявшись раз'яснением функций банка, не смогло, однако, опровергнуть факта, что на его складах длительный период залеживались продовольственные грузы, которые лишь впоследствии выпускались на рынок.

«Не отрицая, что тот или иной из наших клиентов хранил у нас свой товар довольно продолжительное время и может быть не выпускал в нужную минуту, мы должны, однако, раз'яснить, что в этом случае нужно рассматривать конкретный факт в отдельности».[2] (?).

Таким образом, правление Купеческого банка подтверждало, что банк способствовал спекулятивным операциям отдельных лиц и учреждений, бравируя нежеланием Протасьева выяснить, какие операции производились самим банком, а какие по поручению отдельных клиентов.

Кроме факта спекуляции и задержки на своих складах

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3396. Л. 24.

[2] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3396. Л. л. 67—67 об.

продовольственных грузов Тифлисским Купеческим банком, имеется ряд материалов, рисующих спекулятивную деятельность продовольственного отдела Тифлисской городской управы.

Так, например, 4 июля 1916 г. (в день беспорядков в Тифлисе) из Баку на имя Тифлисской городской управы прибыло 11 вагонов муки. Мука эта, по распоряжению члена Продовольственной управы Джабара, как негодная, была продана купцу Арванянцу, который в тот же день отправил ее в Боржом, где и сбыл за высокую цену. Экспертная комиссия установила, что Арванянц — спекулянт и что мука была вполне пригодна для выпечки хлеба.

Следующий факт: еще в январе 1916 г. Тифлисская управа выписала на свое имя 54 вагона муки, принадлежащих купцу Гринбергу. После распределения части муки между организациями, оставшиеся 15 вагонов были распроданы самим Гринбергом, при чем, как установила комиссия, ему разрешено было продать эту муку на 25 проц. выше таксы.

Наиболее разительным является факт спекуляции мукой, прибывшей в феврале 1916 г. в Тифлис для нужд армии. Полученные 450 мешков муки лежали на складах вплоть до 18 июля 1916 г., после чего были проданы с торгов (в качестве негодного товара).

Один вагон (таксированная цена его была равна—292 р. 23 к.) был куплен частниками Назаровым и Трифоновым за 1.220 руб. и немедлєнно продан выборному хлебопеков 8-го участка за 3.072 руб. Второй вагон муки (таксированная цена которого была равна 371 рублю) был продан той же торговой фирме за 1.021 рубль и немедленно перепродан за 2.012 р.[1]

В период сахарного кризиса, сам купеческий старшина Милов продал городу 30 вагонов сахара по 7 р. 25 к. за пуд, которые он купил у Одесского сахаро-рафинадного завода по 6 р. 60 к. за пуд. Город, в свою очередь, продал этот сахар по 8 руб. за пуд.[2]

Понятно, что эта бешеная спекуляция, при монопольном положении на рынке крупных торговых и банковских фирм, способствовала росту цен на предметы первой необходимости, ухудшению и без того тяжелого материального положения рабочего населения.

[1] Арх. наместника кавказского О. О. — 1916 г., Дело № 3396. Л. х. 143—144.

[2] Там же, дело № 3397.

***

Продовольственные беспорядки в 1916 г. были явлением обычным. «Летом 1916 г. почти каждый российский город и городишко знал продовольственное движение».[1] Продовольственные беспорядки имели место уже в 1915 г. в Питере, в Москве, в Колпине, в Иваново-Вознесенске; в 1916 г. в Кинавине, Сормове, Вольске — Саратовской губ., в Сумах, Юнаковке, Лебедяне, Старобельске, Таганроге, Костроме и др. городах и селениях.

В Закавказьи продовольственные беспорядки впервые вспыхнули в Баку. Картина продовольственного разгрома в Баку, по донесениям Бакинского градоначальника, вырисовывается в следующем виде.[2]

Беспорядки впервые вспыхнули 14 февраля 1916 года на Александро - Невском базаре. Поводом к началу беспорядков, как обычно, послужила ссора одной из покупательниц с торговцем.

Возбужденная непомерным взвинчиванием цен на картофель, покупательница опрокинула на-земь мешок с картофелем и семячками. Сигнал был подан. Немедленно же на Базарной улице, примыкающей к Александро - Невским торговым рядам, начался разгром лавок, ларей с овощами, фруктами и пр. с'естными припасами. Почти одновременно начался разгром торговых предприятий на Кубинском базаре; в Балаханском районе, на Зеленом базаре. Толпы женщин и подростков громили лари, разбрасывая и растаптывая тут же картофель и разные овощи.

В районы разгрома была введена пешая и конная полиция, а также пожарная команда, однако, движение приостановить не удалось; пускать же в ход огнестрельное оружие полиция в первый день разгрома не решалась. Увещевания полицейских агентов, в том числе самого полицмейстера Ахмаметьева, — ни к чему не привели. Пожарная команда действовать не смогла, потому что женщины и подростки насели на бочки и машины, возбужденная толпа стала забрасывать городовых камнями и хватать их за оружие.

В районе Александро - Невских торговых рядов все увеличивающаяся в своих размерах толпа, после разгрома мага-

---

[1] «Очерки по Ист. Окт. Революции» том I. К. Сидоров «Рабочее движение в России в годы империалистической войны», стр. 250.

[2] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дела №№ 3337, 3406.

зинов по Базарной улице, стала разбивать лавки на смежных улицах. Оттесненная к 11-ти часам утра от района базара, толпа, разделившись на две группы, направилась в центральную часть города, разбивая на своем пути продовольственные магазины.

У гостиницы «Метрополь» встретились отступающие из различных частей города толпы, образовав одну колоссальную толпу в несколько тысяч человек, которая на глазах у полиции и казаков стала разбивать крупнейшие магазины и склады центрального района, начав с магазинов Рагимова и Фарадова.

После этого разгром опять перекинулся в разные части города и продолжался до поздней ночи.

На второй день с раннего утра беспорядки начались снова, при чем носили уже более интенсивный и организованный характер. В этот день (15 февраля) толпа громила, по преимуществу, крупные склады муки, риса и сахара.

Были разгромлены крупнейшие мельницы: Скобелева, Гулиева и Глаза, расхищены товары с мучного склада Тагиева, разгромлены товарные склады пароходных обществ «Русь» и «Самолет».

16-ое февраля было днем наивысшего под'ема беспорядков в Баку. По донесению Бакинского градоначальника Мартынова «Бушевавшая чернь... грабила товары открыто, перенося их по улицам до поздней ночи, засыпая полицию градом камней»[1]. Возбуждение в этот день достигло такой степени, что толпа забросала градом камней самого Мартынова и его правителя канцелярии Грабовского.

Лишь 17 февраля, по прибытии войскового подкрепления, после принятия ряда решительных репрессивных мер со стороны войсковых частей и полиции, движение стало рассасываться.

14 февраля, когда начались беспорядки, Мартынова в городе не было. Руководство всеми действиями полиции и частей было поручено (наместником) Бакинскому генерал - губернатору Алышевскому.

14-го, в 2 часа дня в гостинице «Метрополь» под его председательством было созвано совещание для выработки мер борьбы с беспорядками. Кроме него, на совещании этом присутствовали: заместитель Мартынова — Михайловский, адмирал Клюпфель, представители полиции, войсковых частей и городского самоуправления.

[1] Арх. наместника Кавказского Ф. О.—1916 г. Дело № 3337.

Решено было, «что действовать войсковым частям оружием, при возобновлении беспорядков, не следует и выражено пожелание, дабы казаки как можно энергичнее действовали нагайками», так как, мол, беспорядки не носят партийно-политического или национального характера и являются исключительно результатом дороговизны.[1]

Несмотря на то, что казаки в первый день разгрома поработали не плохо (начальники казачьих сотен заявляли, что «нагаек у них нет, так как казаки свои нагайки разбили и осталиеь одни черенки»), не подавлять беспорядков силой оружия Бакинским властям не удалось.

На вторичном совещании, собранном к вечеру того же дня, на котором присутствовали и представители нефтепромышленников, — решено было принять более решительные меры.

Уже 14 февраля, в 4 часа дня, заместитель Мартынова — Михайловский телеграфировал наместнику: «Вызванных войск гарнизона недостаточно, располагаем нарядом войск 270 человек пехоты, 160 конницы в каждой смене, считая в том числе две сотни казаков, вызванных из Балаханов, оставшихся без воинской охраны. Оружие пока не применялось, настроение толпы очень возбужденное, опасаемся усиления беспорядков; уже есть раненые камнями казаки, ходатайствуем об экстренной присылке конного полка».[2]

Когда 15-го наместник сообщил Алышевскому: «Вам будет прислан батальон», он немедленно же получил ответ от вступившего в исполнение своих обязанностей Мартынова: «Присылаемый батальон будет недостаточен».

После этого, из различных пунктов Закавказья и Северного Кавказа, — началась срочная посылка войсковых и полицейских частей в Баку.

Из Дербента полицмейстер Лашев сообщал: «Согласно телеграммы Военного губернатора Дагестанской области от сего числа за № 3903, сейчас поездом № 22 отправил Вашего распоряжения Дербентскую команду полицейской стражи составе 159 солдат и одного помощника пристава».

Из Петровска — телеграмма начальника бригады генерала Геника о высылке трех рот в количестве 810 человек «полной боевой готовности». О высылке 1306[3] человек полицейской стражи, — сообщал Петровский полицмейстер Ума-

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3337.

[2] Там же.

[3] Вероятно в документе опечатка. Нужно думать—306 чел.—С. С.

шев. Войсковой старшина Люлька сообщал из Темир-Хан-Шуры, что выступил с сотней казаков.

Штаб Кавказской армии извещал Мартынова, что «приказанием главного начальника Кавказского военного округа, в Баку немедленно отправлены 219 запасный батальон Елизаветполя 1000 человек; 220 запасный батальон Петровска—800 человек; 2 особые сотни Кубанского войска Темир-Хан-Шуры —295 человек, 295 лошадей.»[1]

Войсковые части начали действовать, как видно из донесения Мартынова, лишь после его приезда, когда и была ликвидирована растеряниость, царившая среди Бакинских властей.

В своем донесении от 19 февраля Мартынов сообщал: «При охране от разгрома мельницы Скобелева войскам пришлось дать четыре залпа... Одновременно с разгромом мельницы Скобелева и др. толпа пыталась разбить винный склад на Будаговской улице, посланиый туда взвод 4-й роты 241 Симбирской дружины не в состоянии был оттеснить от склада громадиой толпы..., почему, после предупреждения, были даны 2 залпа; 16-го, около 9 ч. утра было получено донесеиие от к-ра 5-ой сотни 2-го взводного Кубанского казачьего полка, что им во время разгона публики после предупреждения был дан залп; 16-го же, в 9 с пол. часов прапорщик 2-ой казачьей сотни 56-го полка — Лазарев со своим взводом во время об'езда улиц, близ Черного города, разгоняя тысячную толпу, сбил с ног четырех человек и на-смерть задавил мальчика; на Меркурьевской улице, после предупреждения, было даио по толпе два залпа; на Петровской улице, после предупреждения казаками, было дано по толпе два залпа; на Лебединской улице казаки под командой урядника, разгоняя собравшуюся у винного склада толпу, — дали три залпа; в конце Биржевой улицы в 10 ч. 15 м. взвод 5-ой сотни, разгоняя толпу, дал три залпа».

Расстрел толпы был произведен по заранее разработанному плану.

Уже 15 февраля в воззвании к населению сообщалось, что беспорядки будут подавляться самым решительным образом, вплоть до употребления огнестрельного оружия. Мартынов по приезде опубликовал инструкцию о призыве войск для содействия граждаиским властям и правила, в каких случаях необходимо примеиять холодное и огнестрельное оружие. В специальном циркуляре, адресованном начальникам частей, говорилось: «Для предупреждения неповинующейся толпы ни

[1] Арх. Бакинского генерал-губернатора.—1916 г. Дело № 3.

стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами, не должна быть допускаема». [1]

Бесстрастные донесения начальников частей достаточно ярко говорят о расстреле толпы, производившей беспорядки 14, 15 и 16 февраля в Баку. Говорят также об этом и сохранившиеся списки убитых и раненых, доставленных в Михайловскую больницу:

«Неизвестного звания мужчина, огнестрельная рана живота — труп; неизвестного звания женщина, колотая рана груди—труп; неизвестного звания женщина, перелом черепа — труп»... и т. д. и т. д.

По данным Бакинского градоначальника всего пострадавших (зарегистрированных) было 66 человек: [2]

	14 февр.	15 февр.	16 февр.	Всего
Раненых холодным оружием .	28 чел.	0	5 чел.	33 чел.
„ огнестрельным оруж.	1 „	16 чел.	7 „	24 „
Убитых	1 „	1 „	7 „	9 „
Итого пострадало .	30 чел.	17 чел.	17 чел.	66 чел.

Цифры эти, конечно, не полны, так как не учтены пострадавшие, не доставленные в больницу и унесенные домой. По показаниям очевидцев, пострадавших во время Бакинских событий нужно исчислять сотнями.

Пострадала, конечно, и правительственная сторона. 19-го февраля Бакинский полицмейстер доносил Мартынову:[3] «Из членов вверенной мне полиции особенно пострадали конные городовые резерва. 1) В Александро - Невских рядах при задержании толпы, осаждавшей рынок, ранен камнем в голову городовой Фаталиев Латифа № 753; 2) при разгоне толпы, нападавшей на магазины по Базарной улице, ранен камнем в голову Темурзиев Шаукал № 718; 3) при сдерживании толпы на Балаханском базаре ранен камнем в голову Саркисов Бегляр № 721; 4) при защите от нападавшей толпы ресторана «Казино», на углу Б. Морской и Молоканской ул., ранен Мачавариани Датико № 743; 5) во время прекращения беспорядков на пристани № 9, городовой Сафар-Али-Магомед-Оглы № 705 под напором толпы был сброшен ставшей на дыбы лошадью; 6) конный городовой Антон Габарашвили № 777, при сдержи-

1. Арх. намсстника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3337.
2 Там же. Дело № 3337.
3 Арх. Бакинского генерал-губернатора.—1916 г. Дело № 7.

вании толпы, грабившей сахарный склад, получил значительные удары камнями в ногу; 7) конный городовой Константин Ахвледиани № 776 значительно ушиблен камием в правую щеку; 8) вахмистр резерва Минулла Абдульманов № 783 получил удар палкой по лицу на Биржевой улице; 9) помощник пристава 2-го участка Мироненко, около мельницы «Глаз и Критинген» был стащен толпой с лошади и получил повреждение правой ноги; 10) заведывающий резервом Шпак, во время разгрома той же мельницы, получил удар камнем в правое плечо и 11) пристав 3-го участка подполковник Тарасов, на Александро-Невском базаре, получил удар камнем в правую сторону поясницы».

Движение в Баку нашло свой отклик в Дербенте и Грозном. 22 февраля 1916 г. наместником была получена телеграмма из Дагестана о том, что «18 февраля отголоском Бакинских беспорядков был случай в Дербенте; 50 женщин вступились на защиту женщины, получившей удар лавочника на почве спора и требования продать картофель, которого лавочник не отпускал. Женщины ворвались в магазин, произвели там буйство, выбросив на улицу товара на 50 руб. Собралась толпа в 300 промысловых рабочих с намерением произвести разгром лавок, но благодаря умелым действиям полиции,—погром предупрежден».

На следующий день была получена телеграмма из Грозного: «Около 3-х часов дня 22 февраля в Грозном женщины собрались толпами, с целью произвести погром лавок на базарах, на почве дороговизны продуктов, заявляя, что после Бакинских погромов таковые там подешевели.

Мерами, принятыми Начальником округа и жандармским офицером, погром в этот раз предупрежден, но настроение в Грозном и в некоторых других пунктах области, после Бакинских и Ростовских погромов,—сильно повышается». [1]

Как мы уже говорили, наиболее дальновидные агенты правительства, сидящие на местах, понимали, что беспорядки в ближайший период могут охватить и охватят ряд городов.

Тифлисский полицмейстер Здановский в своей докладной записке Тифлисскому губернатору от 21 февраля писал: [2]

«Положение беднейшего и среднего класса городского населения настолько стеснено существующей дороговизной жизни, что наблюдающееся в дальнейшем повышение цен на

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3337.
[2] Там же.

предметы потребления внушает серьезные опасения. В последнем пришлось окончательно убедиться при усиленном наблюдении за городским населением в дни развившихся в городе Баку событий, на почве дороговизны жизни.

Отголоски этих событий, как я доложил, донеслись и до наших окраин. Возможно предполагать, что вслед за ними явятся и глашатаи, которые, пользуясь стесненным материальным положением городской бедноты и ее полной беспомощностью улучшить при условии переживаемого времени хотя бы чем-нибудь свое полуголодное существование, могут легко их взволновать несбыточными обещаниями и тем подбить к преступным выступлениям... ручаться за полное спокойствие населения, при возрастающей дороговизне, было бы ошибочно, так как на почве недоедания возможны всякие неожиданности».

Прошло несколько месяцев и движение перекинулось в западное Закавказье.

В июле 1916 г. продовольственные беспорядки имели место в Тифлисе, Сухуме, в ряде городов и селений Грузии.

В Тифлисе беспорядки начались 4 июля 1916 г. и продолжались 5-го и 6-го.

Общая картина движения была несколькой иной, чем в Баку.

2 июля базарный день начался с избиения тачечных продавцов овощей.

Полиция, не сумев ликвидировать этого движения, отражая общее настроение растерянности властей перед надвигающимся грозным движением, при первом же разыгравшемся инциденте, как видно из донесения Тифлисского полицмейстера, приняла на себя роль посредников в купле и продаже.

2, 3 и 4 июля «чины полиции» оказывали женщинам содействие в приобретении ими предметов продовольствия и насущной жизненной потребности. При помощи полиции, толпой разыскивались склады скрытых товаров, которые тут же на месте и распродавались.

Как и следовало ожидать, не найдя поводов к разгрому при покупке предметов продовольствия, толпа стала искать их (поводов) в другом.

Подойдя 4 июля к магазинам мануфактурных товаров, толпа была перехвачена приставом с нарядом полиции. На предложение—разойтись, толпа ответила желанием купить ситец. У мануфактурных магазинов Вардпатрикова, опять-таки при помощи полиции, была установлена очередь и испуганные

торговцы стали распродавать свой товар по минимальным ценам.

Настроение толпы, между тем, нарастало и если не в одном, то в другом случае настроения эти должны были прорваться.

Достаточно было одному из хозяев магазина не явиться обратно в магазин после обеденного перерыва, как толпа, взломав замки, начала разгром товаров. Так начались беспорядки в Тифлисе.

5 июля тысячные толпы смешанного состава громили магазины в различных районах.

Смешанный состав толпы был отмечен Тифлисским полицмейстером: «В разгроме принимали участие совершенно различные слои населения—грабила беднота, мальчишки, солдаты, кухарки, дворники, учащиеся, сестры милосердия, жены офицеров, домовладельцы и домовладелицы... Сочувствие толпы грабителям доходило до аплодисментов. Общее впечатление получилось такое, будто весь город, высыпавший на улицы, принимал участие в проучивании ненасытных кровопийцев».[1].

Из материалов видно, что в толпе находилось значительное количество жен рабочих.

Разгром торговых предприятий производился одновременно в различных частях города: на Головинском и Михайловском проспектах (особенно бурно протекали события на углу Михайловского проспекта и Кирочной улицы, где ожесточенному разгрому были подвергнуты крупные магазины Оганова и Григорянца), на Пушкинской улице, на Армянском и Солдатском базарах. Громили и на Эриванской площади.

Яркую картину разгрома магазинов, производившегося 5 июля по Головинскому проспекту и Ольгинской ул.,—дает в своем донесении Начальник отделения корпуса жандармов Пострюлин, сам пострадавший в дни разгрома.

Возбуждение толпы было настолько велико, что когда Пострюлин пытался приостановить разгром магазина Милова, его избили до бесчувствия.

Вот, что рассказывал сам Пострюлин об этом: «Вбежав в полуразрушенный магазин Милова, я крикнул—брось товар, выходи вон; расхищавшая толпа устремилась, побросав куски материала, в ранее разбитые окна и двери; тогда же неизвестная мне женщина крикнула—кто вы такой и бросила в меня

[1] Архив наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3399.

кусок материи, который попал мне в правую ногу. Я повернулся, чтобы... задержать ее, но в это время, какой-то другой хватил меня по ноге карнизом от шторы до того больно, что я упал и только через несколько минут поднялся».[1]

Характерно, что так же, как и в Баку, пожарная команда работать не могла: струя воды была крайне ограничена. По слухам, воду закрыли нарочно.

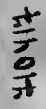
Расстрела толпы, подобно Бакинскому, в Тифлисе произведено не было. Об'яснить это можно лишь неустойчивым настроением воинских частей. Разложение армии к лету 1916 г. достигло, как мы увидим ниже, значительных размеров.

Наместничество, еще в феврале прибегнувшее к расстрелу толпы, не решилось прибегнуть к этой мере воздействия в июле, боясь, что в результате применения подобных мер движение в крае примет угрожающий характер.

Однако, холодное оружие в дни тифлисских беспорядков применялось и, как видно по показаниям отдельных очевидцев, в ряде районов казаки и полиция поработали достаточно. Гласный Городской Думы Готуа в заседании Думы говорил: «Я сам видел, как на Дворцовой улице околоточный и городовой били женщин шашками плашмя, а казаки их топтали лошадьми и безжалостно хлестали нагайками».

Одновременно с беспорядками в Тифлисе, началось движение и в Сухуме. 2 июля наместник получил очередную телеграмму: «В городе Сухуме погром магазинов толпою женщин, полиция бессильна, войско держится пассивно, положение тяжелое».

1 июля с раннего утра на улицах Сухума начали собираться толпы женщин. Собирались они, главным образом, на базаре и около магазинов, возмущаясь дороговизной и обещая громить магазины, но в этот день погромов не было.



2 июля, в 6 часов утра на базаре появилась толпа женщин, которая так же, как и в Тифлисе, заставила торговцев продавать продукты по ценам, ими указанным. Толпа, все увеличиваясь,—направилась к галантерейному магазину Шенгелия, взломала двери и разбросала товар.

В это время на место погрома прибыло около 20 конных стражников под командой офицера — ротмистра Микиртумова, которые, однако, не сумели ничего сделать. Толпа, разбив магазин Шенгелия и Дзадзамия, направилась к магазину Гогрсгидзе и стала громить его.

[1] Там же.

Когда начальник округа генерал Засыпкин, в целях устрашения, велел стрелять вверх, толпа женщин обозлилась и стала избивать его камнями; раненый, он вынужден был бежать, передав руководство действиями частей и полиции своему помощнику—полковнику Новроцкому.

Толпа же, разгромив в этом районе еще три магазина, двинулась в другие части города.

Движение в Сухуме не было лишено и юмористических черт.

Около 11 часов дня, толпа женщин, прибыв в гостиницу «Ориенталь», потребовала себе обед. Когда требование это было исполнено, женщины, пообедав, вышли на улицу и начали качать находившихся там помощника нач-ка Округа—полковника Новроцкого и исполняющего должность полицмейстера—Шанского [1], после чего разгром возобновился и продолжался до самого вечера.

3 июля разгром прекратился. Толпа женщин бродила по улицам под руководством некоего крестьянина Никитинской волости, Харьковской губернии—Педана; но беспорядков не производила. К полудню толпа женщин под предводительством Педана собралась в помещении Городской управы для выработки таксы на продукты.

Растерянность и беспомощность Сухумских военных властей и полиции характеризуется телеграммой помощника наместника—Орлова (4 июля): «По поступившим ко мне сведениям с момента вступления Вашего (Новроцкого), по поручению заболевшего генерала Засыпкина, в управление Сухумом, Вами не принято никаких решительных мер к прекращению беспорядков. Считая подобное отношение Ваше к возложенным на Вас обязанностям преступным бездействием власти,—предлагаю Вам немедленно принять все меры, в зависимости от местных условий настоящего момента, к прекращению беспорядков. Прежде всего, Вам надлежит немедленно арестовать какого-то неизвестного суб'екта, по слухам, якобы бывшего члена Государственной думы, который руководит толпою женщин, производящих беспорядки. Распорядитесь привлечь конную полицейскую стражу, а также примите все меры, кои признаны будут целесообразными для ликвидации беспорядков. Ожидаю донесения от Вас о принятых Вами мерах и о положении дел в Округе и городе Сухуме».[2]

[1] Архив наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело 3401.

[2] Там же.

Прибегнуть к более решительным мерам не пришлось. В ночь с 4 на 5 июля были произведены аресты Педана и 91 участника разгрома. Движение пошло на убыль.

В середине этого же месяца продовольственные беспорядки перебросились в различные пункты Грузии. 13, 14 и 15 июля беспорядки происходили в Хони, Самтреди и Кулашах, Кутаисского уезда; в Бандзе, Абаше, Суджунах, Ноагалеви, Салхино-сенакского уезда; а также в селе Михайлово (Хашури).

В Самтреди в разгроме торговых предприятий участвовала толпа в несколько тысяч человек; в Ноагалеви толпа доходила до 500 человек, при чем в этом местечке торговцы решили защищать свое имущество с оружием в руках и произвели несколько выстрелов.

Толпа тоже оказалась вооруженной, раздались выстрелы и оттуда, которые чуть не убили пристава (прострелили шапку), ранеными оказались 4 мужчин и одна женщина.

Были попытки к разгрому торговых предприятий и в Поти, но при участии одного из вождей Закавказского меньшевизма, члена Государственной думы—Чхеидзе, о роли которого мы будем говорить впоследствии, — беспорядки были ликвидированы.

Не только либеральная буржуазия, но и меньшевики пытались охарактеризовать это движение не как стихийное движение нарастающего грозного революционного прибоя, а как погромы типа еврейских погромов начала XX столетия, организованных полицией и черной сотней.

То настроение недовольства и возмущения, которое охватило либеральную буржуазию в период беспорядков,—вполне понятно. От беспорядков в первую очередь пострадали имущие слои населения.

В итоге беспорядков в Тифлисе, по данным Тифлисского полицмейстера, оказались разгромленными 43 торговых предприятия, из них: сильно пострадало — 8, больше, чем наполовину—11, меньше чем наполовину—8, и незначительно—16.

Кроме того, по тем же данным пострадали, но не оказались разграбленными—66 торговых предприятий.

В Сухуме было разгромлено около 20 торговых предприятий; в Ноагалеви—24 торговых предприятия и т. д. и т. д.

Понятно, что буржуазия ждала со стороны полицейских властей и армии применения самых решительных мер. В период беспорядков в Сухуме, по полномочию всех сухумских купцов Мильтон Шенгелия, отражая общее паническое настроение имущих слоев населения, телеграфировал в Штаб кав-

казской армии (3 июля): «Возбужденная, озлобленная толпа окрестных плантаций громит магазины, наводит панику, молим защиты, охраны имуществ, неприкосновенности личности, назначения следствия, определения размеров убытков, каковые колоссальны».[1]

По данным Бакинского градоначальства, размеры убытков исчислялись: [2]

Район	Количество разгромленных торговых предприятий			Сумма убытков (предварительный подсчет)		
	14 фев	15 фев	Итого	14 фев.	15 фев.	Итого
2-й Крепостной	3	8	11	206000 р.	?	206000 р.
3-й Александро-Невский	6	3	9	26000 „	15213 р.	41213 „
4-й Шемахинский . . .	7	—	7	17300 „	—	17300 „
5-й Центральный . . .	11	4	15	?	?	?
6-й Михайловский . . .	38	—	38	79650 р.	—	79650 р.
7-й Романинский	5	3	8	1900 „	210000 р.	211900 „
8 й Капитанский . . .	27	1	28	53492 „	200 „	53690 „
Итого . .	97	19	116	384342	225 13	609755

В своей докладной записке Мартынов сообщал, что в результате беспорядков в Баку оказались разгромленными 116 торговых предприятий. Размеры убытков по более полным подсчетам оказались равными 2.957.061 руб. 50 коп.[3]

В Баку после беспорядков от имени Городского самоуправления, было выпущено воззвание к населению. В патриотических тонах воззвание призывало население к спокойствию и дальнейшей работе под знаком заботы об обороне «отечества». Бесцветное и трусливое воззвание Бакинского городского самоуправления представляет для нас интерес лишь потому, что составители его успели вставить принципиальный тезис о насилии. «Путь насилия еще никогда не давал для общества благих результатов».[4] Этот лозунг сочетался с требованием либеральной буржуазии применения самых репрессивных мер для подавления беспорядков. Малейшая растерянность, слабость, нерешительность, проявленная правительственными органами, трактовались как нежелание ликвидировать движение.

Кадетская «Речь», сравнивая Бакинские события с май-

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3401.
[2] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г.—Дело № 3937.
[3] Там же.
[4] Там же. — Дело № 3337.

скими событиями (1915 г.) в Москве, утверждала, что это не разгром, а погром, что повинна полиция, «указующая перстом на евреев».

Стремление либеральной буржуазии доказать, что продовольственные беспорядки ничего общего со стихийным, массовым народным движением не имеют, нашло свое яркое выражение в выступлениях гласных при обсуждении вопроса о беспорядках в Тифлисской городской думе (5 июля 1916 г.).

Городской голова Хатисов, рисуя картину беспорядков, утверждал: что факт продажи товаров из двух мануфактурных магазинов по фабричным ценам, при участии полиции, в обстановке начинающихся беспорядков, может быть охарактеризован как факт полного самоуправства, разжигающего аппетиты толпы.[1]

Один из гласных, утверждая, что беспорядки можно было предупредить, так как о них стало известно еще 3 июля, заявил, что: «Принудительная, под покровительством полиции, продажа в магазинах должна быть рассматриваема, как первое проявление самоуправства, перешедшего потом в погромы».

Гласные Тифлисской городской думы утверждали, что опоздание в посылке казаков к месту беспорядков на 2 часа, со стороны властей является преднамеренным, что благодаря «этому странному опозданию, толпа имела возможность разграбить еще три, к сожалению, лучших в городе магазина» и требовали от губернатора опубликования лаконичного и решительного воззвания с угрозой пустить в ход оружие.

Хатисов в заключительной части своей речи заявил: «В чьих руках власть, на том и вся ответственность, недостаток доброй воли очевиден. Поверьте, если бы беспорядки носили революционный характер, то они были бы подавлены, всего в 5 минут».[2]

Однако, истинные устремления, истинные причины возбужденого настроения «отцов города» прорывались в их выступлениях неоднократно.

Так, например, управляющий Кавк. т-вом торг. аптекарских товаров Саркисов истерически заявлял: «Я завтра закрываю все наши магазины, пусть делают со своими больными и ранеными, что хотят».[3]

[1] Известия Тифлисской городской думы № 7, 8, 9. Журнал заседания от 5/IV—1916 г.

[2] Архив наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3399.

[3] Там же.

В результате решено было заявить властям—1)... что продолжающиеся беспорядки лишают возможности всех лиц и учреждения, обслуживающие в Тифлисе нужды лазаретов и фронта, продолжать прерванную сегодня работу и могущих при продолжении беспорядков оказаться в критическом положении, в виду невозможности обслуживать порученное им дело. 2) Просить власть поставить город в такое положение, при котором бы малейшая попытка к грабежу, и погрому в дальнейшем в корне и в момент возникновения таковых была бы подавлена. 3) Просить власть ни в коем случае не разрешать продаж в магазинах с участием толпы по фабричным ценам, что является соблазном для толпы и началом самоуправства. 4) Заявить властям, что никакая работа, производящаяся в тылу, по обслуживанию лазаретов и всего, что связано с военными нуждами, немыслима без гарантии полного спокойствия в городе, особенно в эту неделю, когда ожидается с фронта наплыв раненых воинов. 5) Просить власть о производстве строгого расследования и наказания виновных в грабеже, попустительстве и бездействии власти, откуда бы то не исходило, указав на то, что бездействие власти и попустительство, по наблюдениям гласных, имело место в течение дня 5 июля на местах погрома и до момента его развития, и вместе с тем, просить срочно принять меры к обнаружению награбленного товара и возвращению его владельцам».[1]

Как мы уже говорили, не только представители либеральной буржуазии, но и вожди оборончества в Закавказьи утверждали, что движение это носит явно погромный характер и призывали к решительной борьбе с ним.

Сейчас же после Бакинских беспорядков статс-секретарь Никольский шифрованной телеграммой сообщил наместнику кавказскому, что 25 февраля в Государственной думе подан запрос о Бакинских беспорядках, подписанный Скобелевым, Чхенкели и другими, что выступавшие в заседании Думы кавказские депутаты «говорили о больших беспорядках на почве дороговизны, приравнивая их к Московским майским погромам, обвиняя полицию в бездействии, а Союз русского народа в подстрекательстве».[2]

Меньшевистская газета «Танамедрове-Азри» от 17 июля

---

[1] Известия Тиф. городской думы № 7, 8 9. Журнал заседания от 5/VI—1916 г.

[2] Арх. наместника кавказского О. О. — 1916 г. Дело № 3406.

1916 г., характеризуя события, развернувшиеся в западном Закавказьи, писала: «Мы жестоко порицаем такие выступления, так как такая мера борьбы против дороговизны, как разгром, ни к каким полезным результатам не приведет. Не надо забывать, что выступлением толпы пользуются темные личности; они ищут мутную воду. Мы призываем всех, принимавших в этом погроме участие, к успокоению; такими разгромами никому никакой услуги не окажут. Необходима широкая пропаганда и агитация среди публики, чтобы постыдные явления не повторялись. Спасение только в движении, а не в разгроме».

Эта же газета 20 июля писала: «Из Имеретии печальные известия; волна погромов охватила и тамошние деревни—Самтреди, Хони, Абаша, Бандза, Салхино, Кулаши, Суджуны и прочие близлежащие места... положение серьезное..., если так будет продолжаться, если не будут приняты надлежащие меры, то нужно ожидать еще худшее».

На то, что отношение Закавказского меньшевизма к продовольственным беспорядкам ничем не отличается от позиции досужего либерального буржуа, указывал Ленин в своей статье «Потуги обелить оппортунизм». [1]

В газете «Наше слово», издававшейся в Париже, была перепечатана заметка о поездке одного из меньшевистских вождей Чхеидзе, совместно с священником Хундадзе и полковником Микеладзе, по Нижней Имеретии.

«Наше слово» следующим образом комментировало эту заметку: «Роль депутата Чхеидзе в этой, организованной под протекторатом губернатора, полковника, попа и пристава. поездке, представляется в плачевном, до последней степени, виде. Это, в лучшем случае, роль мягкосердного либерала». [2]

Статья Ленина была написана в связи с тем, что Л. Мартов попытался взять Чхеидзе под свою защиту. В статье «Опасность упростительства» [3] Мартов утверждал, что «путь этого рода «бунтов» не ведет к цели и в конечном счете вреден с точки зрения интересов пролетариата»..., что «вспыхивающие на почве дороговизны и т. п. народные волнения, являясь очень важными симптомами, не могут непосредственно стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу» и что «поэтому призыв к организации кооперативов,

1 Ленин, издание 3-е, том XIX, ст. «Потуги обелить оппортунизм».— Примеч. № 156. Стр. 479.

2 «Наше слово»—№ 203 (589) от 3 сентября 1916 г.

3 Напечатана в № 1 бюллетеня заграничного к-та Бунда.

к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам на основе развития самодеятельности масс является делом более революционным».

Ленин, критикуя эту явно оппортунистическую позицию Мартова, показал, каким должно быть отношение революционной социал-демократии к массовому движению народного недовольства, пока носящему стихийный, несознательный характер:

«Трудно сохранять спокойствие, когда читаешь эти возмутительные речи. Даже бундовская редакция, видимо, почувствовала, что Мартов мошенничает, и снабдила его статью двусмысленным обещанием «еще вернуться»...

Вопрос яснее ясного. Допустим, что Чхеидзе имел дело с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против нецелесообразной формы... во имя чего? Во имя целесообразных революционных выступлений или во имя целесообразной либеральной борьбы?

В этом все дело! А Мартов это-то и запутывает.

Господин Чхеидзе «отводил» проявляющееся революционное «недовольство масс» «в русло» *либеральной* борьбы (только мирные кооперативы, только легальное, одобренное губернатором, давление на городские думы и т. п.), а не в русло целесообразной революционной борьбы. В этом суть, а Мартов льет водицу и защищает либеральную политику!

Революционный социал-демократ скажет: громить лавченку нецелесообразно, устроимте посерьезнее демонстрацию, хотя бы одновременно с бакинскими, тифлисскими, питерскими рабочими, направим свою ненависть на правительство, привлечем к себе часть войска, желающую мира. Так ли говорил г. Чхеидзе? Нет, он звал к «борьбе», приемлемой для либералов!».[1]

В этих словах Ленина подлинно революционная истина.

То, что Ленин видел издалека, закавказские оппортунисты видеть не желали. Революционная слепота политических деятелей из лагеря Чхеидзе достигала такой степени, что они в тот период совершенно не обратили внимания на отношение армии к этому движению.

Находящиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что в период развития продовольственных беспорядков

[1] Ленин, изд. 3-е, т. XIX, ст. «Потуги обелить оппортунизм», стр. 298—300.

в Закавказьи солдатская масса занимала позицию в значительной степени дружественного нейтралитета в отношении к этому движению, при чем это не было отношением армии русского самодержавия к погромщикам, избивающим жидов в угоду полиции, а было отношением «крестьян в солдатских мундирах», не желавших стрелять в своих братьев и их жен.

В своей докладной записке, поданной наместнику после бакинских беспорядков, Мартынов указывал на то, что в первый день разгрома (14 февраля) толпа в несколько тысяч человек громила крупнейшие магазины и склады на глазах у полиции и казаков, которые играли созерцательную роль.

Этот же Мартынов докладывал, что на протяжении всего второго дня «из наличного состава войск, одни только казаки оказывали существенную помощь полиции; ополченцы же были всецело на стороне погромщиков, а бушевавшая чернь, видя сочувствие со стороны солдат, наглела и грабила товары, открыто перенося их по улицам до поздней ночи, засыпая полицию градом камней».[1]

О настроениях в армии в период бакинских беспорядков сообщает помощник наместника по гражданской части в своем секретном циркуляре, где он пишет: «При подавлении этих беспорядков (бакинских) воинскими и полицейскими нарядами было замечено, как общее явление, что среди низших чинов погромы вызвали скорее сочувственное к себе отношение, вследствие чего они или нисколько не противодействовали толпе погромщиков, являясь в роли зрителей, или, если и принимали какие-либо меры к прекращению беспорядков, то лишь благодаря присутствию в таких нарядах офицерских чинов, при чем замечено, что и в таких случаях низшие чины действовали чрезвычайно вяло и неохотно».[2]

О подобном же положении в частях сообщал и тифлисский полицмейстер в период тифлисских беспорядков: «Войсковые части не только не оказали полиции содействия, но даже в некоторых случаях принимали участие в грабежах и отпускали арестованных».

Старший надзиратель 2-го участка доносил, что в ночь с 5 на 6 июля из полицейского участка ему подведомственного были отправлены под конвоем девяти городовых в управление полицмейстера восемнадцать арестованных участников беспорядков (9 мужчин, 9 женщин). У управления полицмейстера

[1] Арх. наместника кавказского О. О.—1916 г. Дело № 3337.
[2] Там же. Дело № 3376.

сотня донских казаков, находившихся в наряде (была вызвана для сопровождения арестованных в тюрьму), насильно освободила этих арестованных, при чем казаки крикнули: «Стой крючки...» и стали угрожать оружием.[1]

Значительный материал о настроениях солдатской массы, дают материалы Охранного отделения, в связи с продовольственными беспорядками в Сухуме.

В Сухуме, в период беспорядков, так же, как и в Баку, состоялось совещание (3 июля), на котором присутствовали: находившиеся проездом в Сухуме начальник Кутаисского жандармского управления, помощник его, товарищ прокурора, полицмейстер, офицер стражи, начальник гарнизона, командир роты ополченцев, командир казацкой сотни и его младший офицер. На этом заседании был поставлен вопрос: пойдут ли казаки в плети и будут ли, как казаки, так равно и ополченцы —стрелять, в случае крайней надобности. Младший офицер сотни (находящийся в сотне больше года) заявил, что казаки не пойдут и стрелять не будут. Командир сотни, прибывший всего недели две тому назад, ответил уклончиво, т. е. заявил, «что людей он не знает, но предполагает, что казаки должны исполнить приказание».

Командир роты ополченцев также ответил, что он только прибыл, людей не знает, почему и поручиться за них не может.

Из донесений начальника Сухумского округа от 11 июля 1916 г. видно, что в своей оценке младший офицер сотни не ошибся.

Начальник Сухумского округа писал: «Когда, наконец, удалось разогнать публику, на что понадобилось не мало времени,—я приказал командиру сотни взять громил в плети и оттеснить их от магазинов, а стражникам и городовым—не пускать публику близко. Когда казаки доехали до громил, то среди них произошло какое-то замешательство и они повернули обратно. Между прочим, перед тем, как взять громил в плети, командир сотни доложил мне, что выезжая из казармы по требованию начальника Округа, нижние чины дружины, живущие с казаками в одной казарме, кричали казакам вслед: «Только попробуйте тронуть баб, мы вам покажем»... Я имел точные сведения о том, что гарнизон: рота ополченцев, полусотня казаков, а также нижние чины, состоящие в округе на усиление полицейской стражи, стоят на стороне женщин и

[1] Там же.

громко заявляли, что они вступятся за женщин, если со стороны полиции будут какие-либо выступления». [1]

Таким образом, руководители гражданской власти, полиция, командиры воинских частей в своих секретных донесениях показывали, что настроения армии явно на стороне массы, при чем эти настроения об'ясняются не поддержкой правительственных мероприятий, а идут, вопреки им, по линии поддержки движения народных масс, которое в тот период носило стихийный характер.

В Баку во время беспорядков разбрасывалась прокламация, адресованная всем торговцам и магазинщикам, за подписью «Организация», следующего содержания: «Помните Вы—написано было в этой прокламации,—кровопийцы, что опять для Вас придет гроза, но уже не такая и никакая сила не удержит; мало того, лавки, магазины, будут уничтожены, но замеченные кулаки, кровопийцы будут убиты. Ложь, что ничего нет... Не доводите до отчаяния, а то потом поздно будет, голодать—так всем, и оборванным ходить». [2]

Эта прокламация (нужно думать, не существовавшей организации) выражает то отчаяние, которое охватило массы на третьем году империалистической войны под влиянием систематического нищания.

В то время, как передовые отряды пролетариата стояли на позициях сознательной и организованной борьбы с русским самодержавием и капитализмом, у значительной еще части трудящихся масс города и деревни мы наблюдаем лишь проявление революционного «недовольства», выливающееся в формы стихийного движения.. Вопрос состоял именно в том, чтобы, использовав это массовое движение, революционая социал-демократия перевела бы его на рельсы сознательности.

Просто бороться с продовольственными беспорядками, клеймить их как движение явно реакционное, не достигающее цели, требовать от властей принятия решительных мер,—было уделом либеральной буржуазии, которая в данном случае непосредственно защищала свои собственные имущественные интересы.

Конечно, в процессе развития этого движения, темные элементы—пенкосниматели, пытались использовать его в своих собственных итересах; однако, это не давало никому права клеймить это движение как реакционное.

Задача революционной социал-демократии состояла в

[1] Арх. наместника кавказского О.О.—1916 г. Дело № 3401.
[2] Арх. Бакинского ген.-губернатора—1916 г. Дело № 3.

том, чтобы показать народным массам, что борьба против дороговизны, против идущей быстрыми шагами нищеты,—не может, не должна принимать формы разгрома торговых предприятий. Доказать массам необходимость развернутой борьбы с русским самодержавием и капитализмом, научить массы бороться,—вот к чему сводилась задача революционной социал-демократии в период продовольственных беспорядков.

Большевики и меньшевики в революции 1917 года.

В то время, как в центре России в результате февральского переворота на смену самодержавию пришло буржуазное Временное правительство, с первых же дней своего существования принужденное оспаривать право на власть у Советов Рабочих депутатов, в Закавказьи первые дни февральского переворота прошли под знаком трансформации старой власти.

Высланный еще в 1915 г. на Кавказ великий князь Николай Николаевич, чрезвычайно быстро ориентировавшись в событиях, поспешил декларировать свою преданность новому строю, а национальная буржуазия, обрадовавшись таким путям внедрения революции в Закавказьи, поспешила заявить, что «раз краевая власть признает Комитет (Государственной Думы!—*С. С.)* как законное правительство, коллизий между ею и обществом нет и быть не может и необходимость каких бы то ни было выступлений и манифестаций отпадает».[1] Представители грузинского меньшевизма также не заняли враждебной позиции по отношению к так быстро трансформировавшейся власти.

Позицию национальной буржуазии они приняли с оговорками, заявив, что «только тогда, когда краевая власть даст полные гарантии своей искренности,—мы можем отнестись к этой власти с доверием».[2]

Однако, такое единение старой власти с представителями «народа» продолжалось недолго. Николай Николаевич уехал из Закавказья и больше туда не возвращался. Временным правительством взамен Наместника были посланы на Кавказ 5 членов Государственой Думы, которые, организовав на месте Особый Закавказский Комитет, призваны были олицетворить собой новую краевую власть.

Но прибывшие 5 членов Государственной Думы, организовавшие Озаком[3] и пополнившие свой состав одним предста-

[1] «Кавказское Слово»—от 4 марта 1917 г. Выступление тифлисского городского головы А. Хатисова в чрезвычайном заседании городской думы от 2 марта.

[2] Там же—«Выступление представителя с.-д.—Н. Рамишвили».

[3] Особый Закавказкий Комитет.

вителем грузинского меньшевизма, отнюдь не олицетворили собой закавказскую власть. Являясь все в политике представителями либерально-буржуазного направления, они не создали ни авторитета власти, ни самой власти как таковой.

Власть из рук Наместника Кавказского, пройдя мимо них, попала в руки центральных, т. н. демократических советских организаций.

Ни для кого из современников не являлось секретом, что Озаком с момента своего зарождения ни в какой мере не являлся властью в Закавказьи и влачил жалкое существование.

Реальной властью в крае являлись Краевой Центр Советов Рабочих и Крестьянских депутатов и Краевой Совет Кавказской армии, т. е. блок оборонческих партий, фактически областные Комитеты меньшевистской и эсеровской партий, руководившие этими двумя основными советскими организациями.

Озаком до Корниловских дней, до попытки Краевого Центра его совсем ликвидировать, был мирным придатком реально-существующей власти, выполняя все директивы и постановления краевых советских организаций и больше всего занимаясь вопросом введения земских организаций в Закавказьи.

Можно ли об'яснить такое положение вещей слабой сопротивляемостью национальной буржуазии или разгадку нужно искать в характере двух руководящих краем партий, в их политике, могущей удовлетворить интересы буржуазии?

Грузинская социал-демократия, долгие дореволюционные годы выдвигавшая из своей среды деятелей не только грузинского или закавказского, но и общерусского масштаба, конечно, сразу же после февральского переворота заняла монопольно-руководящее положение во вновь созданных организациях края.

То, что грузинский меньшевизм возник и развился не как организация рабочая. То, что социально-классовой основой этой партии была мелкая буржуазия и разоряющиеся слои грузинского дворянства, было не раз показано и доказано большевистскими исследователями.[1]

Однако, эта формула не может нам об'яснить всего того пути, который проделал грузинский меньшевизм.

---

[1] Это определение ни в какой мере не находится в противоречии с фактом влияния грузинского меньшевизма на отдельные слои рабочих в Грузии. С. С.

Не характерно ли, что к 1917 году. грузинский меньшевизм, ставший во главе руководящих организаций края, не встретил какого-либо сильного сопротивления со стороны национальной буржуазии? Что партии социал-федералистов и нац.-демократов теряют свое былое значение, в то время как степень влияния грузинской соц.-демократии возрастает? Не наблюдается ли уже в этот период в среде грузинского меньшевизма процесса перерождения? Процесса, тогда лишь намечавшегося—стыка с интересами национальной буржуазии и капитализирующихся слоев грузинского дворянства?

1917 год, как увидим дальше, являлся годом массовых земельных захватов в Грузии. Грузинское крестьянство захватывает помещичьи земли, покосы, отказывается платить арендную плату и т. д.

Грузинская социал-демократия в ответ на это призывает крестьян быть терпеливыми, ждать до Учредительного собрания, а зачастую в лице своих представителей приказывает платить арендную плату.

Нарастает конфликт между массою грузинского крестьянства и грузинским меньшевизмом, который становится тем острее, чем большее влияние приобретает последний на национальную буржуазию. А в дальнейшем процесс создания раньше закавказской, а потом грузинской власти под руководством той же меньшевистской партии идет параллельно с нарастанием этого конфликта—давшего обольшевичивание грузинских крестьянских масс, давшего—Гори, Цхинвали, Сухум, Душет, давшего целую полосу развивающихся крестьянских восстаний. *Вот этого процесса перерождения грузинской социал-демократии при оценке ее деятельности нельзя забывать.* И именно этот процесс создал условия для слабой сопротивляемости национальной буржуазии в 1917 году, чувствовавшей как политика грузинского меньшевизма идет на стык с ее стремлениями и желаниями. В свете этого анализа исключительное значение приобретает оценка грузинской с.-д., данная вождем закавказского большевизма—С. Шаумяном в конце 1917 года. «Грузинская социал-демократия—это грузинский Дашнакцутюн»,—сказал он. Конечно, при этой оценке необходимо учитывать, что в то время как дашнакцутюн являлся партией национальной армянской буржуазии, грузинская с.-д. находилась лишь в процессе трансформации.

Но грузинский меньшевизм, ставший во главе политики руководящих организаций, мог встретить сопротивление еще со стороны армянской, тюркской и русской буржуазии.

Интересы национальной армянской буржуазии представлялись партией «Дашнакцутюн», партией, выросшей в борьбе за освобождение турецкой Армении, партией, охватившей широкие слои армянского населения. Однако, разнородный состав этой партии и даже социалистическая программа, принятая под давлением и напором развивающегося революционного движения в Закавказьи, не меняли ее буржуазного существа. Ее фактической программой, как показали годы империалистической войны, являлась борьба за освобождение турецкой Армении и за воссоединение ее с русской частью Армении в единое целое.

Существование внутри «Дашнакцутюна» широких слоев крестьянства и части рабочих обязывало национальную армянскую буржуазию. В 1917 году «Дашнакцутюн» не только не противопоставлял себя меньшевистско-эсеровскому блоку, но являлся активной силой в блоке оборончества и русско-армянского национализма.

Элементы же национальной тюркской буржуазии политически оформились лишь к концу 1917 г. Оставались часть русской средней и крупной буржуазии, которая, основав филиальное закавказское отделение конституционно-демократической партии, весь период 1917 г. активно противодействовала политике краевых советских организаций.

Но роль ее в условиях Закавказья была столь незначительна, что никакого решающего влияния на политику в Закавказьи позиция этих слоев населения иметь не могла.

Что касается эсеровской организации, то она в коренном населении Закавказья никакой базы не имела, если исключить незначительный слой русской мелкобуржуазной интеллигенции. Сила и значимость этой организации в условиях Закавказья обусловливалась исключительно существованием турецкого фронта.

Фронт—в лице Кавказской армии вплоть до обольшевичивания солдатской массы был той базой, на которой держалась сила закавказской эсеровской организации. Некоторую базу эсеры имели еще в промышленном Бакинском районе, где они олицетворяли чаяния и стремления отсталых, пришедших из деревни и не переварившихся в промышленном котле слоев рабочих.

Эсеры, не имея базы в коренном населении Закавказья, равно как и определенных крупных фигур политических деятелей, могущих возглавить самостоятельную политику, неминуемо должны были идти на блок с представителями социал-демократии, имевшими то и другое. Оборончество связывало обе эти организации. Сферы влияния были поделены. Краевой Совет Армии находился в руках эсеров. Краевой Центр Советов рабочих и крестьянских депутатов—в руках меньшевиков. Но сфера влияния не исключала гегемонии в этом блоке меньшевиков. С направляющей ролью социал-демократии в краевой политике эсеры принуждены были мириться. Организуя время от времени фронду по отношению к политике с.-д. в период 1917 года, эсеры все же всегда сдавали свои позиции. Об'яснялось это еще тем, что, выступая против политики с.-д., они имели возможность всегда убеждаться в том, что мнимая левизна фраз прикрывала правизну линии, проводящуюся с.-д. в жизнь зачастую значительно решительнее, чем это делали с.-р.

Таким образом, меньшевистско-эсеровский блок в 1917 г., не встречая, как мы уже показали, сильного противодействия справа, получил возможность руководить всей политикой края. Коллизий между властью юридической (Озаком) и властью фактической (краевые советские организации) не было и быть не могло, единственной реальной силой, выступившей против политики этого блока, была революционная социал-демократия —большевизм.

Большевистские организации Закавказья во главе с Краевым Комитетом росли и оформлялись в процессе самой революции. Их основной базой был индустриальный пролетариат

Закавказья (главным образом, в Бакинском промышленном районе). Но, кроме того, база большевистских организаций росла и развивалась, как и сами организации, также в процессе революции. Чем больше грузинские меньшевики шли по линии стыка с национальной буржуазией, тем крепче становилась связь большевизма с рабочими массами Грузии и в первую очередь с тифлисским пролетариатом, с грузинским крестьянством. Большевистские организации с самого же начала революции требовали передачи земель в распоряжение революционных крестьянских комитетов и поддерживали стремление крестьянства революционным путем захватить помещичьи и государственные земли.

Достаточно указать на то, что в результате этой растущей связи забастовочное движение, рабочие демонстрации, развернувшиеся крестьянские восстания, с начала 1918 года направленные против власти Заккомиссариата, Заксейма и т. н. грузинского «демократического» правительства, шли не только под большевистскими лозунгами, но развивались под непосредственным большевистским руководством.

Уже начиная с июньского наступления 1917 г. замечается также беспрерывной рост влияния большевизма в армии, который к декабрю 1917 г. приводит большевизм к значительным победам (II Краевой С'езд Армии).

Все это создавало условия, при которых революционная социал-демократия (большевики) сумела вести на протяжении всего года беспрерывную решительную борьбу с «блоком», расшатывая изо дня в день его могущество.

Однако, база большевизма, несмотря на ее беспрерывный рост, была еще недостаточна для развертывания немедленной, вооруженной борьбы за власть.

Значительная часть неиндустриального пролетариата Грузии находилась под влиянием меньшевиков. Значительная же часть армянского крестьянства находилась под влиянием Дашнакцутюна, а темное и забитое тюркское крестьянство, начавшее борьбу за землю в 1918 году, было использовано помещиками и национальной тюркской буржуазией для борьбы с большевизмом. Даже среди бакинских рабочих сохранялись еще национальные влияния, тормозившие зачастую революционизирование рабочих масс.

В этих тяжелейших условиях борьбы за завоевание масс, большевистским организациям приходилось непрерывно бить по блоку национализма и оборончества, игравшему на протяжении всего 1917 г. контр-революционную роль.

Как мы увидим дальше, в этой борьбе тактика Краевого большевистского руководства в известные моменты страдала нечеткостью. Однако, эта нечеткость и даже отдельные политические и тактические ошибки перекрывались никогда не искривлявшейся основной политической линией большевистской организации Закавказья и ее руководства—линией борьбы за завоевание масс в целях организации этих масс для решительных боев за власть.

Меньшевистско-эсеровский блок в борьбе с большевизмом

Социал-демократическая закавказская организация и ее Областной Комитет вступили в революцию, как мы уже указывали, достаточно подготовленными. Годы оборончества и легального существования создали навыки к широкой общественной работе, сохранили руководителей.

Получив сведения о совершившемся революционном перевороте в центре, меньшевистские руководители не охватили всей широты и глубины развернувшегося движения, а значит, не доучли и своей роли в нем. Поведение их в первые дни после получения сведений о совершившемся перевороте показывает, что они рассчитывали лишь на уступки старой власти, углубление революции считали нецелесообразным, стремясь не дать развернуться народному движению по периферии.

Если один из руководителей областного комитета Н. Рамишвили в заседании городской думы прямо заявил, что при условии предоставления гарантий своей искренности старая власть (наместничество) может оставаться и далее для управления Краем, то его сотоварищ по руководству, общепризнанный вождь закавказского меньшевизма—Н. Жордания, этот лозунг (нужно думать, по директивам Областного Комитета) попытался организационно оформить.

Он побывал у наместника Кавказского, после чего последний поспешил сообщить всем губернаторам Края, «что население Кавказского Края сохраняет полное спокойствие и *руководители общественных организаций, вплоть до социал-демократов, обещают и впредь поддерживать среди населения порядок*». [1]

[1] Арх. наместника кавказского. 1908-17 г.г. Опись дополнительная. Д. № 1.

Однако, как только пришли дальнейшие сведения о размахе движения, как только Закавказье, по примеру всей России, оплелось густой сетью различных т. н. демократических организаций, когда стало ясно, что самодержавие рухнуло бесповоротно,—закавказские меньшевики поняли, что они призваны к значительно большей роли, чем сами рассчитывали в первые дни переворота.

В Тифлисе организовались Советы рабочих и солдатских депутатов(сначала это были две самостоятельные организации). Руководство в первом сразу же сосредоточилось в руках меньшевиков, руководство во втором—в руках эсеров.

Организовавшийся в Тифлисе с первых же дней переворота Исполнительный Комитет общественных организаций, состоявший из представителей Совета и Городской думы, сразу же подпал под влияние первого.

Одновременно были получены сведения, что вместо упраздненного наместничества едут члены Государственной думы: Переверзев, Абашидзе, Харламов, Пападжанов, Джафаров, которые возглавят Особый Закавказский Комитет—агентуру Временного правительства в Закавказьи.

Но социал-демократы, уже успевшие «освоить» размах движения, считали, что они сами смогут в значительно лучшей степени, чем «пришлые элементы», олицетворить интересы Временного правительства.

В заседании Исполнительного Комитета Тифлисского Совета Раб. депутатов от 11 марта Жордания, делая сообщение о Комиссарах Временного правительства, характеризовал «первых трех (Пападжанова, Абашидзе, Джафарова), как националистов, людей, не пользующихся доверием демократии. Подчеркнул местные условия, мировоззрение и отношение к местному населению тех пришлых элементов, которые, будучи знакомы с нашими национальными отношениями, могут при случае воспользоваться этим и поднять знамя черной реакции». [1]

Нараставший конфликт между с.-д. и справа стоящими группировками был ликвидирован, конечно, не тем, что в Озаком был введен Чхенкели, а тем, что меньшевики согласились на сохранение формально юридической власти в руках правых, а правые молчаливо согласились на сосредоточение всей полноты власти в руках меньшевиков и эсеров.

Ликвидированный конфликт с справа стоящими, главным

[1] Из протокола заседания И К. С. Р. Д. гор. Тифлиса от 11/III—1917 года.—Арх. Тифлисского Совета Р. и С. Д. Дело № 92.—1917 г.

образом, национальными группами, давал возможность создания единого фронта в политике и сосредоточения огня налево.

Но для сохранения и в дальнейшем целостности этого фронта требовалось прямое и недвусмысленное декларирование своего отношения к буржуазии, к ее роли в революции.

Национальная буржуазия должна была быть уверена в верности и политической благонадежности союзника.

Уже в марте месяце 1917 г. на состоявшемся С'езде представителей Советов Закавказья (18 марта) Н. Жордания выступил с большим докладом, в котором заявил, что: «Российскую революцию совершили три силы: пролетариат, армия и буржуазия. Следовательно, эти три силы должны действовать в контакте, взаимно согласовывая свои выступления, что организованный пролетариат не должен запугивать буржуазию, дабы не остаться изолированным».

Но цитированое нами положение, выдвинутое уже в марте месяце Жордания, еще не было окончательно сформулированной программой действий закавказских с.-д. В апреле и мае месяце состоялось два с'езда: Краевой Рабочий и Краевой Армейский с'езды, на которых меньшевики и эсеры развернули план своей дальнейшей деятельности, сформулировали свои взгляды по отношению к различным вопросам, тем самым показав национальной буржуазии, что ей бояться «левого советского» управления Краем отнюдь не следует. Приступая к изложению этих позиций, необходимо, прежде всего опровергнуть взгляды некоторых досужих исследователей, которые утверждали, что Н. Жордания, а значит и вся закавказская «демократия», высказавшись в апреле и мае месяцах против организации коалиционного правительства, были за создание однородного демократического правительства. Этого отнюдь не было. Н. Жордания и его соратники, выступая против создания коалиционного правительства, против вхождения социалистов в буржуазное правительство, исходили из того же мартовского лозунга: «не запугивайте буржуазию».

В заседании от 25 мая на с'езде Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов Н. Жордания выступил с большим докладом о коалиционном правительстве. Он говорил: «вхождение в коалиционное министерство есть крупная ошибка пролетариата... Как представители пролетариата, министры - социалисты не могут отказаться от осуществления социальных требований представляемого ими класса, иначе он отвернется от них (!—*С. С.). Но, осуществляя их, они толкают буржуазию в лагерь контр-революции* (курсив наш—*С. С.).* Вхождение в

министерство поставило социалистов перед неразрешимой дилеммой». [1]

Эта достаточно ясная анти-революционная постановка вопроса все же какой-то своей стороной могла оказаться враждебной по отношению к буржуазии, если бы закавказские с.-д. последовательно были против коалиции. Однако, и этого не было. Н. Жордания поспешил в том же докладе оговориться, что, так как «факт вступления в министерство налицо и с ним приходится считаться», то... «мы оказываем Временному правительству доверие и поддержку постольку, поскольку оно идет по пути демократии». [2]

Вот эту теорию мирного сотрудничества классов в революции, схематически и все же туманно намеченную вождем закавказской с.-д., поспешил расшифровать один из видных меньшевиков—тифлисский губернский комиссар, поручик Д. М. Попов. Последний, как и ряд других закавказских с.-д. деятелей, не обладая жордaниевским умом, отличался значительной большей, чем последний, откровенностью. На обоих с'ездах (армейском и рабочем) он выступал ответственным докладчиком о движущих силах революции. Основные положения его доклада, повторявшие уже сказанное Жордания о том, что буржуазия является одной из основных движущих сил революции, делали логическое заключение в дальнейшем о том, что самая революция была подготовлена и проделана буржуазией: «буржуазия сосредоточила свои силы вокруг Государственной думы. Буржуазная пресса подготовила умы населения; и когда разразилась революция, буржуазия в лице Временного правительства стала у власти». [3]

Отсюда он, конечно, логически дошел до теории о самоограничении классов в революции: «Революция стала на почву соглашения между движущими силами... Это единственно правильный путь». Трактуя о самоограничении классов, докладчик в своих тезисах на одну доску ставил требование рабочих о 8-часовом рабочем дне и требование буржуазии о национальной автономии. Возражая против «захватнического пути», докладчик призывал все классы к соглашению и самоограничению.[4]

[1] Арх. Кавказского Краевого центра С. Р. и К. Д. 1917 г. Д. № 95.
[2] Там же.
[3] Архив Краевого Совета Кавказской армии 1917 г. Д. № 300.
[4] Там же.

Так как ясно было, что это самоограничение прежде и раньше всего касается пролетариата и крестьянства — национальная буржуазия и ее представители ликовали.

Ни один с.-д. и ни один с.-р. не выступил против положений Попова. Возражали лишь большевики, отрицая революционность буржуазии. *Должна ли была в этих условиях национальная буржуазия возражать против существующего руководства краем? Конечно, нет!*

На двух с'ездах развернулась большая полемика между представителями с.-д. и с.-р. по аграрному вопросу.

Представители обоих партий с пеной у рта отстаивали зады своих старых и давно истрепанных программ. Одни кричали «муниципализация», другие настаивали на «социализации». И то, и другое было абсолютно не на-руку буржуазии, но за этими теоретическими спорами лежало общее положение меньшевиков и эсеров, вполне удовлетворявшее буржуазию, положение о самоограничении крестьянских стремлений вплоть до учредительного собрания. Одни только большевики высказывались за немедленную конфискацию земель и передачу их в руки революционных крестьянских комитетов.

У нас на руках имеются документы, подтверждающие, что с.-д. не только на словах призывали к самоограничению крестьянства, но затем, в июле—августе месяце, через своих представителей активно противодействовали захвату крестьянами помещичьих земель.

Таким образом, одной из своеобразных черт положения в Закавказьи в период апрель—май 1917 г. было то, что Озаком без борьбы и сопротивления передавал реальную власть в руки краевых советских организаций и партий, ими руководивших.

Последние же, как мы видели, имея реальную власть в руках, не использовали ее для борьбы с буржуазией, а, наоборот, проводили политику вполне приемлемую для национальной буржуазии.

В этих условиях характерна роль с.-р. Они, по своим стремлениям в политике еще более правые, чем с.-д., вполне удовлетворялись политической линией последних. Конфликты, имевшие место на первых двух краевых с'ездах, не имели, как мы уже указывали, никакого актуального значения. Положение ни в какой мере не изменялось от того, что на с'езде армейских депутатов была принята резолюция Березова о «социализации», а на с'езде рабочих депутатов—резолюция Ломтатидзе о «муниципализации».

Это могло иметь и имело значение лишь организацион-

ное. Эсеры чувствовали необходимость сохранить за собой руководство в армии. Это была их единственная реальная база, теряя которую они теряли какое бы то ни было значение в Крае.

Именно поэтому они так яростно дрались за проведение своих ничего не значущих резолюций, стремясь показать силу и степень своего влияния в армии.

Что это действительно так, показали послес'ездовские заседания, на которых конструировалось руководство Краевым Советом армии.

Меньшевики попытались выбить с.-р. из седла. В ход было пущено все, вплоть до обструкции и отказа представителей с.-д. фракции от какого бы то ни было участия в деятельности Краевого Совета.

В результате обоим сторонам пришлось пойти на уступки, так как обе стороны понимали все значение и силу блока.

Основное руководство в армии сохранилось за с.-р., но меньшевики получили возможность влиять на это руководство.

Нужно считать, что этим конфликт внутри меньшевистско-эсеровского блока был вплоть до периода корниловщины ликвидирован.

При поддержке национальной буржуазии, блок открывает огонь влево, начинает развертывать борьбу с растущей революционной социал-демократией.

Уже в заседании Исполнительного Комитета Тифлисского Совета Р. и С. Д. от 19 апреля было решено о задержании и недопущении на фронт 40.000 экземпляров газеты «Правда»

Впоследствии это распоряжение было отменено, а председатель И. К.—Н. Жордания отговаривался поздним временем, недоразумением и даже своим нейтралитетом в голосовании этого вопроса. Однако, этот факт необходимо оценить как начало наступления на большевистские организации Края. Уже в начале июня месяца ряд большевиков: Эрканян, Калантадзе, Таварткиладзе, Тарасьян и Соловьян (сын) были на улице арестованы и доставлены в комендантское управление, где они подверглись угрозам и издевательствам находившихся там офицеров, которые называли большевиков агентами германского правительства, провокаторами и т. п.

Нужно указать, что арестом руководил с.-р.—член Исп. Комитета Тиф. Совета Р. и С. Д.—Ребрух.

Травля большевизма на страницах оборонческой печати сосредоточилась вокруг двух вопросов—полный организационный разрыв большевиков с оборонцами, июньское наступление и гарнизонный митинг в Тифлисе.

Газета «Борьба», орган Областного Комитета меньшевиков, квалифицировала отказ большевизма от сохранения об'единенной организации с оборончеством, как звено в системе провокации Малиновского и К-о. На Краевой Комитет большевистской партии выливались ушаты грязных помоев. Но своего апогея достигает эта газетная кампания в тот момент, когда большевики открывают контр-кампанию против наступления на фронте. «Борьба» писала: «ленинцы предпринимают один шаг безумнее другого. Проповедь братания, за ней проповедь насильственного захвата земли крестьянами... и, наконец, они организуют что-то превосходящее всякие вероятия по своему безумию, по своей бессмысленности, они организуют не более, не менее, как организованное выступление рабочих и солдат... (это об отмененной демонстрации 10 июня.—*С. С.)*. Вполне правильную оценку дал этому выступлению т. Церетели, когда заявил: «большевики, отрицая наступление армии на фронте, признают его необходимым для себя внутри... Русская революция находится под угрозой разгрома»[1].

Сами же закавказские с.-д. выявили свое отношение к наступлению, вынеся в заседании И. К. Тифл. Совета от 23 июня резолюцию о том, что «И. К. наступление согласно приказа Керенского считает одним из эпизодов мировой войны, нисколько не меняющим наших целей в ней»[2].

Когда же закавказская большевистская организация призвала солдатские массы к протесту против наступления, меньшевики, придравшись к имевшему место на гарнизонном митинге избиению солдатами меньшевиков и эсеров, заявили в своей прессе, что большевистские резолюции на гарнизонном митинге были приняты «денщиками и бывшими городовыми, не желавшими идти на фронт», что большевики организуют вокруг себя те самые темные силы, при посредстве которых в прежнее время царизм расправлялся с социал-демократией.

Вожди социал-демократии поспешили сделать соответствующие выводы из всего происшедшего, предвидя процесс дальнейшего обольшевичивания армии. В заседании И. К. Тифлисского Совета от 26 июня Жордания так характеризовал ближайшие перспективы: «мы стоим перед большим революционным кризисом — это кризис господства черни, за которым следует реакция. Чернь почувствовала, что над ней нет власти и всплывает наверх. Никакими лекциями и словами с этим нельзя бороться. Чернь прикрывается большевистскими

[1] «Борьба»—от 14 июня 1917 г.
[2] Арх. Тиф. Совета Р. и С. Д. 1917 г. Д. № 94.

лозунгами, делая из них дальнейшие заключения... Если мы хотим, чтобы не настало господство черни, мы должны иметь вооруженную силу и вести твердую политику».[1].

Закавказские меньшевики движение солдатских масс квалифицировали как восстание черни.

Выступавшие вслед за Жордания в том же заседании услужливые социал-демократические ораторы в роде Попова, как и всегда, постарались расшифровать и дополнить выступление Н. Жордания, показав, что у закавказских с.-д. не было даже и зачатков марксистского мировоззрения. Тот же Попов в своем выступлении заявил: «Нет такой политики и программы, которая бы удовлетворила массу, ибо масса анархична. Не большевики с нами расходятся, а анархическая масса. Н. Жордания поставил вопрос ясно: «гражданская война впереди и мы должны к ней готовиться» [2]

Нам думается, что читатель согласится с нами, что за этим выступлением явственно проступает физиономия Трепова и грозный окрик «патронов не жалеть».

При подобном отношении закавказских меньшевиков к событиям местного характера, неудивительно, что июльские события они квалифицировали как открытую контр-революцию, действующую на руку германскому правительству. Кадеты и прочие либеральные буржуа могли только потирать от удовольствия руки, читая в «Борьбе» следующую характеристику июльских событий: «Сознательная контр-революция, руководившая толпой, может-быть и революционно настроенной, но тоже играющей на руку контр-революции—вот истинная сущность петроградских событий... Кто иной мог быть заинтересован в этом, как не германские агенты, втершиеся в толпу демонстрантов и направлявшие их в сторону, выгодную для германского правительства».

Что же касается эсеров, то они еще более решительно ставили вопрос о контр-революционной сущности большевизма, о необходимости энергичной борьбы с ним.

У национальной буржуазии не было основания быть недовольной деятельностью меньшевистско-эсеровского блока, стоявшего у власти.

Однако, очутившись перед опасностью корниловщины, закавказские соц.-демократы решили ей противодействовать. Но на этот путь отнюдь не склонна была становиться нацио-

¹ Там же. Протокол заседания И. К. С. Р. и С. Д. от 26/VI 1917 г.
² Арх. Тифлисского Совета Р. и С. Д. 1917 г. Д. № 94.

нальная буржуазия, что привело к кратковременному конфликту с ней. Даже эсеры отказались от тех путей, которые предлагали закавказские с.-д.; в результате и меньшевистско-эсеровский блок дал трещину. Однако, вся эта перегруппировка сил не привела меньшевизм к размежеванию с справа стоящими от него группами. Конфликт оказался временным и в конечном счете дал еще большее поправение в политике закавказского меньшевизма.

Как только произошел Корниловский переворот, закавказские с.-д. выявили свое отношение к нему, проведя резолюцию в заседании Краевого Центра Советов и И. К. Тифлисского Совета от 2 сентября.

Выступление Корнилова квалифицировалось как контрреволюционное, кадетская партия, как изменившая делу революции, в связи с чем отрицалась всякая возможность коалиции с цензовыми элементами и предлагалась организация демократического правительства.[1] Эта решительная резолюция прошла в заседании далеко не единодушно — 56 голосов было против. Часть эсеров, вместе с представителями Тифлисской городской думы, голосовала против.

Вслед за этим состоялось закрытое заседание Красвого центра Советов, на котором решено было организовать из представителей социалистических партий и «демократических» организаций орган по борьбе с контр-революцией — Кавказский Революционный Комитет. Не остановившись на этом, с.-д. в заседании Краевого центра от 3-го сентября проводят резолюцию о необходимости реорганизации Озакома на новых началах. В заседании от 6 сентября решено было организовать Озаком исключительно из представителей с.-д. и с. р.[2].

Одновременно Кавказский Революционный Комитет разослал на места циркуляр, в котором заявлял, что «Временный Кавказский Революционный Комитет краевых центров в эти тяжелые дни контр-революционных выступлений в тылу и Корниловского мятежа на фронте решил взять всю власть в Крае в свои руки».[3]

Создавалось впечатление, что назревает серьезнейший конфликт с национальной буржуазией. Еще в заседании Ревкома от 2 сентября, совместно с членами Озакома, последние заявили, что «Особый З. К. считает революционную организа-

[1] Арх. Кавказского Краевого Центра Советов Р. и К. Д. 1917-18 г.г. Д. № 101.
[2] Там же.
[3] Там же 1917 г. Д. № 75

цию для себя неприемлемой, созданное положение считает двоевластием, гибельным для дела».

Со стороны до сего молчавшего Озакома посыпались сообщения и жалобы в центр о захвате власти революционными организациями, о двоевластии, о невозможности в дальнейшем плодотворной работы. В результате Озаком подал в отставку. Краевой Центр Советов в ответ на это конкретизировал положение о реорганизации Озакома и вынес решение о желательности передачи временно всей полноты власти в руки Революционного Кавказского Комитета.

К этому периоду корниловщина была ликвидирована и Керенский циркуляром приказал распустить все революционные организации, возникшие в дни корниловщины, «выразивши им от имени страны благодарность».

Перед кавказским Краевым центром советов и закавказским меньшевизмом, его основным руководителем, сначала не подчинившимися этому приказу, все же встал вопрос, можно ли идти на углубление конфликта, на открытый разрыв с правительством. К тому же блок с эсерами дал трещину: Краевой Совет армии вынес постановление о необходимости роспуска Революционного Комитета.

Приходилось отступить, благо пути отступления не были отрезаны.

Ведь, постановив о роспуске и реорганизации Озакома, меньшевики все же не рискнули провести все эти мероприятия в жизнь революционным путем. Они сообщили об этом своем решении в центр, прося соответствующей санкции у Временного правительства. Для этого в Петроград был послан Е. Гегечкори, который этой санкции, конечно, не добился. Таким образом, Озаком своевременно реорганизован не был.

В то же время Кавказский Революционный Комитет, рассылая циркуляр о взятии всей полноты власти в свои руки, об отставке и реорганизации Озакома, не забывал в конце прибавлять, что «по этому вопросу Революционный Комитет уже снесся с Временным правительством», но что пока «до разрешения этого дела Временным правительством и до реорганизации Озакома, он (Озаком) продолжает оставаться на своем посту в прежнем составе и потому всем органам власти предлагает по-прежнему по всем делам сноситься с Озакомом».[1] Все это и явилось, конечно, дорогой к отступлению с.-д. на позиции сохранения союза с национальной буржуазией.

[1] Арх. Кавк. Краевого Центра Советов Р. и К. Д. 1917 г. Д. № 75.

В результате реорганизованный Озаком вмсстил в себе не только представителей т.-н. право-социалистических партий, по и изрядное количество национальной буржуазии,—что, конечно, успокоило последнюю. Но, кроме того, был уничтожен Революционный Комитет, который пугал буржуазию самой историей своего возникновения, своим назначением, даже своим названием.

Реорганизация его произошла также в интересах буржуазии. Национальную буржуазию к октябрю 1917 года пугала развивающаяся в стране, по ее терминологии, анархия,—т.-е. крестьянские захваты и революционная активность рабочих масс (так, напр., победоносная сентябрьская стачка рабочих в Баку, окончившаяся полным поражением предпринимателей, была проведена под руководством большевиков).

Кавказский Революционный Комитет, призванный к жизни для борьбы с контр-революцией, решено было слить с организующейся при Озакоме Комиссией для борьбы с анархией.

Новая организация была названа Комитетом общественной безопасности, вероятно, по аналогии с учреждениями Великой Французской Революции (ведь Жордания так любил аналогии). При чем, название это показывало, насколько могут быть неудачны исторические аналогии не только на словах, но и на деле.

Жорданиевский Комитет общественной безопасности, организованный для борьбы с «анархией», т. е. для борьбы с развивающимся революционным движением масс, отнюдь ничем не походил на революционные организации Великой Французской Революции, возникшие в период террора.

Закавказская с.-д., отступившая на старые позиции, получила возможность опять сосредоточить свои силы на борьбе с большевизмом, тем более, что пришел период Октябрьского переворота, период непосредственной борьбы революционного пролетариата за власть.

Октябрьский переворот меньшевики встретили неподготовленными. Приспосабливая к новым условиям свою тактику, закавказские с.-д. заявили, что единственным выходом из создавшегося положения является мирная ликвидация восстания путем организации однородного демократического правительства без цензовых элементов, от большевиков до н.-с. включительно. Такая постановка вопроса, конечно, в перспективе мо-

гла опять привести к конфликту с национальной буржуазией. Но меньшевикам приходилось маневрировать. Принимая во внимание массовый характер движения, они предпочли на краткий период отклониться влево. Однако, «левые» настроения в меньшевистском лагере, как и следовало ожидать, продержались не долго. Увидев, что, с одной стороны, большевики отнюдь не склонны воспринимать выкинутый ими лозунг однородного демократического правительства, что, с другой— если они не поторопятся, то организация антибольшевистского фронта произойдет без их участия, меньшевики решили, что гораздо целесообразней взять на себя инициативу по созданию такого фронта. Это было необходимо сделать тем скорее, что эсеры с первых же дней переворота заняли активную антибольшевистскую линию, требуя вместе с национальной буржуазией ликвидации восстания всеми возможными мерами, вплоть до вооруженного подавления его.

Все это и привело с.-д. к мысли о необходимости создания закавказского правительства, сконструированного таким образом, чтобы, пойдя на стык с национальной буржуазией, сохранить за собой руководство, взяв курс на разгром большевизма.

Мысль эта окрепла вместе с поступившими сведениями об организации контр-революционных сил на Северном Кавказе.

В хлебородных губерниях организовался барьер, мешавший большевизму проникнуть с севера в Закавказье. В этих-то условиях межпартийное совещание 11 ноября 1917 года, созванное по инициативе тех же соц.-демократов, решает о создании закавказского правительства, т. н. Закавказского Комиссариата. Большевики в это правительство были приглашены с совершенно безошибочным расчетом на то, что последние сами откажутся в него войти.

Присутствие большевиков в правительстве, конечно, стеснило бы действия Зак. комиссариата, так как, порвав с революционным Севером, приходилось брать курс на связь с контрреволюционным Северным Кавказом, долженствующим регулярно поставлять хлеб в Закавказье. Здесь, как и ранее, для характеристики подлинных стремлений меньшевистско-эссеровского блока нам помогли, конечно, не столько дипломатические выступления Жордания, сколько прямолинейные выступления его подголосков. В экстренном заседании Краевого Центра, Краевого Совета и представителей партийных организаций от 9 ноября, при обсуждении вопроса о конструировании правительства, член Красокара Смолянинов, выведенный из себя лавиро-

ванием вождей в вопросе о введении большевиков в правительство, заявил прямо: «мы говорим, но до конца не договариваемся. Правда, была резолюция об организации власти от народных социалистов до большевиков включительно. Но прошли дни и кон'юнктура изменилась и здесь отклоняют самый реальный вопрос, забывают о Северном Кавказе, где твердо и определенно организуются силы и ставится вопрос: согласны ли мы на министерство с большевиками? Если да, то Северный Кавказ отказывается дать нам хлеба. Так почему же вы не реагируете на это и сознательно закрываете глаза на это обстоятельство?»[1]

Мы смеем утверждать, что по существу против этого истерического выкрика молодого политика вожди закавказской с.-д. и не собирались полемизировать. К правительству без большевиков они думали придти и пришли более тонкими путями.

А создав правительство без большевиков в блоке с представителями национальной буржуазии, они смогли уже ничем не связанные направить свои силы на борьбу с большевизмом, идущим из растущего недовольства крестьянских масс, из большевизирования армии, из революционных настроений бакинских и части тифлисских рабочих. Но для борьбы с большевизмом в Бакинском промышленном районе меньшевистские руководители краевых организаций могли действовать только через организацию на месте. В противовес большевистскому Совету, меньшевистско-эсеровский блок в Баку создает, по примеру краевых организаций, Комитет общественной безопасности. Последний вступает в неравную борьбу и ликвидируется под ударом победоносно растущего в этот период в Восточном Закавказьи большевизма. Отнюдь не так складываются обстоятельства в Западном Закавказьи.

Реальными силами, которые большевизм к концу 1917 года мог в Западном Закавказьи бросить на вооруженную борьбу против Закправительства, были передовики рабочие и большевизированная армия. (Революционные крестьянские настроения начали оформляться только к началу 1918 г.). На них-то и пыталась опереться краевая большевистская организация. Но руководители Закавказской с.-д. к этому периоду были достаточно подготовлены к тому, чтобы вступить в решительную схватку с большевизмом.

Если в начале ноября месяца 1917 г. по отношению к организовавшемуся большевистскому делегатскому собранию

[1] Из разрозненных материалов архива музея Рев. ССРГ.

Тифлисского гарнизона меньшевистско-эсеровский блок предпринял обходный путь завоевания, то к концу этого месяца (т. е. после организации Закправительства) надобность в обходных путях миновала.

Понимая, что дальнейшая борьба с большевизмом решится силой оружия, меньшевизм учитывал всю невыгодность положения, при котором оружие находится в руках большевизированной армейской организации. Лихорадочно приступив к организации т. н. Тифлисской красной гвардии, меньшевизм прекрасно осознавал ее роль в будущем. Первое, что он сделал, — это бросил наспех вооруженные первые отряды этой гвардии на арсенал, захватил его в свои руки и вооружил свои отряды.

Таким образом, Тифлисская «красная гвардия» получила боевое крещение в борьбе с большевизмом. Этот набег областная организация с.-д. предприняла в связи с будто бы подготовлявшимся выступлением большевиков. Город был об'явлен на военном положении. Перед рабочими массами Грузии меньшевики спекулировали внешними формами управления, бьющими в глаза своей фальшью.

Жордания в заседании Тифлисского Совета вопрошал: «зачем большевикам выступать в Закавказьи, когда у нас здесь уже об'явлена советская власть».

Об'явление Тифлисским Советом военного положения расценивалось перед массами, как установление советской диктатуры в противовес бланкистским стремлениям закавказских большевиков.

Вот образчик подобной обработки масс закавказским меньшевизмом. После захвата меньшевистской гвардией арсенала, Тифлисский Совет принимает резолюцию, составленную Жордания:

«Совет Рабочих и Солдатских депутатов г. Тифлиса, заслушав сообщение Исп. Ком. о событиях в Тифлисе, постановил:

1) Приветствуя об'явление в Тифлисе советской власти для поддержания в городе революционного порядка, занятие артиллерийского склада вооруженной силой Совет считает вынужденным следствием отказа Артиллерийского Комитета в выдаче оружия по наряду его.

2) Артиллерийский Комитет, не подчинившийся распоряжению И. К., распустить, а пулеметную команду, выступившую для расстрела отряда Исп. Ком. и счастливо разоруженную

Красной Гвардией, подвергнуть немедленному расформированию.

3) Соглашение, достигнутое между всеми фракциями (?—С. С.) по выдаче оружия, утвердить.

4) Произвести строгое расследование о расхищении оружия и виновных подвергнуть военно-революционному суду».[1]

Обезоружив Тифлисский гарнизон, меньшевики должны были подумать об остальной армии. Надежды на помощь эсеров падали вместе с обольшевичиванием армии, вместе с уменьшением удельного веса эсеров в последней.

Но соотношение сил в армии все же было не ясно. Взяв курс на полную изоляцию большевиков от масс, меньшевизм решил после первого нанесенного удара дать генеральный бой на созываемых второй раз за год с'ездах — армейском и рабочем. По раечстам меньшевиков поражение большевиков должно было быть тем сильнее, что с'езды эти были созваны по категорическому требованию последних.

История 2-го армейского с'езда явилась показателем безостановочности процесса обольшевичивания армии.

С первого же дня открытия с'езда создалась напряженнейшая атмосфера. При выборс председателя с'езда большевики выражают недоверие Донскому—председателю Краевого Совета армии, в виду того, что он псреправлял оружие и снаряжение Караулову для вооружения организовавшихся тогда контр-революционных казачьих отрядов. Из печати явствует, что «в ответ на это представители фракций эсеров и меньшевиков встают и выражают полное доверие тов. Донскому».

Здесь вполне уместно будет вспомнить об отношении закавказских с.-д. к тому же Донскому в период первого армейского с'езда. В протоколах Краевого Совета сохранилось заявление меньшевиков о том, что в случае, если Донской будет избран председателсм, они отказываются от всякого участия в работе Совета. После 7-месячной деятельности, в условиях обострившейся борьбы с большевизмом, меньшевики тому же Донскому выражали доверие, обвиняя представителей большевизма в клеветс.

Но, несмотря на все усилия меньшевистско - эсеровского блока, состав с'езда беспрерывно обольшевичивался. К концу с'езда было ясно, что на этом фронте меньшевиками сражение проиграно.

---

[1] Архив Тифлисского Совета Р. и С. Д. 1917 г. Дело не нумеровано.

Вместе с поражением возросла и их агрессивность по отношению к большевизму. Законно избранный Краевой Совет— его левое большинство (52 ч. против 48 ч. правого) было разогнано. *От нападения на арсенал — к разгону представителей солдатских масс. Следующий этап должен был быть периодом расстрела масс, не желавших идти за меньшевиками.* Но все же, несмотря на принятые меры, брешь была пробита, и это руководители меньшевизма понимали.

Если бы с'езд представителей советов рабочих депутатов, назначенный на 19-е декабря, кончился бы так же плачевно, меньшевикам проводить тактику изоляции большевизма от масс было бы значительно труднее. Тем более, что этот период характеризуется ростом большевистских настроений в среде грузинского пролетариата. Спасая положение, Краевой центр Советов устанавливает, несмотря на протесты Бакинского Совета, норму представительства — 1 на 500 чел., зная наперед, что такого количества делегатов не сумеют поставить ни Баку, ни Советы Северного Кавказа в условиях безденежья и необходимости присутствия на местах основного кадра работников. Один Баку по этой норме должен был прислать от 80.000 рабочих — 160 делегатов. Краевой центр рассчитывал на победу, на проведение своей линии голосами представителей грузинских губерний. Тифлисская и Кутаисская губернии дали полное представительство — 121 человек от 62.345 ч. рабочих, в то время как 80.000 рабочих Баку представлялись 37 делегатами. К тому же цифра 62 тысячи рабочих (47 тыс. — Тифлис и 15.345—Кутаис) должна быть взята нами под большое сомнение. Делегаты Бакинского и Северо-Кавказских Комитетов потребовали предоставления каждому делегату 4-х голосов. Но меньшевики, разоружившие гарнизон, разогнавшие представителей солдатской массы, готовые на все в целях ликвидации большевистского влияния, — конечно, в предоставлении каждому делегату четырех голосов отказали.

После ухода делегатов Баку и Северного Кавказа с'езд уже, конечно, не мог претендовать на кавказское значение. Но это для закавказского меньшевизма не могло иметь никакого значения. На Северный Кавказ распространять свое влияние он не собирался. С Баку же предстояла борьба иными методами.

Эсеры на этом с'езде все время шли в фарватере меньшевистской политики. С ними последние переставали считаться вместе с уменьшением их значения в крае.

При конструировании нового Краевого Центра меньшевики потребовали из 40 мест — себе 30, предоставив 6 — эсерам и 4 — дашнакам.

Когда же эсеры заявили, что в случае непредоставления им 8 мест они отказываются от участия в центре, — меньшевики цинично ответили, что эти места они разделят между собой и дашнаками, а если последние откажутся, то они все заберут себе.

Да и стоило ли, действительно, считаться с эсерами, не имевшими за собой почти никакой рсальной силы.

А время словесной борьбы, этими двумя с'ездами кончилось. Договариваться собирались только с представителями национальной буржуазии. В решительной борьбе с большевизмом, в которой должен был заговорить огонь пулеметов, только последние и могли быть полезны.

Агрессивность меньшевизма возрастала. Так, в начале декабря был впервые произведен налет на типографию и редакцию «Кавказского Рабочего». Разоблачения некоего Дикмана, которому была поручена эта операция разгрома, указывали на прямые директивы, идущие от Жордания и Рамишвили.

Сейчас же после с'ездов началось исподволь разоружение наиболее сознательных и большевистски настроенных воинских частей в Тифлисе.

«Кавказский Рабочий» 31 декабря сообщал, что «произведено нападение на авиационную школу, где захвачены пулеметы и оружие. Кроме того, разоружены русские части при помощи национальных полков».

Удивительно ли, что после 31 декабря «Кавказский Рабочий» перестал выходить, а впоследствии, выйдя, начинался так: «Маски сброшены, контр-революционная шайка проходимцев, заседающих во дворце, закрыла газеты большевиков «Кавказский Рабочий», «Брдзола», «Банвори Крив», запечатала редакцию, контору, типографию, где печатались газеты, произвела аресты 4-х наших товарищей и ищет остальных старых революционеров, испытанных вождей и учителей рабочего класса: Миха Цхакая, Филиппа Махарадзе и др.».

Удивительно ли, что меньшевизм, после всего нами описанного, пришел в 1918 году к вооруженному разгрому отходящих с фронта частей, к карательным экспедициям против восставшего крестьянства, к расстрелу рабочего митинга, к стыку с тюркской буржуазией и помещиками, к совместной с ними борьбе против бакинских рабочих.

Большевизм в борьбе за власть

После Февральской революции большевизму в Закавказьи приходилось почти заново восстанавливать свои разгромленные царизмом организации.

Однако, несмотря на все трудности, оформление большевистской организации, как организации, отделенной от меньшевизма, организации, продолжающей традиции самостоятельного существования старых дореволюционных организаций большевизма в Закавказьи, организации ведущей свою собственную политику, дающей массам свои собственные лозунги, произошло много раньше, чем формальное размежевание с оборонцами.

Размежевание с оборонцами произошло только в мае-июне месяцах, а уже 11 марта 1917 года вышел первый номер большевистской газеты «Кавказский Рабочий».

Руководители меньшевистско-эсеровского блока, взяв курс на изоляцию большевизма от масс на первых двух советских с'ездах, не дали возможности представителям большевизма развернуть перед массами программу своей деятельности.

Однако, выброшенные большевиками лозунги, равно как и отдельные краткие выступления на с'ездах, говорят за то, что большевизм пытался прорвать враждебный фронт четкостью и ясностью своих позиций, их последовательной революционностью.

Как мы уже показывали в предыдущей главе, одним из основных вопросов, обсуждавшихся на обоих с'ездах, был вопрос об отношении к буржуазии. И вот, в с'ездовское единство, в об'единенный меньшевистско-эсеровский хор, прославляющий прогрессивность русской буржуазии, проповедующий самоограничение классов, диссонансом врывается громкий голос солдата-большевика, Малыгина, призывающего «к созданию власти, поставленной большинством, т. е. пролетариатом и крестьянством».[1]

Большевистский голос не умолкает весь период деятельности обоих с'ездов (1 — армейского и 1 — рабочего). Большевистские ораторы доказывают всю несостоятельность надежд на прогрессивность русской буржуазии и требуют организации рабоче-крестьянского правительства.

[1] Архив Краевого с'езда Кавказской армии. 1917 г. Дело № 300.

Большевистские ораторы требуют немедленной конфискации помещичьих земель и передачи их в руки Революционных крестьянских комитетов.

Большевистская пресса открывает большую кампанию за братание на фронте, призывает рабочий класс к активной революционной деятельности.

После того как с'ездовский период вскрыл перед массами всю оппортунистичность оборонческих партий, всю глубину их падения в вопросах революционной тактики, решено было официально порвать с оборончеством, призвав все революционные пролетарские элементы к об'единению с большевизмом и к размеживанию с оборончеством.

По директиве Краевого Комитета местные организации призвали своих членов партии к размежеванию. Тифлисский Комитет РСДРП (большевиков) 6-го июня писал: «Серьезность момента и огромная трудность правильного разрешения выдвинутых задач настоятельно диктует необходимость организованного сплочения пролетариата и его партии вокруг знамени социализма, освещающего тернистый и тяжелый путь отстаивания чистой пролетарской политики, свободной от наносных мелко-буржуазных шатаний... Меньшевики поддерживают временное правительство, активно организующее контр-революцию и ведущее наступательную империалистическую войну, они поддерживают так называемый «заем свободы» и противятся братанию солдат на фронте; они воссоздают интернационал не на почве разрыва со всеми империалистами, а вкупе с продавшимися буржуазии Шейдеманами.

Наша партия, в целях охраны пролетариата от всяких чуждых ему влияний, не может делать никаких уступок революционному оборончеству и решительно разрывает с ним.

В виду этого собрание (Тифлисской организации—С. С.) постановило: разорвать с меньшевистской организацией, стоящей на точке зрения революционного оборончества, отозвать оттуда всех наших единомышленников-большевиков и создать отдельную соц.-демократическую организацию, стоящую на точке зрения революционной социал-демократии».[1]

Вслед за Тифлисской последовало постановление и воззвание Бакинской организации.

Последовательно революционная тактика требовала от большевистских организаций, прежде и раньше всего, систематической борьбы за завоевание масс.

[1] «Кавказский рабочий», № 67. 6 июня 1917 г.

Эта борьба большевизма за массы была в различных организациях различна.

Если бакинские большевики, учтя оппортунистичность и соглашательство меньшевиков и в вопросах экономической борьбы рабочих, завоевывали массы, пытаясь взять в свои руки руководство этим движением, выбрасывая последовательно-революционные лозунги в вопросах борьбы за 8-мичасовой рабочий день, борьбы за коллективный договор, вообще за улучшение материально-правового положения рабочего класса, переводя эти лозунги экономической борьбы на рельсы борьбы политической,—то Тифлисская организация развернула работу по завоеванию масс (рабочих и солдат) путем организации беспрерывно действующей массовой агитации.

Александровский сад стал прибежищем большевистских митингов. Из часа в час, изо дня в день большевистские ораторы растолковывали беспрерывно сменяющемуся составу рабочих и солдат принципы революционно-последовательной тактики, клеймили оппортунизм и предательство меньшевистско-эсеровского блока, раз'ясняли всю ложь и клевету обвинений буржуазной и мелкобуржуазной прессы. И нужно сказать, что эта система прорыва к массам дала скоро свои положительные результаты. Митинги приобрели перманентный характер. С особой охотой и вниманием вслушивалась солдатская масса. Большевистских ораторов стали приглашать в казармы. Гарнизон начал обольшевичиваться. Караульный баталион и 218 полк становятся верным и надежным оплотом большевизма.

В этих условиях Краевой и Тифлисский комитеты большевистской партии по примеру Питера решили призывать массы к демонстрации против наступления на фронте, против Временного правительства.

Но, принимая во внимание ту систему клеветы и лжи, какую применял меньшевистско-эсеровский блок по отношению к каждому неосторожному шагу большевистской организации, Краевой Комитет предпочел созвать гарнизонный митинг не от своего имени, а от имени одной из воинских частей.

В «Кавказском Рабочем» от 21 июня появилось небольшое. об'явление: «Караульный батальон просит весь гарнизон города Тифлиса на солдатский митинг в Саперные казармы со знаменами. Митинг состоится в воскресенье 25 июня, в 3 часа дня».

Для большевистской организации провести этот митинг важно было еще потому, что в прессе велась большая кампания против Петроградской демонстрации 10—18 июня.[1]

Меньшевистско-эсеровский блок, увидя об'явление, забил тревогу. Но движение охватило такие широкие массы солдат, что отменить митинг (фактически демонстрацию) никакой организации было не под силу. Тогда право-социалистические партии решили применить обходный путь срыва массовой демонстрации. Они решили взять руководство его в свои руки.

Исполнительный Комитет Тифлисского Совета выпустил об'явление об организации гарнизонного митинга на тот же день 25 июня, на площади Свободы в Нахаловке.

Однако, надеждам руководителей меньшевистско-эсеровского блока не суждено было сбыться. Площадь в Нахаловке оказалась гораздо вместительней, чем Саперные казармы. А настроение солдатских масс осталось прежнее. 25-ое июня явился днем грандиозной демонстрации солдатской массой своей приверженности большевистским лозунгам и растущей ненависти по отношению к соглашательским партиям. Уже с утра 25 июня мимо дворца двигались стройные колонны солдат с развернутыми знаменами и плакатами, на которых лозунги говорили сами за себя.

Сила накопленной ненависти уже в этот период была так сильна, что нужен был только повод, чтобы разыгрался инцидент, поставивший лицом к лицу солдатскую массу и представителей власти.

Проходящий мимо дворца Караульный батальон потребовал у членов Краевого Совета Армии, находившихся там, чтобы с демонстрацией пошла музыка, которая в это время была во дворце. Когда солдатам в этом было отказано, они бросились во дворец и стали искать членов Совета.

Инстинкты были развязаны.

Прибыв на площадь, солдаты отказались слушать меньшевистских ораторов и стали избивать меньшевиков и эсеров, раз'езжавших в автомобилях и разбрасывавших летучки от Коллегии пропагандистов.

Слушали только большевиков. Присутствовало на митинге, по показаниям очевидцев, более 10 тысяч солдат. В заключение была принята предложенная большевиками резолюция, в которой говорилось: «Наступление при существующем истощении всех воюющих стран никогда и никого к победе приве-

[1] 10-го июня—несостоявшейся.
18-го июня—состоявшейся.

сти не сможет. Единственным результатом этого наступления будут новые миллионы жертв, искалеченных и изуродованных, новые горы окровавленного человеческого мяса и новое торжество капиталистов и буржуазии. Мы признаем, что приказ о наступлении не может быть приказом свободного народа и является делом буржуазии, которая, будучи во Временном правительстве в большинстве, решает дело войны в свою пользу. И поэтому мы еще настойчивее, еще решительнее требуем, чтобы вся власть в стране перешла в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».[1]

Победа революционной социал-демократии, рост ее влияния на массы даже представителям меньшевистско-эсеровского блока казались настолько значительными, что в прессе началась новая антибольшевистская кампания, в основу которой легли инциденты, имевшие место на митинге.

Ненависть солдатских масс пресса представила, как разгул хулиганствующих элементов, как победу реакции.

Однако, это, конечно, не могло приостановить роста большевистских настроений в солдатской массе.

Как это ни странно, Краевой Комитет большевистской партии, с таким чутьем откликнувшийся на июньские события в Петрограде, не понял характера движения, когда пришли первые сведения об июльском выступлении в Петрограде.

Правда, здесь нужно учитывать тот многоголосый вой о контрреволюции, который поднялся из стана право-социалистических партий, ту извращенную информацию, пришедшую из официальных источников, но нужно констатировать факт, что при получении сведений о состоявшемся выступлении большевистская организация не сумела сразу занять правильную позицию, не сумела сразу наметить правильную тактику, бросить массе правильные лозунги.

Резолюция, предложенная большевистской фракцией в заседании Краевого центра Советов от 7 июля, страдала нерешительностью, и двойственностью: «Революция растет и ширится властно и неудержимо, рвет оковы старого рабства и идет вперед к своему конечному торжеству», — говорилось в ней, но заключение носило соглашательский характер и выражало доверие ЦИК'у. [2]

Мало того, Краевой Комитет вместе со всеми другими социалистическими и несоциалистическими организациями под-

[1] «Кавказский рабочий» от 27 июня 1917 г.
[2] Архив Краевого Совета Р. К. и С. Д. 1917-18 г. Дело № 101.

писал воззвание, в котором признавалось недопустимым, в интерсах единства революционных сил, *«всякое отдельное выступление, как вооруженное, так и не вооруженное»*.[1]

Этот акт нужно квалифицировать как политическую ошибку Краевого Комитета партии, правда, впоследствии пытавшегося ее исправить. Как только была получена точная информация о происшедших событиях и партийная организация охватила значение происшедшего, она сразу же апеллировала к массе.

Уже 9 июля на об'единенном митинге в Александровском саду, где присутствовала тысячная толпа, была предложена и принята большевистская резолюция протеста против ареста большевистских деятелей.

В то же время резолюции Тифлисской и Бакинской общегородских конференций уже правильно квалифицировали события 3-5 июля как «выступление революционного пролетариата и революционной части войск 3-5 июля с целью передачи всей власти Всероссийскому центру Сов. Раб., Солд. и Крестьянских депутатов»[2] (из резолюции Тифлисской общегородской конференции), и клеймили контрреволюционную деятельность Временного правительства и соглашательство меньшевистско-эсеровского блока.

Предоктябрьский период дал блестящее подтверждение правильности тактики большевизма в борьбе за завоевание масс, как в западном, так и в восточном Закавказьи.

Став во главе борьбы бакинских рабочих со своими предпринимателями за коллективный договор, бакинские большевики выбивали у меньшевиков и эсеров позицию за позицией. Когда конфликт достиг своего апогея, столкнув лицом к лицу бакинского рабочего с бакинским капиталистом, большевики не забили отбой, как это сделали представители оборончества. Они заявили, что так как при создавшихся условиях единственным выходом из положения является всеобщая стачка, они призывают рабочих к ней. Выступления Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и других большевиков выгодно отличались от двуличных речей И. Рамишвили, Гегечкори и того же министра труда Скобелева, призывавших пойти на возможные уступки предпринимателям, чтобы предотвратить всеобщую забастовку.

Разразившаяся забастовка шла под руководством Бакинской большевистской организации, а ее победа подняла удельный вес большевизма, расширила и углубила большевистскую базу в массе бакинского пролетариата.

[1] «Голос Краевого Совета», 1917 г. № 19.
[2] «Кавказский рабочий», 1917 г., № 97.

К октябрьским событиям удельный вес большевизма в разнонациональном бакинском пролетариате был чрезвычайно велик. *Большевизм имел значительные кадры своих сторонников и симпатии даже в тех слоях бакинского пролетариата, которые за ним еще целиком и полностью не шли.*

В предоктябрьский период нужно отметить еще одно чрезвычайно значительное событие в жизни закавказской большевистской организации — Областной с'езд партии.

Перед решающими боями пролетариата закавказская большевистская организация показала, что она правильно оценивает действительность и перспективы. В принятой резолюции по текущему моменту говорилось: «Тактика нашей партии, выдвинувшей с самого начала требования разрыва с русской и союзнической буржуазией, перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, об'единяющих более 100 милл. активного населения России, требования немедленного прекращения мировой бойни, немедленной передачи всей земли в ведение Крестьянских Комитетов, с предоставлением угнетенным национальностям фактического права на самоопределение, принятия решительных мер по борьбе с буржуазной анархией и спекуляцией в производстве и торговле, по борьбе с финансовой и продовольственной разрухой—эта тактика оправдала себя полностью, получила признание со стороны всего революционного народа».[1]

Вся прошлая деятельность право-социалистических партий, как в центре, так и в Закавказьи, нашла должную оценку в резолюциях с'езда. В ответ на предложение об об'единении с меньшевиками, с'езд дал характеристику этой партии, признав, что «партия меньшевиков представляет организацию обанкротившихся вождей, отброшенных ходом революции в сторону контр-революционной буржуазии».[2]

Оценивая дальнейшие перспективы, С'езд заявлял, что он «не закрывает глаза на то, что буржуазия и ее прислужники — Керенские, Церетели (бывшие и настоящие), так называемые министры-социалисты, не сдадут без боя своих позиций и что, с другой стороны, кроме наследия царского правительства, они оставляют нам новое тяжелое наследие разрухи и анархии и разочарования народных масс, вызванного семимесячной предательской соглашательской политикой».[3]

Уже одним этим постановлением партия как бы говорила о необходимости подготовки кадров пролетарской революции

[1] «Бакинский рабочий», 1917 г., №№ 68, 71, 73.
[2] Там же.
[3] «Бакинский рабочий», 1917 г., №№ 68, 71, 73.

к решительным боям. Мало того, с'езд правильно оценил тактику закавказского меньшевизма в дни Корниловского переворота, указав на то, что «нерешительная боязливо-соглашательская политика по отношению к контр-революционной диктатуре», к особому закавказскому, к явно контр-революционным приказам Керенского... ясно показали, что меньшевики ничему не научились и ничуть не изменили своей мелкобуржуазной природе».[1]

Таким образом, большевистская организация понимала, что она находится перед величайшими боями, долженствующими решить судьбу революции. Однако, это понимание совсем не означало, что закавказская организация была готова к этим боям, что она была готова к тому, чтобы в пределах Закавказья дать решительный бой всему контр-революционному и соглашательскому.

Несмотря на 7-месячную борьбу за завоевание масс, Закавказская большевистская организация к октябрю — ноябрю 1917 г. не имела достаточных сил для того, чтобы начинать немедленно вооружснную борьбу за власть.

Каковы были реальные силы большевизма к этому периоду? Прежде всего, значительные кадры сторонников в среде бакинского пролетариата, небольшая часть передовиков-рабочих—в Грузии, и, наконец,—обольшевиченная армия.

Этих сил было явно недостаточно для того, чтобы начать немедленно вооруженную борьбу за завоевание власти во всем Закавказьи, тем более, что отходящая с фронта армия, готовая по первому призыву большевиков выступить на борьбу за свержение власти Заккомиссариата, при тяге на север, не была той силой, при помощи которой большевизм смог бы даже при свержении власти блока национализма и оборончества—удержать завоеванное. В Бакинском же промышленном районе предстояла еще значительная работа по разоблачению сущности националистических партий, за отвоевание отдельных слоев разнонационального бакинского пролетариата из под их влияния.

---

[1] Там же.

Что должен был в этих условиях делать большевизм? Он решил применить свою тактику к создавшимся условиям в Закавказьи, для чего и выкинул лозунг борьбы за признание власти Советов оппортунистическими партиями, т.-е. лозунг борьбы за «мирный захват власти» в Закавказьи, отсрочив начало вооруженной борьбы за власть, за установление власти советов во всем Закавказьи, на несколько месяцев. (Организованная подготовка сил большевизма к вооруженной борьбе началась лишь в январе 1918 г.).

Тактика борьбы «за мирный захват власти» в различных условиях проводилась различно.

В Западном Закавказьи большевизм решил опереться на армию. Сейчас же после Октябрьского переворота большевизм пытается захватить в свои руки все организации армии, противопоставив их официальным органам власти.

Уже 28 октября 1917 года представители 36 воинских частей Тифлисского гарнизона организуют делегатское собрание, которое, выдвинув требование о переизбрании Тифлисского Совета солдатских депутатов, об'являет себя единственно правомочной организацией, защищающей интересы солдатской массы впредь до переизбрания Совета.

Этот акт показал закавказскому меньшевизму, что представители революционной социал-демократии отнюдь не намерены организовывать однородное социалистическое правительство от н-эсов до большевиков включительно, а всеми возможными путями продолжают борьбу за расширение своей базы.

Наряду с организацией закавказской власти, о которой мы рассказывали в предыдущей главе, руководители меньшевизма подняли кампанию за ликвидацию возникшей «самочинной организации». Большевизм ответил ударом. Делегатское собрание по примеру июньских дней созывает на 11 ноября обще-гарнизонный митинг, на котором выносится резолюция признания власти Советов в центре и на местах: «Многотысячный митинг солдатского гарнизона, собравшись на площади Революции, горячо приветствует революционную армию Петрограда, низвергнувших контр-революционное правительство Керенского и создавших твердую демократическую власть, и выражает готовность полной поддержки всех его начинаний к разрешению всех вопросов революции...»[1]

[1] «Кавказский рабочий», 1917 г., № 206.

Закавказский меньшевизм, понимая всю серьезность создавшегося положения, предпочитает лобовой атаке обходный путь. Исполнительный комитет Тифлисского Совета из'являет свое согласие на немедленное переизбрание Совета солдатских депутатов при условии роспуска большевиками делегатского собрания.

И вот здесь-то, в отклонении от основной линии, Краевой и Тифлисский комитеты большевистской организации допускают две серьезные ошибки.

Большевистская фракция И. К. Тифлисского совета, в период возникшего конфликта демонстративно покинувшая И. К., постановляет: в связи с согласием И. К. произвести перевыборы солдатской секции:

1) Распустить делегатское собрание, считая его миссию исчерпанной,

2) Опять войти в состав И. К. — в целях усиления деятельности Советов.[1]

Рассматривая эти два акта в исторической перспективе и оценивая их, становится ясным, что ни того, ни другого большевистская организация не должна была делать.

Шаги эти имели бы смысл, если бы большевистская организация отказалась от мысли создать себе реальную силу для воздействия на оппортунистические партии и их закавказское правительство.

Однако, мы знаем, что большевистская партия после этих актов продолжала собирать силы, что это собирание сил привело ее к новому, более серьезному конфликту от 30 ноября, закончившемуся вооруженным столкновением.

А если это так, то партия должна была сохранить эту организацию (делегатское собрание), должна была не побояться углубления конфликта с меньшевизмом, с возглавленным им И. К. Тифлисского Совета.

Нам могут возразить, что это было бы несвоевременно, что это могло кончиться преждевременным вооруженным столкновением по всему фронту, но ведь партия, распустив делегатское собрание и лишив себя организации, войдя в И. К., не продолжала в нем органической работы, а продолжала ту же совершенно правильную тактику, завоевывая и организуя вокруг себя солдатские массы. 218-й и пришедший Карский полк, равно как и Артиллерийский Комитет — становятся основой реальных большевистских сил. Работа по обработке солдатской

[1] Архив Тифл. Совета Р. и С. Д. 1917 г. Дело № 93.

массы и организации ее вокруг себя продолжается не только в Тифлисе, но и на переферии. Сарыкамышский военно-революционный Комитет к декабрю становится одной из баз большевизма.

Даже меньшевики знали, что Краевым Комитетом ведутся телеграфные переговоры с Петроградом о возможности общей демонстрации с целью давления на Закавказский Комиссариат и Краевой Центр Советов для признания власти Совета Народных Комиссаров.

В этих условиях считаться с И. К. и лишать себя крупнейшей организации, об'единяющей 36 воинских частей, по нашему, было нецелесообразно.

Как мы уже знаем, закавказские меньшевики силами организовавшейся гвардии, придравшись, как к поводу, к переговорам с Петроградом, об'явили город на военном положении, произвели вооруженное нападение на арсенал и захватили его, а вслед за тем потребовали немедленного выезда на север Карского полка.

Рассматривая весь этот клубок событий, закончившийся победой меньшевизма и разгромом большевистских сил в Западном Закавказьи, мы приходим еще к одному заключению.

Руководящие организации большевизма в Крае недооценивали контрреволюционных возможностей социал-демократии.

Артиллерийские склады охранялись небрежно не потому, что у большевизма не было реальной силы для охраны их, а потому, что большевистская организация не представляла себе возможности нападения с.-д. на революционных солдат.

Нужно было пройти через вооруженное столкновение в начале декабря, через разгром большевистских организаций, через расстрел под Шамхором революционных солдат, расстрел рабочего митинга в Тифлисе и посылку карательных экспедиций для борьбы с революционным крестьянством, чтобы руководящие организации большевизма в Крае поняли, что *контрреволюционная сущность закавказского меньшевизма не может остановиться перед вооруженным разгромом сил пролетарской революции.*

Совсем по иному складывались для большевизма обстоятельства в Восточном Закавказьи.

Как мы уже говорили, предоктябрьский период здесь характеризовался крупнейшим столкновением 2-х сил. Сентябрьская стачка накалила обстановку и поставила лицом к лицу предпринимателей и рабочих. В этих условиях двуличная тактика право-социалистических партий окончательно дискредити-

ровала их (в особенности меньшевиков) перед рабочими массами. Авторитет Совета старого состава начинает быстро падать. Это прекрасно сознавал и меньшевистско-эсеровско-дашнакский блок. Большевики начали широкую кампанию за перевыборы Совета. Старый состав Совета становится бездейственным, чувствуя свое бессилие.

Тогда большевистская организация, чувствуя, что пришла пора решительных действий (наступил период выборов делегатов на II Всероссийский С'езд Советов), созывает по своей инициативе на 15 октября 1917 года заседание старого состава Совета совместно с конференцией промыслово-заводских комиссий, т. е. совместно с непосредственными представителями рабочих масс.

Собрание это, выслушав докладчика, заявило, что оно «может признать себя правомочным, так как Совет больше не собирается, а воля бакинского пролетариата и гарнизона вполне авторитетно выражается настоящим собранием». В результате собрание признало себя правомочным органом «замещающим временно, до новых выборов, Совет Рабочих и Солдатских депутатов»; избрало делегатов на II-ой Всероссийский С'езд Советов и, что самое главное, высказалось за передачу власти в руки Советов, — «необходимо отобрать власть у врагов народа и передать в руки самого народа в лице Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов».[1]

Таким образом, большевизмом была одержана крупнейшая победа еще до октябрьского переворота.

Правда, меньшевистско-эсеровско-дашнакский антибольшевистский блок, проведя 27-го октября свою, хотя и компромиссную, резолюцию, показал, что борьба за овладение советами не кончена, однако, настроение было в следующие дни решительно переломлено. Резолюциями 31 октября и 2 ноября 1917 года был декретирован переход власти в руки Советов.

Антибольшевистский блок в знак протеста демонстративно покидает Совет.

Руководство последним окончательно переходит в руки большевиков.

Но, конечно, ни то, что руководство Советом перешло в руки большевиков, ни постановление Совета о необходимости передачи власти в его руки, отнюдь еще не означали утверждения советской власти на территории Баку.

[1] «Бакинский рабочий», 1917 г. № 67.

Что должен был делать большевизм дальше? Наиболее простым разрешением вопроса, как это кажется на первый взгляд, было призвать бакинский пролетариат к вооруженному восстанию и захватить власть в свои руки.

Однако, большевистская организация Баку и его районов осенью 1917 года предпочитает иной путь прихода к власти. Она начинает, так же, как и большевики в Западном Закавказьи, борьбу за «мирный захват власти». Чем об'яснить, что и в Восточном Закавказьи большевизм в дни Октябрьского переворота не поставил в качестве боевой задачи *сегодняшнего* дня—вооруженное восстание.

Нам думается, что об'яснить это нужно все той же недостаточностью базы. Был ли подготовлен бакинский пролетариат осенью к вооруженной борьбе с контрреволюцией? Конечно, нет. Мы уже говорили, что большевизм в бакинском промышленном районе имел значительные кадры своих сторонников и еще более значительные симпатии всей массы рабочих Бакинского района. Но, однако, это были лишь симпатии. Часть рабочего класса бакинского района не была освобождена от националистических влияний, она находилась еще под влиянием националистических партий.

Однако, в борьбе за «мирный захват власти» успехи большевизма к концу 1917 года оказываются настолько значительными, удельный вес Бакинского Совета настолько велик, *что Восточное Закавказье превращается* в *базу развивающегося и укрепляющегося большевизма.*

Большевизированное Восточное Закавказье противопоставляется Западному, становится плацдармом для развития большевизма, который стремится *к укреплению своей власти во всем Закавказьи.*

Нужно сказать, что борьба большевизма на двух советских с'ездах в декабре была последней попыткой прорвать фронт меньшевистского влияния еще старыми методами.

Как мы уже говорили, II-й армейский с'езд явился показателем обольшевичивания армии. Он принял основные резолюции, предложенные большевиками. Он дал преобладание левому крылу в Краевом Совете армии. Левое большинство обратилось с воззванием к армии, в котором говорилось: «2-й Краевой с'езд Кавказской армии закрылся 23 декабря. Как с'езды Северного и Западного фронтов — Краевой с'езд Кавказской армии стал на защиту рабоче-крестьянской революции, признал власть рабоче-крестьянского правительства — Совет Народных Комиссаров, поддержал его декреты о земле, о мире, о рабочем контроле... С'езд признал всю политику Советской власти ра-

бочих, солдат и крестьян и отверг Закавказский Комиссариат, как не советский и нереволюционный орган».[1]

Пробив первую брешь, большевизм сразу ставит вопрос о неподчинении армии Зак. Комиссариату, этой единственной надежде антибольшевистского блока на спасение.

При изучении материалов Второго армейского с'езда встает вопрос, почему большевики при разгоне законно-избранного Совета не апелировали к армии? И почему армия, давшая левому крылу большинство, не выступила активно на защиту избранного ею органа? Нам думается, что разгадку этого нужно искать в том, что декабрь 1917 года был как раз периодом разложения армии. Армия, уходящая с фронта, армия, посаженная на колеса. рвалась на север, чтобы там в борьбе за землю стать в ряды активных защитников революции.

Дезорганизованная армия была неспособна, несмотря на свои ярко большевистские настроения, несмотря на подавляющую численность, противопоставить свою силу — силе уже сорганизвавшейся контрреволюции.

Левое большинство Краевого Совета армии после разгона не сложило оружия. Во главе со своим председателем большевиком Коргановым, оно отправилось в Баку, об'явило себя единственным законным верховным органом Кавказской армии и начало собирание вокруг себя остатков уходящей и дезорганизованной армии.

Этот краевой Совет впоследствии и явился первой руководящей боевой ячейкой при организации сил для борьбы на Аджикабульском фронте против тюркско-грузинской буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Вторая попытка большевизма пробить брешь меньшевистского влияния на II Закавказском с'езде Советов рабочих депутатов дала значительно меньшие результаты.

Еще 24 ноября 1917 г. С. Шаумян от имени Бакинского Совета обратился к Краевому центру с категорическим требованием созыва Краевого Кавказского С'езда рабочих депутатов. Нужно думать, что при организации наступления на этом фронте большевизм рассчитывал на то, что голоса представителей Западного Закавказья потонут в общей массе представителей индустриального пролетариата Баку и Северного Кавказа.

[1] Воззвание было выпущено отдельной листовкой.

Если мы рассмотрим таблицу состава 2-го Краевого С'езда рабочих депутатов, то увидим, что при полной норме представительства революционное крыло с'езда несомненно имело бы подавляющее большинство.

СОСТАВ 2-го С'ЕЗДА Р. И С. Д. ЗАКАВКАЗЬЯ.[1]

(Чрезвычайный-декабрьский).

Губерния, область	Организов. рабочих	Общ. число представит.	Из них						
			Большев.	Меньшев.	Прав. с.-р.	Лев. с.-р.	Муссав.	Дашн.	Бесп..
Тифл. губ.	47.000	90 ч.	—	88	1	—	—	—	1
Баку	80.000	37 ч.	8	2	3	13	4	7	—
Сухумск. окр.	2.100	4 ч.	—	2	2	—	—	—	—
Батум. окр.	6.700	12 ч.	—	12	—	—	—	—	—
Кутаисск. губ.	15.345	31 ч.	—	31	—	—	—	—	—
Черноморск. г.	22.000	17 ч.	14	—	—	2	—	—	—
Дагестанская	7.000	4 ч.	—	1	1	2	—	—	—
Терская (только Владикавказ)	8.000	2 ч.	—	2	—	—	—	—	—
Кубанская обл.	29.000	23 ч.	19	2	—	2	—	—	—
Эриванск. губ.	11.000	11 ч.	—	5		—	—	6	—

Как мы уже знаем, возросшая агрессивность социал-демократической контрреволюции не остановилась перед тем, чтобы фактически разогнать не только организации, избранные с'ездом, но и самый с'езд.

Все это явилось показателем того, что к 1918 г. методы борьбы за «мирный захват власти» большевизмом в Закавказьи себя изжили.

В условиях роста классовых антагонизмов в 1918 г. предстояла ожесточенная борьба за власть, с сорганизовавшейся национальной контрреволюцией, открыто выступившей под руководством грузинского меньшевизма против сил пролетарской революции.

---

[1] Составлено по мандатам, сохранившимся в архиве Краевого Центра С. Р. и К. Д.

Правда о Шамхоре[1])

Небольшой железнодорожной станции на магистрали Тифлис—Баку суждено было стать пунктом крупнейших исторических событий, знаменующих для Закавказья новую полосу в развитии классовой борьбы.

Процесс формирования и консолидации контрреволюционных сил, принявший после Октябрьского переворота лихорадочный характер, не мог быть и, конечно, не был однородным. Если на Северном Кавказе шло собирание казачьих и офицерских отрядов под руководством Калединых и Карауловых и под лозунгами защиты «Единой и Неделимой России», то в Закавказьи по существу те же процессы проходили под руководством вождей социал-демократии—Жордания, Рамишвили и под лозунгом защиты «демократических» принципов от «анархического большевизма».

Однако, грузинские меньшевики выявили свою контрреволюционную физиономию с первых же дней своей «государственной» деятельности.

Созданное в середине ноября 1917 года закавказское коалиционное правительство — без большевиков, — могло не бояться прихода в ближайший период сил революции, двигавшихся с севера на юг. Между этими силами и Закавказьем существовал барьер в лице казачьей контрреволюции. Поэтому все силы закавказского коалиционного правительства были направлены на укрепление себя внутри страны и на разгром тех сил, которые могли разрушить наскоро сколоченное и основательно трещавшее под напором сил революции здание.

---

[1] Арх. музея Революции С. С. Р. Г. Следственное дело «о событиях на ст. Шамхор»—1918 г.

Основными силами, грозившими сделаться могильщиками закавказского правительства, были бакинский пролетариат и действующая армия, начавшая, в связи с об'явлением перемирия, отходить с фронта.

Двигавшаяся сплошной массой с турецкого фронта армия шла в направлении к Баку. Силы революции грозили об'единиться, при чем силы обольшевиченной солдатской массы, помноженные на организованность передовых слоев бакинского пролетариата, могли дать такую силу, которая смела бы еще не окрепшую национальную контрреволюцию.

Чувство самосохранения подсказывает руководителям зак-правительства и национальных советов, что разгром и обезоружение солдатской массы, ликвидируя в значительной степени ту вооруженную силу, на которую мог бы опереться большевизм, одновременно передавали в руки тюркской котрреволюции оружие т. е. вооружали именно ту часть национальной контрреволюции, которая должна была обрушиться всей своей тяжестью на растущие силы бакинского большевизма и уничтожить их в борьбе за «самостоятельный» Азербайджан.

Мы не можем утверждать, что по этому поводу существовала какая-нибудь определенная договоренность, определенное, формально зафиксированное и заверенное соглашение между грузинской и тюркской контрреволюцией. Но то, что негласное соглашение по этому поводу существовало, и то, что инициатива этого соглашения принадлежала вождям грузинского меньшевизма, не подлежит никакому сомнению.

В декабре 1917 г. начинается массовый отход с фронта обольшевиченной солдатской массы. К декабрю же бакинский большевизм открыто заявляет, что в ближайшее время не преминет начать борьбу за ликвидацию власти национальной контрреволюции во всем Закавказьи. В декабре же в Елизаветпольской губернии, в этом очаге тюркского бекства, запылали имения Зюльгадаровых, что означало начало крестьянской войны тюркской бедноты против своих помещиков. В декабре же в Тифлисе, в центре владычества и значительного влияния грузинского меньшевизма—замечается рост большевистских влияний в рабочих массах.

Все это становилось грозными симптомами. Силы контрреволюции должны были попытаться разрядить сгустившуюся атмосферу, и они попытались.

В конце декабря и в начале января 1918 г. возник план разоружения отходящих с фронта воинских эшелонов.

Деятельность в этом направлении была крайне выгодна, и, мы бы даже сказали, необходима тюркскому бекству. Темному, забитому и озлобленному тюркскому крестьянству, начавшему грабить и жечь помещичьи имения, был дан лозунг—«*Все к железнодорожной линии на борьбу за оружие, с тем, чтобы вооруженная масса могла начать борьбу за свое национальное освобождение*». Этим самым бекство отводило от своей головы занесенный меч народного гнева, направляя его на русское и армянское население, на отходящих с фронта солдат, на бакинских рабочих.

По железной дороге двигались десятки и сотни эшелонов, с десятками и сотнями тысяч солдат. Организаторы разоружения рассчитывали па то, что солдатская масса, дезорганизованная и уставшая, несмотря на свою многочисленность и вооружение не сможет оказать серьезного сопротивления планомерной осаде, которую вели в районе Тифлис—Баку тюркские беки, использовавшие темные инстинкты, национальную озлобленность и стремление к вооружению части тюрского сельского населения. И вот, в таких условиях межнациональный совет и закавказское правительство предпринимают операцию по разоружению эшелонов, выбросив лозунг: «*Оружие фронта должно остаться в пределах Закавказья*».

То, что ответственность за все эти события падает на Закомиссариат, Краевой Центр Советов и их руководителей, отмечалось большевистской прессой уже в тот период.

«Кавказский Рабочий» — орган Краевого и Тифлисского Комитетов РСДРП (большевиков) 2-го февраля 1918 г. писал: «Но не о личной ответственности и не о личном оправдании идет у нас речь... Жордания интересует нас в данном случае не как личность, а как вождь партии, делающий политику в Закавказьи, как наиболее авторитетный и ответственный представитель закавказской власти.

Он делает свое преступное дело, во-первых, по постановлению президиума Краевого центра и Межнационального Совета и, во-вторых, несомненно с ведома Закавказского Комиссариата. Обвинение, которое мы бросаем в лицо Жордания—распространяется на всю партию меньшевиков, на Краевой центр, на Закавказский Комиссариат, где господа Чхенкели и Гегечкори в тесном и открытом блоке с мусульманскими беками и ханами делают все для того, чтобы погубить революцию...».

Обнаруженное нами следственное дело «О Шамхорских событиях» дает возможность все это обвинение подкрепить документами. Дело это, разделяется на две части. Часть первая:

показания отдельных представителей власти; часть вторая: копии телеграфных переговоров, происходивших в период описываемых нами событий.

Конечно, показания, имеющиеся в деле следственной комиссии, образованной тем же Закавказским правительством, нельзя назвать беспристрастными, но различные побуждения толкали некоторых из опрашиваемых на то, чтобы развернуть перед Следственной Комиссией более или менее правдивую картину тех событий, о которых до сих пор можно было лишь догадываться. Тем более, что показывающие знали, что Комиссия «своя», почему и были уверены, что их показания не могут стать достоянием печати.

Кроме того, стремясь доказать свою невиновность, допрашиваемые обосновывали, подкрепляли свои показания документами.

При изучении дела. целиком вскрывается картина виновности непосредственных руководителей Закавказского правительства и Краевого центра—Жордания, Рамишвили и др.

Конечно, комиссия, призванная не для выявления виновных, а для замазывания дела, как отмечала, опять-таки, в свое время большевистская пресса, положила под сукно этот ценнейший материал, который теперь должен стать достоянием истории.

Так как, благодаря чрезвычайной громоздкости охарактеризованного следственного материала, могут увидеть свет лишь наиболее интересные и наименее громоздкие показания и документы, составляющие лишь незначительную часть найденного дела, автор счел необходимым на основании всего имеющегося в его распоряжении материала развернуть перед читателем картину тех событий, которые предшествовали Шамхорской трагедии. Картину, показывающую со всей ясностью и недвусмысленностью виновников этой трагедии.

* * *

Операция разоружения отходящих эшелонов подготовлялась исподволь. Уже в ноябре и декабре месяцах 1917 г. Межнациональным Военным Советом выносится ряд постановлений и Главным штабом, согласно этих постановлений, отдаются приказы о передаче всего оружия и вообще военного имущества той или другой части в распоряжение вновь формирующихся национальных частей.

При чем нужно отметить, что опыт такой передачи оружия дал в первые же дни явно отрицательные результаты.

Достаточно указать на разоружение 219-го полка, стоявшего в Елизаветполе (Гяндже).

Полк прекрасно сохранился, поддерживал дисциплину и, как видно из дела, местные организации Елизаветполя, в том числе и Исполнительный К-т Елизаветпольского Совета, не раз выносили постановления о недопустимости расформирования и разоружения полка, так как он вполне справляется с задачей охраны города.

Однако, под давлением Мусульманского Национального Совета, 14 декабря 1917 г. из штаба Главкома Кав. фронта передается полку распоряжение за подписью ген. Левандовского о сдаче оружия и всего военного имущества формировавшемуся тогда т.-н. Татарскому полку. Несмотря на то, что приказ о разоружении был отменен Нач. Воен. Округа ген. Мдивани, Мусульманский Национальный Комитет все же операцию разоружения провел насильственно, при чем уже эта операция была отмечена массовым грабежом. С солдат, отправляющихся на вокзал, снималось все, вплоть до нижнего белья.

Этот случай далеко не единичен.

Таким образом, опыт двух последних месяцев 1917 г. уже показал руководителям Закавказского правительства, что подобная операция если даже не закончится вооруженным столкновением, то во всяком случае приведет к массовому грабежу и расхищению военного имущества.

Однако, это, как мы уже указывали выше, не могло остановить закавказских правителей. В начале января 1918 г. Закавказским Комиссариатом было принято решение о необходимости проводить операцию общего разоружения всех уходящих на север эшелонов. Когда этот вопрос был передан на разрешение в Межнациональный Совет, то за разоружение в принципе высказались почти все: «В принципе на необходимости разоружения настаивали многие, настаивал Пападжанов [1], был согласен и я по тем соображениям, что у нас оставалось около 16.000 винтовок, в то время как формируемым национальным войскам требовалось достаточное количество». [2]

Но предпринимая эту операцию, руководители ее прекрасно знали настроение уходящей армии, почему решили подготовить вооруженную силу, при помощи которой можно было бы провести эту операцию.

[1] Пападжанов—член Межнационального Воен. Совета, один из руководит. Арм. Нац. Совета.

[2] Из показания командира грузинского корпуса полковника Ахметелова.

На совещании Межнационального Совета совместно с военными работниками, как показывал представитель русского национального совета Лебедев, «было в самой категорической форме постановлено, что к разоружению необходимо приступить как можно осторожнее и осмотрительнее. Командир русского корпуса полковник Драценко указывал на то, что разоружить без пролития крови уходящие части можно только в том случае, если во-первых, будет избрана соответствующая позиция для разоружения (теснина, где невозможно будет развернуть большие силы), а, во-вторых, самый отряд, которому будет поручено выполнение операции, будет настолько многочисленным, что своим видом сделает невозможным мысль о сопротивлении».

Уже из этого видно, что Межнациональным Советом предпринималась боевая операция, при чем обсуждался вопрос лишь о том, как бы посолиднее ее обставить.

Нужно сказать, что наиболее осторожными в этом вопросе выявили себя работники Штаба. При чем об'яснить это можно только тем, что назначения этой операции они не понимали, думая, что разоружение придется проводить исключительно силами регулярных войск. Уже 8-го января, в ответ на запрос Межнационального Совета, нач. штаба округа ген. Лебединский писал: «На совещании в Штафронте при участии командиров национальных корпусов выяснилось, что для разоружения следующих с юга эшелонов корпуса эти могут в настоящее время выделить:

1. Грузинский корпус—добровольческий отряд, в составе 250 штыков при 4-х пулеметах и конно-горный взвод.

2. Армянский корпус—два спешенных эскадрона в 300 штыков.

3. Мусульманский корпус—2 эскадрона, силой в 300 шашек и 4 пулемета.

4. Русский корпус—60 штыков.

5. Отдел военных сообщений—бронированный поезд...

Признавая совершенную недостаточность намеченного отряда и безусловную необходимость иметь для него резерв, имея в виду вероятность подхода к месту разоружения нескольких эшелонов сразу... *полагаю необходимым до возможности сформирования вполне достаточной силы отряда воздержаться от разоружения»* (*курсив наш—С. С.).*

Начальник оперативного отделения штаба Главнокомандующего Готовцев показывал, что на том же заседании в Межнациональном Совете, после того, как был решен вопрос о

составе отряда для разоружения, «председательствующим Рамишвили стали отдаваться приказания полковнику Ахметелову, осуществить это дело в спешном порядке.

Последний протестовал против этого, не считая себя в состоянии осуществить это задание, как начальник гарнизона города Тифлиса. *Тогда я поддержал полковника Ахметелова не игнорировать в вопросах рассмотрения боевыми силами таких органов командования, как главнокомандующий и главный начальник округа, и предложил все распоряжения провести через последнего*».

В этом отношении также показательно сообщение Лебедева, из которого явствует, что наиболее темным местом при выяснении им обстоятельств подготовки операции по разоружению явился вопрос, кем вынесено постановление и отдано распоряжение об этой операции. Выяснить оказывалось невозможным, так как одна организация сваливала на другую и т. д., а письменных документов и постановлений никаких не было.

Однако, нам удалось установить, что 4 января штаб Воен. Округа получил из Межнационального Совета следующую телеграмму:

Главному Начальнику Кавк. Воен. округа

Межнациональный Совет сего числа, выслушав заявление председателя Центрального железнодорожного к-та при помощи бронированного поезда приступить к разоружению эшелонов, постановил:

1) организовать немедленно вр. отряд в составе:
150 корп. отр. Абхазава,
60 русского корп.,
50 добровольцев-мусульман,
50 арм. корпуса.

Передать в распоряжение этого отряда упомянутый бронированный поезд. Полк. Ахметелову предложено оказать содействие, а вас просит спешно распорядиться о снабжении отряда всеми видами довольствия и отправке его завтра 5-го сего января вечером или 6-го утром.

Председатель *Н. Рамишвили.*

Как мы видим, в ответ на отношение нач. штаба, о том, что он считает недостаточным отряд в 600 штыков, Межнациональный Совет приказывает организовать отряд в 300 штыков, с допущением при формировании его добровольческих мусульманских сил.

Для придания этой операции большей авторитетности вопрос о разоружении, как показывал тов. председателя солдатской

секции Тифлисского Совета Еленин, был поставлен 4-го же на обсуждение Краевого Центра Советов и утвержден. В исполнение этого постановления на следующий день была разослана от имени Краевого центра телеграмма за подписью *Н. Жордания*, в которой недвусмысленно говорилось: «*Краевой Центр Советов Рабочих , Солдатских и кр-х депутатов постановил предложить всем советам принять меры к* (зачеркнуто—разоружению) *отбиранию (!) оружия у отходящих частей...*».

В свое время текст этой телеграммы попал на страницы большевистской печати и был одним из основных обвинительных документов, главным образом потому, что, как выяснилось, телеграмма эта была послана не только Сов. Раб. депутатов, но и *всем национальным советам;* попала также и в Елизаветпольский Мусульманский Национальный Совет и развязала руководителям бекского движения руки.

Кроме того, как выяснилось из показания к-ра Грузинского Корпуса Ахметелова, Н. Жордания ему заявил, что не возражает против участия в этой операции штаб-ротмистра Абхазавы с его партизанским отрядом, пользовавшимся тогда столь дурной славой, что Железнодорожный К-т категорически отказывался предоставлять в его распоряжение бронепоезд.

Таким образом, из всего вышесказанного видно, что в подготовительной работе направляющую роль играли наиболее видные вожди грузинского меньшевизма—Жордания и Рамишвили.

Еще один чрезвычайно важный факт, проливающий свет на период подготовительной работы к этой операции.

Непосредственый вопрос, который встал перед нами при изучении материалов, сводился к тому—на что рассчитывали руководители Закавказского правительства, посылая на линию железной дороги отряд, как потом оказалось, даже не в 300, а в 100 штыков, при одном бронепоезде, против тысяч и десятков тысяч вооруженных солдат, продвигавшихся с орудиями и сотнями пулеметов.

Ответ на это, конечно, дает само географическое местоположение бронепоезда. Елизаветпольский район—база тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюции, Центр формирования мусульманских национальных частей.

Но Рамишвили и Жордания упорно отрицали это, утверждая, что бронепоезд с отрядом Абхазавы попал в этот район по собственной инициативе.

Факты все же упрямая вещь. Руководитель армянского национального совета Пападжанов на допросе говорил: «Из

Елизаветполя армяне меня спросили, должны ли они дать в распоряжение н-ка бронированного поезда 200 человек, *как это предполагает сделать Мусульманский совет, который со своей стороны дает около 1000 человек*» (курсив наш—С. С.).

Этого, конечно, не могли не знать руководители Закавказского Комиссариата.

Если бы роль вождей грузинского меньшевизма ограничилась бы только вышеохарактеризованной деятельностью, уже можно было бы утверждать, что основными вдохновителями и руководителями всей этой операции были они.

Но их руководящая деятельность развернулась, главным образом, в процессе операции разоружения. Они ее не только подготовили, но все то время, что Абхазава[1] с бронепоездом оперировал на линии жел.-дор., периодически давали ему директивы и информировались о ходе операции.

После приказа Рамишвили и телеграммы Жордания, бронепоезд под командой Андгуладзе, вместе с партизанами Абхазавы, начинает свою деятельность.

Первые шаги их наиболее правдиво и ярко охарактеризованы в показании н-ка бронированного поезда Андгуладзе: «5-го января около 3-х часов дня я получил предписание Исп. К-та за № 57 с предложением разоружить эшелон, идущий из Карса в Баку. На словах же прапорщик Месхиев передал, что штабом Грузинского корпуса приказано разоружить эшелон, шедший из Царских Колодцев, что в помощь придается партизанский отряд под командой штаб-ротмистра Абхазавы... Заехал предварительно к штаб-ротмистру Абхазава в гостиницу «Ной», от него... узнал, что отряд вместе с ним сядет в поезд у Арсенала; приехал на ст. Тифлис и двинулся около 6 часов утра 6-го января. У Арсенала сели Абхазава с отрядом и мы уехали в Навтлуг. Таким образом, в поезде находились: *я со своим отрядом до 35 человек без офицеров и Абхазава с четырьмя офицерами и приблизительно с 60 партизанами*».

Вот все, что осталось от планов не только Лебединского, но и Рамишвили.

Дальнейшее описание событий Андгуладзе дает возможность понять причины общего непримиримого отношения эшелонов к бронепоезду, причины требования его разоружения. Ведь начало его деятельности ничем не отличалось от деятельности бекских банд в период разоружения 219 полка в Елизаветполе. Вот что показывал Андгуладзе: «В Навтлуге мы застали несколько эшелонов и решили, что здесь разоружать

[1] Начальник отряда, руководивший разоружением эшелонов.

неудобно, проследовали на 300-ую версту, где также застали несколько эшелонов и потому решили проехать до ст. Караязы, где и ожидать прибытия подлежащего разоружению эшелона.

К 11 часам первым подошел именно нужный нам эшелон. Путем переговоров в течение около 10 минут, мы добились согласия сдать оружие, люди с эшелона, которых было около 1000 человек, оставили вагоны, в которых лежало оружие. Абхазава лично с людьми отряда принял оружие, которое было немедленно же перенесено в вагон-цейхгауз... Когда разоружение эшелона закончилось, Абхазава усмотрел лишние запасы провианта и фуража у того же эшелона и решил отобрать их. Я ему возразил, что это в наши задачи не входит, что я, как начальник поезда, допустить этого не могу, *на что он пред'явил мне имевшееся у него удостоверение, не скажу* от кого, *так как не помню (!), и отметил, что он властен распоряжаться, так как я с отрядом придан к нему, а не он ко мне* (курсив наш— *С. С.)*... Абхазава отобрал у эшелона несколько мешков муки, масла, сена и четырех лошадей».

Операция разоружения началась с открытого грабежа. Начальнику бронепоезда, не пожелавшему понять того, что он должен был бы понять, пред'явлен был мандат настолько доброкачественный, что хоть он и не запомнил, кем он был подписан, но после этого спорить о том, кто к кому приставлен, перестал.

Не пожелав принять на себя ответственность за дальнейшие действия отряда Абхазавы, он принужден был покинуть со своими людьми бронепоезд.

Полным хозяином бронепоезда оказался Абхазава.

Здесь же на станции Караязы определилась вся его дальнейшая деятельность. Пока Абхазава кончал разоружение, подошли к станции еще эшелоны, которые, узнав о происшедшем разоружении и грабеже, потребовали отдачи оружия и провианта, а также разоружения бронепоезда.

Абхазава здесь же вошел в соглашение с частью мусульманского полка Магалова и приказал раздать его людям только-что отобранное оружие. По показанию Лебедева, это оружие не только раздавалось, «но тут же на месте продавалось».

После этого вся дальнейшая деятельность Абхазавы протекала совместно и в полном контакте с мусульманским национальным советом и его частями, о чем он периодически ставил в известность представителей Зак. правительства.

В тот же день Абхазава сообщил во Дворец:[1]

«Наш план такой, что мы вошли в соглашение с татарами и армянами. У станции Шамхор эшелоны будут встречаться и обезоруживаться. Наличность сил вполне достаточна. В случае, если эшелоны вздумают отступить к Тифлису, то в Караязах мост будет взорван...».

На следующий день полковник Магалов, сообщая Дворцу, что силы отряда для разоружения, кроме бронепоезда, равны 600 чел. из его полка, на вопрос: «Каковы силы эшелонов?», отвечал: «Пять эшелонов, 5000 солдат, девять орудий, но они из орудий с поезда стрелять не могут. Я, Магалов, тоже здесь сижу и вполне надеюсь на свои силы. Принципиально, если хотите, мы беремся и разоружим их безусловно».

Отрицательного ответа не последовало и в тот же день из телеграммы Абхазавы выяснилось, почему Магалов был столь уверен в благополучном исходе разоружения. На предложение вооруженной помощи, Абхазава телеграфировал: «Благодарю, пока не нужно, у меня поддержка *пятитысячная мусульманская сила князем Магаловым и доктором Рафибековым во главе*».

Все банды тюркских беков были призваны на защиту интересов Закавказского Комиссариата.

Сохранившиеся документы показывают всю лживость и несостоятельность позиции, которую заняла после событий меньшевистская печать.

Так, например, 6-го января, после того как Абхазава, обосновавшись на ст. Акстафа, информировал правительство о своей дальнейшей деятельности, заявив недвусмысленно, что у ст. Шамхор эшелоны будут им встречаться и разоружаться, он одновременно повел переговоры с эшелонами.

Последним не было пред'явлено категорического требования о разоружении, наоборот, в первый период они занимали наступательную позицию, настаивая на разоружении бронового поезда. Представителям эшелона было заявлено, что их никто разоружать не собирается, но что броневой поезд исключительно из чувства самосохранения не соглашается пройти мимо эшелонов, почему настаивает на том, чтобы они по одному проходили мимо него.

Таким образом, нач. бронепоезда пошел на сознательную провокацию для того, чтобы достигнуть должного результата. Но материалы следственного дела вскрывают перед нами во

[1] Быв. дворец наместника кавказского—помещение Зак. правительства.

всей наготе чрезвычайно неприглядную роль в переговорах с эшелонами не только Абхазава, но и самих руководителей Зак. правительства.

Основной мотив меньшевистской печати, стремившейся оправдать деятельность своих вождей, сводился к тому, что ни Жордания, ни Рамишвили не несут ответственности за все действия Абхазавы и Магалова.

В деле сохранилась копия телеграфных переговоров между Жордания и представителями эшелонов. «Н. Жордания: Нам сообщили, что вы хотели обезоружить бронированный поезд, *высланный из Тифлиса для охраны пути от разбойничьих банд (!)*, что вызвало бы кровопролитие, ибо бронированный поезд никому не сдастся. Он должен вернуться в Тифлис в целости и сохранности. Мы советуем мирно продолжать свой путь и только под этим условием, броневик вас пропустит».

Таким образом, получив подробное донесение от Абхазавы и Магалова о плане разоружения и о силах, которыми они располагают для разоружения, Н. Жордания перед делегатами эшелонов поддерживал положения, выдвинутые Абхазавой — «эшелоны должны по одному проходить мимо бронепоезда».

Все это говорит за то, что начальник бронепоезда был лишь послушным орудием в руках руководителей Зак. правительства.

Характерно также, что в процессе разговора с делегатами эшелонов Жордания, стремясь вынудить их к принятию выдвинутого Абхазавой плана, пустил в ход даже угрозу:

«Мы здесь с трудом удерживали оставшуюся часть отряда. Если завтра ваш конфликт не будет ликвидирован—*за последствия не отвечаем* (подчеркнуто нами—С. С.). Команда броневика вполне дисциплинированная и не может не исполнить нашего боевого приказа. *Теперь как хотите. До свидания*».

Но делегаты эшелонов продолжали упорствовать. Соглашаясь отказаться от плана разоружения броневика, они из чувства самосохранения, предполагая провокацию, отказывались проходить мимо него, требуя, чтобы он прошел мимо них.

Так ни до чего договориться не смогли.

Что же предпринимают руководители правительства и Исп. К-та Тиф. Совета для предотвращения катастрофы? Согласны ли они были уже в этих условиях категорически отказаться от плана разоружения?

Материалы дают на это отрицательный ответ.

6-го января Исп. К-т посылает делегацию к эшелонам. Посылка делегации преследовала цель урегулировать конфликт мирным путем, но на условиях, выдвинутых Абхазавой.

Вот, что рассказывал тов. председателя Солдатской Секции Тиф. Совета Еленин о посылке этой делегации во главе с чл. совета Крупко: «К сему считаю необходимым добавить, что Н. Жордания, несмотря на наше условие, чтобы в предписании Крупко было сказано, что он командируется для пропуска эшелонов без разоружения, в предписании этом было написано, *чтобы если не удастся отобрать все оружие, то хотя бы часть, что поставило Крупко в очень затруднительное положение при переговорах* с мусульманским Комитетом в Елисаветполе». (Курсив наш—С. С.).

Правда, после посылки делегации, после того, как возбужденной солдатской массой делегация была задержана в качестве заложников, после того, как до Тифлиса дошли сведения, что в районе Акстафа-Шамхор скопилось до 14 воинских эшелонов—настроение меньшевистских руководителей начало изменяться.

Перевес настолько оказывался на стороне эшелонов, что решено было отступить.

Учитывая настроение солдатской массы, Краевой Центр Советов дает телеграмму Бакинскому большевистскому Совету с просьбой выслать свою делегацию для улаживания конфликта. Одновременно он поручает члену Исп. К-та Нач. Милиции Зак. железных дорог Канделаки повести переговоры с Абхазавой.

Разговор этот показателен, потому что отразил настроение Краевого Центра и его руководителей в данный момент.

Вот этот разговор: «*Канделаки:* Я председатель Чрезвычайной Комиссии Нач. милиции Зак. жел. дор., а также чл. Исп. Центр. К-та Канделаки. Я передаю вам согласованное с Краевым Центром и Комиссариатом предложение, чтобы бронированный поезд следовал в Баку... Вам навстречу выезжает делегация Бакинского Совета для улаживания конфликта. Имейте в виду, что с первым поездом воинского эшелона следуют заложники члены Исп. К-та. Сообщите, что думаете предпринять».

В ответ Абхазава сообщает, что предложение это для него неприемлемо, при чем добавляет: «*Вы хорошо знаете, что то, что я делаю, это все от имени Исполнительного К-та, а в настоящее время ставите меня в такое...* (не ясно) *положение*». (Курсив наш—С. С.).

Тогда Канделаки, отражая общее паническое настроение, охватившее членов Исп. К-та, Краевого центра и правительства,—говорит *(по-грузински):*

«Вам не уступили и говорят, что на фронте более ста тысяч человек и мы эти эшелоны по частям распределим, *а то когда эти эшелоны прибудут—могут уничтожить весь край...* Ной Жордания категорически просит в виду изменившихся обстоятельств, чтобы вы следовали в Баку без столкновения с эшелонами... В Баку придется разоружить броневик и вам остаться там, *а бронированный поезд порожний заслать в Сураханы и там его спустить с рельс, чтобы двигаться не мог».* (Курсив наш—С. С.).

Начальник бронепоезда, однако, не поддался паническому настроению, охватившему руководителей и, обосновавшись на ночь на ст. Акстафа. решил выжидать утра.

Правда, ночью (с 6-го на 7-ое января) был момент, когда паническое настроение охватило и его. Эшелоны, не выдержав неопределенности, снялись и пошли вслед за бронепоездом. Телеграфный аппарат ст. Акстафа трясся в лихорадке, вызывая на помощь из Елизаветполя командира Татарского полка Магалова, но кто-то из телеграфистов в пути, видно не сочувствующий операциям Абхазавы, отказывался передать телеграмму.

Копия этой интереснейшей телеграфной ленты, сохранилась в следственном деле.

«Лента № 4. Упр. Евлах 6/1.

Акстафа зовет Елисаветполь.

Я Аб,[1] очень важная командиру татарского полка *(перебой).* Слушайте, мне грозят тут, немедленно примите *(опять перебивают, дежурный предлагает свои депеши...).* Я знаю, но поймите, я же пострадаю очень *(перебой),* немедленно примите одну для командира Татарского полка *(перебой),* вот примите *(перебой),* да бронированный поезд три... *(перебой)* полминуты времени за время чез... *(перебой),* господи... Елс. Елс.:: Елс.[2] Немедленно примите...*(перебой,)* Я понимаю, но что вам составляет от меня 14 слов принять... *(перебой)* господи, вы не человек после этого... *(перебой)*—ведь я же в опасности или вам интересно, что ваш товарищ погибнет из-за вас, ну скорее...*(перебой),* помните, с вами разделаюсь как собакой, немедленно принять, иначе пропадете все вы... *(перебой).* Господи, скотина после этого... *(перебой)».*

И так до бесконечности, от мольбы к ярости и опять к мольбам. Лишь к утру Абхазаве удалось членораздельно сообщить: «Елисаветполь командиру Татарского полка князю Ма-

[1] Аб—Абхазава.

[2] Елс—Елизаветполь.

галову. Еду бронированным поездом позади пять эшелонов солдат требуют моего разоружения прошу прибыть вокзал подробности на месте. Начальник бронированного поезда и партизанского отряда штаб-ротмистр Абхазава».

Об'единенными усилиями отряда Абхазава и национальных тюркских частей удалось задержать дальнейшее продвижение эшелонов.

Весь день 7-го января вновь происходили переговоры между Магаловым и Абхазавой с одной стороны и представителями эшелонов с другой.

Договориться опять не смогли. При чем эшелоны шли на крупнейшие уступки, соглашаясь проходить мимо броневика, не не в одиночку, а по два эшелона сразу.

Абхазава же, получив подкрепление в виде двух эшелонов нац. частей и заверение Елизаветпольского мусульманского совета, что в его распоряжении в любой момент пятитысячная армия—был неумолим и тверд.

Об этом он сообщил в Тифлис.

И тогда-то руководители Закавказского правительства пошли на последний роковой шаг, сделавший неизбежным вооруженное столкновение.

Как видно из материалов, под влиянием изменившейся обстановки руководителями Зак. правительства решено было вновь попытаться провести операцию разоружения.

Вместо того, чтобы настаивать на уходе бронепоезда в Баку, вместо того, чтобы дать об этом Абхазаве боевой приказ, закавказские правители, зная, что тюркские бекские банды пришли в движение, зная, что у Абхазавы «пятитысячная мусульманская армия», вновь созывают совещание, на котором решают продолжать операцию разоружения, мотивируя это решение отказом (?) нач. бронепоезда отправиться в Баку.

«Совещании мы обещали[1] нач. брон. поезда подчиниться распоряжению центра, а именно уехать в Баку и разоружиться, но последний категорически отказался и на том же совещании совместно решили разоружать проходящие эшелоны».

8-го января во исполнение этого решения Абхазаве из Дворца был передан приказ, развязавший ему окончательно руки. В нем говорилось: «Предложите эшелонам оставить артиллерию и пулеметы и хотя бы половину винтовок и не брать

[1] Вероятно, «приказали»—ошибка в телеграфной ленте.

на себя ответственности за тяжелые последствия...». Этим самым прежний приказ об от'езде в Баку ликвидировался. Правда, в конце приказа говорилось, что если все же эшелоны не согласятся разоружиться, то пропустить их вооруженными. Но этот пункт приказа не мог сыграть какой-либо роли. Для разоруживающих было ясно одно—они могут согласно этого приказа продолжать операцию разоружения.

То, что представители власти твердо и окончательно к 9-му января вновь решили проводить операцию разоружения, видно из разговора, происходившего 9-го между Магаловым и Дворцом.

«Дворец: Нужно ли вам какое-либо подкрепление?

Магалов: На ст. Долляр семь эшелонов и на ст. Акстафа три эшелона, эти последние три эшелона подошли сегодня. Ваша помощь выразится в недопущении дальнейшего движения эшелонов из Навтлуга, пока не будут эти разоружены.

Дворец: *В таком случае рассчитываем сумеете разоружить все эти десять эшелонов*».

Разоружившие же, получив приказ из центра и солидное вооруженное подкрепление из Елизаветполя, прекратили вести с представителями эшелонов переговоры о том—кому мимо кого проходить и категорически, в последний раз предложили разоружиться.

И получили вполне резонный и столь же решительный ответ: «Ваши сегодняшние условия совершенно изменяют прежние, про которые не было ранее переговоров ни с броневиком, ни с центром; *орудия и пулеметы солдаты ни за что не согласятся отдать до места своего прибытия*».

При создавшихся условиях вооруженное столкновение предотвратить уже было невозможно.

Первые эшелоны были разоружены и тюркско-грузинская контрреволюция праздновала победу. Начальник меньшевистской тифлисской гвардии Химшиашвили из Евлаха во все адреса рассылал 9-го января телеграмму: «*По нахождению бронированного поезда Абхазава князю Магалову, доктору Рафибекову и Сафикюрдскому—поздравляю победой храбрых воинов, первые разоружены—эшелон проследовал. Пусть вами гордится Кавказ*».

А сам Сафикюрдский, как «народный герой и победитель», по показаниям очевидцев в'ехал в Гянджу в е р х о м н а п у ш к е.

Однако, праздновать победу было рано. Вместо разоруженных эшелонов подходили десятки новых. Они отказывались

разоружаться. Выкатывали батареи, рассыпались в цепь и начиналась ожесточенная борьба. Отряды Магаловых вырезывали тысячи русских солдат. В ответ на это эшелоны из артиллерии расстреливали тюркские деревни. Горы трупов нагромождались по обе стороны железнодорожного полотна. Национальные инстинкты развязывались. В бой втягивались все новые и новые силы. Метким ядром бронированный поезд был разрушен, а его начальник Абхазава убит. Эшелоны все шли и шли — одних разоружали, но десятки прорывались с оружием. Они шли к Баку, оттуда — на север, унося с собой оружие и лютую ненависть. Они шли умирать в борьбе против русской помещичье-буржуазной контрреволюции.

Вот картина, которую застали посланные на место боев Зак. Комиссариатом отряды: «Когда мы подошли к Шамхорскому мосту, увидели сердце раздирающее зрелище. На правом полотне стояли пять потерпевших крушение состава — три воинских, один пассажирский и один... (непонятно); вагоны были сожжены и стояли одни железные части; пожар продолжался при нас, а на левом — стоял разбитый бронированный поезд. Валялась масса сожженных трупов солдат и красногвардейцев, некоторые трупы были обуглившиеся. Далее в ущельи речки валялось изуродованных не одна сотня трупов русских солдат. Все трупы были раздеты и неузнаваемы. От всех ужасов волосы дыбом становились».[1]

Результаты всей этой авантюры напугали грузинских меньшевиков. Они открестились от участия в этой операции. Пользуясь тем, что Абхазава убит, они все свалили на его непослушание и неподчинение их директивам.

В результате боев в районе Шамхор—Долляр эшелоны прорвались на север вооруженные, оставив тысячи убитыми. Разгромленные тюркские деревни разожгли национальные антагонизмы и создали условия для длительной национальной борьбы.

Но частично вожди грузинского меньшевизма, конечно, достигли результатов. Силы отходящей армии были дезорганизованы. За ее счет в значительной степени вооружилась тюркская контрреволюция.

Во всей этой трагедии, вошедшей в историю под названием «Шамхорских событий», удивительно ярко выступает классовая сущность руководителей Закправительства и Краевого Центра Советов, а впоследствии руководителей грузинского «демократического» правительства.

[1] Из доклада шт.-капитана Устиева.

Эта страница из истории деятельности грузинского меньшевизма и его руководителей делает еще более понятным, как меньшевизм пришел в Закавказьи к вооруженной борьбе с большевизмом, к открытому стыку с силами тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюции и западно-европейского империализма.

Ведь начал он свою деятельность по управлению Закавказьем на трупах большевистски настроенной армии.

От Шамхора был уже прямой путь к расстрелу большевистского митинга в центре Тифлиса—Александровском саду—в феврале 1918 г., к зверскому подавлению крестьянского движения, охватившего Грузию в конце 1918 и 1919 г.г.

Приложение № 1.

Письмо н-ка штаба главнокомадующ. ген. Лебединского в Межнациональный военный совет от 3 января 1918 г.

На совещании в Штрафронте при участии командиров национальных корпусов выяснилось, что для разоружения следующих с юга эшелонов корпуса эти могут в настоящее время выделить:

1) Грузинский корпус—добровольческий отряд, в составе 250 штыков, при 4 пулеметах, и конно-горный взвод;

2) Армянский корпус—два спешенных эскадрона в 300 штыков.

3) Мусульманский корпус—2 эскадрона силой в 300 шашек и 4 пулемета;

4) Русский корпус—60 штыков;

5) Отдел военных сообщений—бронированный поезд;

6) Кроме того, на заседании Межнационального Совета 31 декабря прошлого года украинцы обещали выставить для этой же цели 100 штыков, но до сих пор не имеется сведений о выполнении этого обещания.

Таким образом, для чрезвычайно ответственной и требующей вполне законченной подготовки операции, не допускающей и тени сомнения в успешности ее выполнения, есть возможность сосредоточить отряд всего силою в 700 штыков, 300 шашек, 8 пулеметов и 2 орудия.

Однако, и этот сравнительно небольшой отряд, как выяснилось на совещании, представляется возможным выделить только в том случае, если значительная часть караульных на-

рядов по гор. Тифлису будет передана для обслуживания Тифлисской Красной Гвардии.

Таким образом, тот ничтожный отряд, который будет с трудом выделен для сложной и трудной операции разоружения, не будет иметь сзади себя ни одного штыка, который мог бы поддержать его в случае какой-нибудь неожиданной неудачи, который мог бы сменить его в этой трудной работе. А между тем, операция разоружения будет длиться не менее месяца, отряду придется работать и днем и ночью в самое различное время, ибо управлять движением эшелонов никто, кроме самих этих эшелонов, не может и они будут проходить во всякое время суток; не исключена, конечно, возможность даже и того, что какой-нибудь эшелон окажет серьезное сопротивление и может быть поддержан и другими подошедшими эшелонами. Последствия могут получиться самые печальные.

Признавая совершенную недостаточность намеченного отряда и безусловную необходимость иметь для него резерв, имея в виду вероятность подхода к месту разоружения нескольких эшелонов сразу, а также возможность выступления против разоружающего отряда, может быть, и небольших команд, но направленных или со стороны Тифлиса, или высаженных заранее и двинутых в обход пункта разоружения, полагаю необходимым, до возможности сформирования вполне достаточной силы отряда, воздержаться от разоружения, тем более, что тотчас же по начале разоружения придется выделить из состава отряда весьма сильные команды для охраны отбираемого оружия и для сопровождения его в Тифлис в склады.

Кроме того, если бы последовало распоряжение о разоружении частей, следующих в полном порядке и во исполнение данных указаний о расформировании в районе, находящемся за Караклисом, что будет, вероятно, частично исполняться (пример 3-ая Кавказская стрелковая дивизия), то это было бы актом, который будет вполне заслуженно истолкован в самом неблагоприятном смысле в отношении штаба фронта, так и Закавказского Комиссариата и Межнационального Совета,—и на проходящие в Тифлис части, хотя и обезоруженные, постараются опереться те силы, которые пожелают оказать противодействие нынешнему направлению политики Закавказья...

Таким образом, признавая, безусловно, необходимость разоружения, я считаю, что осуществление этого дела возможно лишь в том случае, если национальные корпуса выделят для этого значительно большие, чем в данный момент, силы как для образования отряда, так, главным образом, для непремен-

ного сформирования еще одного резервного отряда в Тифлисе.

Во всяком случае, все распоряжения по формированию отряда делаются в спешном порядке.

Ген.-майор ЛЕБЕДИНСКИЙ.

Приложение № 2.

Показание председателя межнационального совета Н. В. Рамишвили.

Межнациональный Совет возник в конце прошлого года. По вопросу о разоружении возвращавшихся с фронта эшелонов для целей вооружения формирующихся национальных корпусов, уже в принципе решенному в Закавказском Комиссариате и в Краевом Центре, Межнациональный Совет имел несколько суждений. Я числовых дат заседаний не помню, но могу сказать, что первоначально предполагалось создать сводный отряд из национальных частей, около 800 человек, коему поручить дело разоружения по Карсской ветке, около Санаина. Для более правильной организации этого дела вопрос этот был передан на заключение штаба фронта, который высказался за более многочисленный отряд. Однако, Межнациональный Совет принимая во внимание невозможность немедленного осуществления относительно сложных заданий штаба фронта и считаясь с крайней необходимостью иметь оружие для национальных частей, постановил: без дальнейших промедлсний организовать сводный отряд, поручить ему разоружение мирными средствами, отнюдь не доводя дело до столкновений, могущих повлечь за собой кровопролитие, производить разоружепие на линии Карсской жел. дор. и притом не на одном и том же пункте, дабы не привлечь на такой пункт внимания проходящих эшелонов, во главе отряда иметь полковника Комиссарова и осуществление всего этого дела поручить главному начальнику округа, генералу Мдивани. Согласно этого постановления мною и была отправлена телефонограмма генералу Мдивани, которую вы мне и пред'явили с датой от 4 января за № 6. И более по вопросу о разоружении Межнациональный Совет ничего не предпринимал и никому никаких распоряжений не отдавал. Что же касается кровавых событий на линии Тифлис—Баку, вызванных разоружением эшелонов отрядом Абхазавы, то по этому случаю могу показать следующее: в штабе грузинского корпуса стало известно, что из Царских Колодцев вы-

шел эшелон, который должен был сдать оружие грузинскому корпусу и не сдал такового. Было решено разоружить этот эшелон, при чем произвести это разоружение по Кахетинской ветке, или, в крайнем случае, между ст. Навтлуг и 300-й верстой, средствами, находящимися в распоряжении корпуса под командой, кажется, поручика Андгуладзе, придав к нему отряд штаб-ротмистра Абхазавы. Вот этим распоряжением штаба грузинского корпуса и было вызвано то, что Абхазава оказался вместе со своим отрядом в бронированном поезде и выехал для выполнения возложенной на него задачи. Видимо, с Андгуладзе он не поладил, как располагающий силою своего отряда, выпудил Андгуладзе покинуть поезд, принял на себя командование таковым и действительно разоружил намеченный эшелон, где— я сказать не могу. В дальнейшем, насколько мне известно, он должен был вернуться в Тифлис, сдать грузинскому корпусу отобранное оружие, а бронированный поезд должен был выехать в Караязы для защиты русского населения. Этого Абхазава не исполнил, в Тифлис не вернулся, каким-то образом оказался на Елизаветпольском участке Закавказ. жел. дор. и здесь произошло его столкновение с эшелонами. Этими событиями было вызвано заседание особой комиссии из членов Закавказ. Комиссариата, президиума Краевого центра и бюро Тифлисск. Исполнительного К-та, в котором была намечена мирная делегация, в которую вошел и я. С результатами поездки я подробно поделился в своем докладе и прибавить ничего не могу. Каких бы то ни было телеграмм по поводу имевших место событий Межнациональный Совет никому не отправлял. Более по делу показать не имею.

Имею добавить, что хотя я и состою председателем Военной Секции при груз. нац. совете, но участия в деле назначения отряда Андгуладзе вместе с Абхазавой не принимал и никаких исполнительных функций не осуществлял. Также должен добавить, что назначение Комиссарова начальником сводного отряда исходило не от Межнац. Совета, а от генерала Мдивани. Более добавить не имею.

РАМИШВИЛИ.

Приложение № 3.

Копия переговоров по телеграфу И. Жордания с представителями эшелонов.

Переговоры со ст. Акстафа.

У нас в данное время все спокойно. Имеется на станции пять поездов и один почтовый. Поезда стоят потому, что командир бронированного поезда Абхазава из Елизаветполя подал депешу следующего содержания: Акстафа, Начальнику станции. По заявлению командира бронированного поезда предлагается впредь до особого уведомления задержать все без исключения поезда. Путь минирован. Начальник бронированного поезда Абхазава. На этом основании поезда задержаны. Воинских четыре и один пассажирский. Явились представители воинских эшелонов.

Говорит Тифлисский Исполнительный комитет сов. рабочих и солд. депутатов.

Кто говорит?

Н. Н. Ж о р д а н и я. Сегодня мы вам послали делегатов, но они вас в Агтагля не застали и вернулись обратно. Нам сообщили, что вы хотели обезоружить бронированный поезд, высланный из Тифлиса для охраны пути от разбойничьих шаек. Это вызвало бы кровопролитие, ибо бронированный поезд никому не сдается. Он должен вернуться в Тифлис в целости и в сохранности. Мы советуем мирно продолжать свой путь и только под этим условием броневик вас пропустит. Если откажетесь от плана разоружения броневика, мы прикажем командиру бронированного поезда. Если вы принимаете это предложение, тогда немедленно освободите заложников. Пригласите их к аппарату и пусть вместе с вашими представителями Акстафкома, с нашим полномочием выезжают в Елизаветполь. Вы должны дать гарантию начальнику поезда, что эшелоны проезжающие стрелять не будут. Отвечайте.

О т в е т:[1] Ответ дадим через десять минут.

С Абхазавой согласны в некоторых вопросах, они принесли телеграмму, в которой они просили у революционного комитета прислать силы, чтобы встретить наш бронированный

[1] Вероятно, в разговор с эшелонами попала часть другого разговора, об'ясняющего, что хочет Абхазава. Со слов... «Сейчас переговаривались» начинается ответ представителей эшелонов.—С. С.

поезд. Как видно, у них нехватает сил. Абхазава говорит им, чтобы они пошли по частям, тогда их не разоружат. (перевод с грузинского).

Сейчас переговаривались с бронированным поездом о миролюбивом окончании конфликта. Мы предложили ему пройти мимо нас на ст. Ала-Башлы и Шамхор, где будут стоять по два эшелона, гарантируя полное спокойствие, но наше предложение было отвергнуто из недоверия. Изменение наших предложений вызовет затруднение в успокоении солдат, которых трудно было уговорить. Все движение приостановилось. Пассажиры терпят лишения. Путь должен быть свободным. Елизаветполь должен быть свободным, там будем делать вывозку лошадей и пополнение продуктов. Кроме мира, мы ничего не хотим.

Н. Н.[1] По нашему мнению, эшелоны должны проехать раньше, чем броневик двинется сюда, иначе команда бронированного поезда не согласится на пропуск, ибо у команды нет доверия, что вопреки даже вашим желаниям из вагонов не будут стрелять. Мы прикажем начальнику бронированного поезда, чтобы он вас пропустил мирно с условием сохранения в целости команды и броневика. Вы ничего не сказали о заложниках. Русские воины должны стыдиться захватывать в качестве заложников членов революционных организаций.

Ответ: Заложников у нас нет. Мы никого не захватывали. Мы хотим встретиться с равными силами, чтобы не было боязни. Упорство броневика не только усиливает антагонизм национальный, но и родов оружия. Они только начинают воевать, а нам пролитие крови надоело.

Н. Н. Мы гарантируем пропуск, дадим боевой приказ командиру бронированного поезда. Команда недавно вернулась с Западного фронта, принимала участие в боях и никакой охоты не имеет проливать здесь братскую кровь.

Ответ: Теперь боевые приказы, как вы знаете, не исполняются, а потому единство и равенство сил есть единственное обеспечение. Почему мы должны доверять им, когда они нам не доверяют.

Н. Н. Мы здесь с трудом удерживали оставшуюся часть отряда. Если завтра ваш конфликт не будет ликвидирован, за последствия не отвечаем. Команда броневика вполне дисциплинированная и не может не исполнять нашего боевого приказа. Теперь, как хотите. До свидания.

[1] Н. Н.—Ной Николаевич Жордания.

Ответ: Если к нам питается такое недоверие, то можем предложить, чтобы во время прохода броневика мнмо наших эшелонов на броневиках будут находиться совершенно открыто наши представнтели, которые первые пострадают в случае какнх-либо активных выступленнй с нашей стороны. Какая может быть лучшая гарантия.

Приложение № 4.

Копия переговоров по телеграфу представителей Зак. комиссариата с командиром Татарского полка Магаловым.

Я Дворец. Чхенкели нет, а у аппарата его товарищи Карцивадзе и Кантемиров.

Шамхор. Магалов: Передайте им, что дело обстоит так: около часа дня делегаты всех эшелонов прибылн на ст. Шамхор, где, убедившись в значительных с нашей стороны вооруженных силах, единогласно решили убедить своих товарищей сдать оружие; с трех часов дня делегаты эти, принципиально согласившись сдать мне оружие своих эшелонов, в течение двух часов вели разговоры со мною, на каких условиях произвести сдачу оружня. Наконец, в шесть часов вечера делегаты мне заявили, что ответят окончательно завтра утром. В ожидании ответа, бронированный поезд Абхазавы и я ночуем в Шамхоре. Все, что имею сказать.

Дворец: Нам передали вечером, что путь между Шамхором и Долляром разобран, правда ли это?

Магалов: Правда, разобран.

Дворец: Кем разобран, эшелонами или вами?

Магалов: Так, вечером былн получены нзвестня, что эшелоны намерены захватить бронированный поезд. В обеспечение путь разобран нами.

Дворец: Нужно ли вам какое-нибудь подкрепление?

Магалов: На ст. Долляр семь эшелонов и на ст. Акстафа три эшелона, эти последние три эшелона подошлн сегодня. Ваша помощь выразится в недопущении дальнейшего движения эшелонов из Навтлуга, пока не будут разоружены эти эшелоны.

Дворец: В таком случае рассчитываем сумеете разоружить все эти десять эшелонов.

Магалов: Важно знать, имел переговоры Дворец с бакннскими делегатами?

Д в о р е ц:... *(не ясно)*... орах вы спрашиваете?

М а г а л о в: О переговорах насчет разоружения этих эшелонов.

Д в о р е ц: На этот вопрос ответ сию минуту будет дан, пошли справиться. Говорите ваши соображения относительно затяжки до утра.

М а г а л о в: Предположить можно разные причины. Одна из причин это желание скопить побольше реальной силы в виде подхода лишних эшелонов, вторая причина разногласие между эшелонами по вопросу сдачи оружия, наконец, переговоры затянулись до темноты. С темнотой нельзя производить разоружение.

Д в о р е ц: Скажите. нет ли опасности движения походу ночью со стороны эшелонов.

М а г а л о в: Имеем в виду и принимаем соответствующие меры.

Д в о р е ц: Так до свидания. Делегатами мы переговоров не имели, так что не знаем, они проехали или нет. Больше ничего. Ждем от вас приятных сообщений.

М а г а л о в: Слушаем.

Расстрел в Александровском саду.[1]

Шамхорские события, разыгравшиеся в начале января 1918 г., являлись показателем того, что грузинский меньшевизм в борьбе за власть не остановится ни перед чем.

События последующего периода доказали, что оружие нужно было руководителям Зак. правительства не для борьбы с наступающей турецкой армией, а для борьбы с растущими изнутри силами большевизма.

В целях упрочения и так пошатнувшегося положения, закавказский меньшевизм сейчас же после разгона Учредительного Собрания приступает к организации Краевого законодательного органа,—так называемого Сейма.

Закавказский Комиссариат, потерявший всякое доверие и авторитет даже у кругов, близко стоящих к блоку антисоветских партий Закавказья, решено было подпереть видимостью народного представительства. Его призваны были олицетворять наличные члены учредительного собрания плюс расширенное представительство.

Всякое посягательство на Сейм, на организацию, призванную спасти обломки рухнувшего строя, должно было быть подавлено самым решительным образом.

Однако, большевистские организации упорно продолжали подтачивать здание закавказской контрреволюции.

«Брожение умов не прекращалось».

Партия не уставала доказывать контрреволюционный характер Зак. Комиссариата и его политики, бутафорский характер созываемого законодательного собрания.

Накануне самого созыва Сейма (открытие Сейма назначено было на 10 февраля 1918 г.) политическая атмосфера чрезвычайно сгустилась.

---

[1] Арх. музея Революции ССРГ. Следственное дело «по расследованию события, имевшего место 10 февраля 1918 г. в Александровском саду в городе Тифлисе — 1918 г.».

8 февраля Зак. Комиссариат закрыл газету «Кавказский Рабочий» — орган Краевого Комитета большевистской партии и арестовал ряд руководителей этой партии.

Этот акт перед массами нужно было как-либо оправдать. Все газеты пестрели передовицами о зажиме и диктатуре «в царстве Совета Народных Комиссаров».

Руководители меньшевизма должны были как-либо обосновать свою позицию респрессий по отношению к пролетарской партии в дни «организации демократического строя».

Но никаких доводов перед массами не было и не могло быть — *оставался путь применения физического насилия— путь усиления репрессий.*

8-го февраля была закрыта газета «Кавказский Рабочий».

9-го февраля была выпущена Краевым К-том нашей партии «Кавказская Правда», где в обращении к рабочим, солдатам и крестьянам говорилось: «Враги свободного слова, враги рабочих, солдат и крестьян, прислужники буржуазии, помещиков и беков—закавказские меньшевики, чтобы лишить вас какой-либо возможности иметь печатное правдивое слово, запечатали типографию, где набиралась ваша газета «Кавказский Рабочий», и редакцию газеты... На 10-е февраля они собирают так называемый Сейм из отставных членов учредительного собрания, которому они хотят вручить полноту власти и тем упразднить и обессилить советы.

10 февраля они готовят могилу закавказской революции и собираются вколотить гвозди в приготовленные ими для советов гроба.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне... Неужели вы дадите умертвить великие завоевания революций—советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Одновременно с кампанией в печати не прекращались митинги в Александровском саду, в этом «очаге большевистской заразы», где происходила перманентная агитация, непрерывное раз'яснение и обучение масс по вопросам об очередных задачах революционного пролетариата. Ко дню открытия Сейма создавалась насыщенная, напряженная политическая атмосфера, которая требовала разрядки.

Еще в конце ноября месяца 1917 г. Исполнительный К-т Тифлисского Совета Раб. депутатов был вынужден об'явить город на военном положении и в связи с этим запретить всякие митинги. В таком положении город продолжал находиться

и к февралю 1918 г. Военное положение ко дню открытия Сейма снято не было.

Конечно, все это не могло прекратить ни деятельности большевистских организаций, ни брожения внутри масс.

День открытия Сейма, «день торжества демократического строя» грозил превратиться в день массового протеста против этого строя.

Но руководители грузинского меньшевизма прекрасно понимали, что такая массовая демонстрация ясно и недвусмысленно выявить банкротство политических идей сторонников так называемой «демократии». Этого ни под каким видом нельзя было допустить. *Раз ничего не помогает — необходимо кровопускание.*

Всю историю расстрела митинга в Александровском саду можно уже сейчас по показаниям очевидцев восстановить достаточно точно.

Назначенный Краевым Комитетом Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) митинг протеста против закрытия «Кавказского Рабочего» (органа Краевого и Тифлисск. к-тов), ареста некоторых большевиков и открытия Закавказского Сейма начал собираться в нижней части Александровского сада между 10 и 11 часов утра 10 февраля. В этот день забастовала часть рабочих тифлисских предприятий и забастовавшие рабочие с флагами прибывали на место митинга. Прибывали рабочие и в одиночку, и небольшими группами, и солидными процессиями. уже носившими характер демонстрации, устраивавшими свои летучие митинги по пути шествия.

Так, например, пришли железнодорожники, которые явились на митинг несколько позже других.

Процессия железнодорожников уже одна являла собой солидную демонстрацию. Вот как ее описывает некий поручик Светлов, которого ни в какой мере, как видно из его показания, нельзя заподозрить в симпатиях к митингу и его организаторам:

«В 9½ час. утра, 10 февраля, выйдя из квартиры на Елизаветинской улице, я увидел процессию, во главе которой несли красное знамя с надписью: «Заря новой свободы». Участников процессии было, приблизительно: солдат—человек 200, женщин—25-30 и рабочих—человек 200. Большинство демонстрантов старалось поддерживать революционный порядок. От прохожих я узнал, что это идут большевики сорвать Сейм. Процессия пошла по улице Пирогова, а я прямо по Елизаветинской. Выйдя на Михайловский пр., около Кирки,

я увидел митинг большевиков, во главе которого красовалось вышеупомянутое знамя. Сущности речей ораторов я не слушал, но слышал отдельные выкрики: «Долой Закавказский Сейм»... Зайдя по делам в Михайловскую больницу, я пошел по Великокняжеской на Воронцовский мост, где снова встретил ту же процессию. *Тут уже двигалась толпа без всякого порядка с песнями*».... Процессия эта, прибыв в Александровский сад, была встречена восторженно и соединилась с уже находившимися там рабочими. К ее приходу митинг уже шел.

Количество участников достигало нескольких тысяч. Несмотря на то, что в правительственном сообщении указана цифра в 500 человек, большинство участников и случайных свидетелей митинга, вплоть до солдат отряда, расстрелявшего митинг, показывали, что на митинге присутствовало от одной до двух тысяч человек.

Открыв митинг, председатель его предупредил о «возможности провокационных выходок», после чего предоставил слово записавшемуся оратору—Осепьяну. После Осепьяна говорил представитель левых эсеров—Ионесян, а вслед за ним под ряд 3 представителя заседавшего тогда в Тифлисе 6-го Областного с'езда правых эсеров, которые призывали к прекращению гражданской войны.

Речи большинства большевистских ораторов, как показывали впоследствии присутствовавшие, раз'ясняли существо лозунгов, выброшенных Краевым Комитетом к этому дню. Ораторы призывали к протесту против ареста товарищей, закрытия большевистской газеты «Кавказский Рабочий», требовали немедленного освобождения из Метех заключенных и раз'ясняли контрреволюционную сущность созываемого Закавказского Сейма.

Говорили еще 4 товарища, из которых нужно отметить речь солдата Тонконогова с 300-й версты и представителя Сарыкамышского Военно-Рев. К-та тов. Петренко.

Речь Тонконогова в основном сводилась к тому, что 300-я верста совершенно не угрожает мирному населению Тифлиса, что там стоят эшелоны, которые едут на родину и принимают меры, как бы лучше организоваться, чтобы пройти через опасные для них районы. «Но если,—сказал Тонконогов, —на нас будет сделано нападение, если нас предадут и прольют нашу кровь, то тогда 300-я верста, быть может, скажет свое слово».

Представитель Сарыкамышского Воен.-Рев. К-та тов. Петренко также докладывал о настроении 300-версты: «по его словам, на 300-й версте собрались около 8 полков, которые хо-

рошо организованы на выборном начале, великолепно вооружены, и что среди эшелонов есть некоторые течения итти в Тифлис с тем, чтобы свергнуть Зак. Комиссариат, но они, представители военно-рев. к-та и партийные товарищи, до настоящего времени воздерживали и воздерживают это течение..., но если Зак. Комиссариат будет устраивать кровавые сцены, как это было в Шамхоре, если над проезжающими эшелонами будут допущены насилия и если будут продолжаться репрессии по отношению к рабочей печати, то, быть может, и они не в силах будут удержать, и 300 верста может двинуться в Тифлис».

После этого выступил тов. Церцвадзе, речь которого была образна и пересыпана рядом остроумных и шутливых замечаний.

Во время его речи и появился отряд «красногвардейцев». *Нужно считать, что развернуть митинг его руководителям ко времени прибытия отряда еще не удалось, на трибуне и около нее находились ряд руководителей и активных работников большевистской организации, которые должны были выступить, но не успели. На митинге присутствовали, помимо Кузнецова, открывавшего митинг, еще т. т. Назаретян, Орахелашвили, Махарадзе и др.*

Еще задолго до появления «красногвардейского» отряда, на месте митинга произошел следующий инцидент. В самый разгар митинга явился старший милиционер 11-го комиссариата Ходжамиров, который предложил митингу разойтись. Возбужденные рабочие на митинге обезоружили его, тогда с трибуны потребовали, чтобы винтовку доставили на трибуну для отправки ее в комиссариат. После чего, два участника митинга, по показанию самого же Ходжамирова, взяли с трибуны винтовку, в целях охраны его от возбужденной толпы, вывели его из сада и отправились с ним в комиссариат, где, убедившись в том, что он явился на митинг не самовольно, а был прислан начальником комиссариата, — возвратили ему винтовку.

Кроме того, минут через 15 после открытия митинга, как показывал его председатель, к нему па трибуну явился ад'ютант нач. штаба по охране города—Кипиани и заявил, что охрана города запретила митинг, на что он ему ответил: «Вы меня не знаете, но пославшие вас должно-быть знают меня хорошо. Так идите и скажите же им, что председатель митинга Кавтарадзе и что я беру на себя всякую ответственность за мирный характер митинга. Здесь собралась толпа, мирная масса, и она мирно разойдется по домам. Гарантируйте только нас от всякой провокации».

Кипиани поклонился и ушел, ничего на это не возразив. После чего отправился в бюро Исполнительного Комитета Тифлисского совета, где застал, как он сам показывал: Жордания, Гегечкори, Ребруха, Мухаринского. Был там и Верещак. Состоялось короткое совещание. О чем говорилось на этом совещании, никому, кроме присутствовавших на нем, конечно, и по сей день неизвестно. Но после совещания начальник штаба охраны города Верещак приехал к себе и вызвал 3-х офицеров—Имнадзе, Кипиани и Николадзе, которым был придан отряд в 75 красногвардейцев при одном или двух пулеметах (выяснить точно не удалось).

Отряд отправился в Александровский сад. Вместе с отрядом пошел также эсер—штабс-капитан Авакян, который, не являясь одним из командиров отряда, выполнял, как видно будет дальше, какую-то особую миссию.

Отряд явился на место митинга, закрыв вход, рассыпался цепью, вдоль Барятинской улицы. Одновременно через нижние ворота вошел отряд гвардейцев под командой Цквицинидзе. Митинг был окружен. Вошедшие со стороны Головинского проспекта были с красным знаменем и, войдя в сад, видя, что присутствовавшие в панике разбегаются, стали кричать: «Не разбегайтесь, мы ваши». После этого стали успокаивать толпу с трибуны и руководители митинга. Между прочим, нужно отметить, что руководителей митинга ввел в заблуждение, во-первых, красный флаг, который несли впереди отряда, во-вторых, сам командир отряда—Имнадзе, которого некоторые большевистские руководители знали как сочувствовавшего в 1917 г. большевикам. Когда толпа стала понемногу успокаиваться, пришедший отряд, установив пулемет, открыл без всякого предупреждения стрельбу, пулеметную и ружейную. В первый момент присутствующие, не сообразив в чем дело, недоумевающе глядели на стрелявших, но затем бросились на землю. Стрельба то усиливалась, то затихала, продолжаясь минут пятнадцать. Характерно, что стрельба вновь начиналась, как только присутсвующие пытались подняться. Всем было приказано лежать. Когда выстрелы стихли, меж рядов лежавших, *с маузером в руках, пришедший с отрядом эсер Авакян стал продвигаться к трибуне, кого-то высматривая и приказывая всем «не подниматься, так как при первой попытке к сопротивлению он всех перестреляет»*.

Потрясающую картину представлял собой митинг в этот момент. На митинге было много случайной публики, женщин, детей. К тому же нужно отметить, что в то время, как основное

ядро митинга сосредоточилось у трибуны, случайная публика теснилась сзади и первая явилась мишенью обстрела.

Женщины на коленях, вздевая руки кверху, молили о пощаде, дети плакали, многие махали белыми платками, слышались истерические выкрики.

В заключение, в то время как уцелевших выпускали по одному, тщательно всматриваясь в уходящих, по саду шныряли командиры отряда и Авакян, обыскивая и высматривая. Искали Шаумяна и Кузнецова. Не найдя их, эсер Авакян, который был членом Исполн. К-та Совета, увидел Назаретяна и Цинцадзе, которые уносили раненого, и арестовал их.

Только вмешательство видного эсера, тов. председателя Тифлисск. гор. думы—Мерхалева, спасло этих товарищей. Характерно, что когда под честное слово Мерхалева Авакян согласился отпустить их, он предложил им выйти не через верхние (выход на Барятинскую улицу) ворота, у которых они находились, а через нижние, для чего им надлежало пройти сквозь строй вооруженных гвардейцев.

Не только арестованные, но и сам Мерхалев понял, что это угрожает самосудом. После настойчивых требований Мерхалева и арестованных, их выпустили через верхние ворота.

Отряд ушел. Раненых и убитых унесли. Сад опустел.

Такова правдивая картина дня 10 февраля.

Что картина именно такова и не соответствует совершенно «Правительственному сообщению» и заключению следственной комиссии[1] *мы постараемся читателю доказать.*

* * *

Как реагировало на расстрел митинга Закавказское правительство, Исполнительный Ком-т Тифлисского Совета и другие организации, близко стоявшие к правительству?

Одной из характерных черт этих событий нужно считать ту позицию, которую поспешили занять правительственные организации, взвалив всю ответственность за события на митинг и его организаторов. При чем, в целях обеления исполнителей расстрела (оправдывая исполнителей,—спасали и организаторов), организации эти стали на путь инсинуаций и клеветы. Сейчас же после расстрела было выпущено «Правительственное сообщение», в котором много говорилось о деятельности большевиков на 300-й версте, о Горийских и Кутаисских событиях, о деятельности Шаумяна и Кузнецова, но меньше всего о митинге и его расстреле, хотя сообщение это заявляло, что все

[1] См. приложения.

это выяснилось «на основании строго проверенных данных».

Правительственное сообщение гласило:

«10 февраля в Александровском саду разыгрались печальные события, в результате которых оказались убитые и раненые. На основании строго проверенных данных, дело представляется в следующем виде: как известно, по постановлению Закавказского Комиссариата Степан Шаумян и его секретарь Кузнецов подлежали аресту. Эти лица вели среди эшелонов, возвращающихся с фронта, преступную агитацию, стремясь двинуть их на Тифлис и не останавливаясь перед кровопролитием, которое могло явиться результатом этих преступных попыток.

Когда это не удалось Шаумяну и Кузнецову, они направили свою деятельность в среду малосознательных элементов и одновременно, с той же целью, разослали своих агентов в Гори, Горийский уезд и Кутаис. 10 февраля, в день созыва Зак. Сейма, они, несмотря на запрещение, собрали митинг в Александровском саду, где путем речей стремились разжечь массу, чтобы двинуться на разгон Сейма.

Штаб охраны города Тифлиса принял все меры к предотвращению этого. Агенты штаба долго уговаривали толпу разойтись, но никакие уговоры не помогали. В то время был обезоружен милиционер и из толпы раздался выстрел, которым был убит милиционер, уговаривавший толпу разойтись. Из среды милиционеров раздались ответные выстрелы, которыми убиты и ранены несколько человек.

Закавказский Комиссариат».

Лучшую характеристику этого правительственного сообщения на страницах печати дали, к сожалению, не большевики (они тогда не имели печатного органа—газета «Кавказский Рабочий» была закрыта), а правые эсеры, тогда оппозиционно настроенные по отношению к Зак. Комиссариату.

«Знамя Труда», орган Обл. Комитета П. С. Р., от 13 февраля писало:

«10 февраля в Александровском саду разыгрались печальные события, в результате которых оказались убитые и раненые». Так гласят «правительственные сообщения» в воскресных номерах тифлисских газет... Это название, как нельзя лучше соответствует содержанию сообщения. Тот же стиль, то же искажение и скрывание фактов, тот же холодом обдающий казенный тон.

Словом, все в том же порядке, что было в правительственных сообщениях старого режима относительно расстрелов мирных манифестаций. Как и «встарь», правительственное сооб-

щение, для того чтобы убедить обывателя в серьезности той опасности, которую, якобы, внушала мирная демонстрация, приклеивает сюда все, что можно. Тут и Шаумян, и Кузнецов, и агитация их среди эшелонов, и события в Гори и Кутаисе.

Все, что хотите, за исключением изложения фактической стороны дела...».

Но меньшевистские руководители не ограничились правительственным сообщением, нужно было создать «общественное мнение», для этого на помощь призываются пресса и различные организации.

10 февраля к вечеру было созвано заседание Исполнительного Комитета Тифлисского Совета Раб. и Солд. Депутатов, на котором Верещак[1] делал доклад. Тон его доклада соответствовал правительственному сообщению.

Тоже запрещение митинга, опять о военном положении, опять о Шаумяне и Кузнецове, которые, якобы, препятствовали роспуску митинга. Верещак даже заявил, что «руководители митинга были предупреждены, что ответственность за дальнейшее падает на них...».

Но особый интерес представляет речь Жордания; он заявил:

«Когда высшая Краевая власть признала необходимым арестовать Кузнецова и Шаумяна, мы заявили: «под вашей ответственностью пользуйтесь силами[2] если они вам попадутся...». *В борьбе с большевизмом Исполнительный Комитет, как таковой, в тех мероприятиях, которые по отношению к большевикам проводились, не играл никакой руководящей роли,—это надо иметь в виду».*

Таким образом, руководитель партии, стоявшей у власти, руководитель Тифлисского Совета заявлял, что они вообще здесь ни при чем. Сделали другие (кто—неизвестно...), за которых они не отвечают. Но это не мешало этим же руководителям на страницах своей партийной газеты «Борьба» создавать общественное мнение по данному вопросу,—обвиняя митинг еще более резко и развязно, чем «правительственное сообщение».

Для того, чтобы окончательно у населения создать видимость об'ективности, Закавказский Комиссариат создал следственную комиссию, которая была специально подобрана. Правда, туда вошел и большевик Трапаидзе, но он не согласился ни с одним из пунктов заключения комиссии. Комиссия эта, подтасовав факты, вынесла свое заключение, основываясь, самое

[1] Нач. штаба охраны г. Тифлиса и председатель Солд. Секции Совета.

[2] Так в тексте, — *С. С.*

большее, на 5—10 проц. показаний. 90 проц. показаний, как мы увидим, говорят против заключения комиссии.

После работы комиссии, ее заключение было внесено в пленарное заседание Тифлисского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Формально у меньшевистских руководителей было на руках полное оправдание деятельности организаторов и исполнителей расстрела. Ведь так решила «беспристрастная следственная комиссия», а показания все равно оглашению не подлежали.

Жордания, опираясь на это заключение, на пленарном заседании уже не говорил о том, что они не несут ответственности за действия, направленные против митинга. Перейдя в наступление, он обвинял, придерживаясь принципа, установленного «правительственным сообщением»,—поменьше о фактах и побольше—о большевиках вообще. Поддерживая самую резкую резолюцию, внесенную Г. Махарадзе,[1] Жордания заявил: «Резолюция опирается на ответы беспристрастной следственной комиссии. Что касается вопроса о том, что скажет «Северный Кавказ»,[2] где расстреливается масса людей, где чинятся неслыханные насилия и жестокости, то совету не приходится считаться с этим мнением и дорожить им».

Несмотря на противодействие эсеров, заявивших, что «если совет, не имея материала для обвинения, вынесет такую резолюцию, то это будет истолковано врагами его, как желание покрыть преступление», резолюция Советом была принята.

Она гласила:

«В виду того, что следственная комиссия с очевидностью установила:

1. Что руководителями митинга, несмотря на ряд предупреждений, собрание не было распущено.

2. Что расстрел со стороны отряда последовал не по приказу со стороны начальства, а как самопроизвольный ответ на выстрелы со стороны митинга, Совет Рабочих и Солдатских депутатов постановляет, что *вся ответственность за происшедшее в Александровском саду падает на организаторов и руководителей митинга*».

На чем же основывался Совет, вынося такую резолюцию, каково было заключение следственной комиссии, какова была система ее работы, в результате которой она смогла придти к определенным выводам?

[1] Г. Махарадзе—меньшевик-втородумец.

[2] Вставка о «Северном Кавказе» была ответом на аргументацию эсеров.

Следственная комиссия после разбора всех показаний составила вопросник, на который отвечала по пунктам. Уже после того, как все члены комиссии ответили на поставленные перед ними вопросы, комиссией был сотавлен доклад, представленный Зак. Комиссариату и Исполн. Комитету Тифлисского Совета.

Основные вопросы, которые были поставлены перед членами комиссии, можно сформулировать так:

1. Было ли сделано предупреждение со стороны пришедшего отряда?

2. Откуда раздались первые выстрелы?

3. Кем были убит и ранен милиционеры (отрядом или митингом)?

4. Какова была роль командиров отряда?

5. Срелял ли пулемет?

6. Имел ли отряд красное знамя и с какой целью?

7. Что говорилось на митинге?

Нужно отметить, что по ряду основных вопросов у комиссии единодушия не было. Так, например, решение о том, что первые выстрелы раздались из толпы, было принято 5 голосами против 3-х. Если учесть, что тов. Трапаидзе—большевик—вообще отказался подписать опросный лист, то соотношение в этом вопросе будет 5 против 4-х.

Такое же соотношение сил наблюдалось при голосовании вопросов о том—стрелял ли пулемет, было ли со стороны отряда сделано предупреждение, и по вопросу о роли командиров отряда.[1]

Кроме того, в противовес «Правительственному сообщению», комиссия установила, что не доказано, чьими выстрелами (отряда или толпы) были убит и ранен милиционеры.

Составленный на основании этого голосования (при котором голоса фактически разделились поровну) доклад в своих основных положениях говорил следующее:

1. Созванный большевиками митинг количественно достигал 500 человек.

2. Задолго до прихода отряда, митинг дважды предупреждался о необходимости разойтись.

3. Отряду было дано распоряжение стрелять только в том случае, если будут стрелять из толпы.

4. Прибывший под командой Имнадзе отряд имел красный флаг, так как назначался в почетный караул на открытие Сейма.

[1] Т.-е. по всем основным вопросам опросного листа.

5. Отряд не успокаивал толпу и не заявлял, что пришли свои; о том, что пришли «свои», предупреждали только с трибуны.

6. Первые выстрелы, которыми был ранен нач. второго отряда Цквицинидзе и убит милиционер—были даны из толпы.

7. После этого начал стрелять отряд, при чем первый выстрел был дан в воздух.

8. Начальник отряда Имнадзе хотел прекратить стрельбу, но не имел никакой возможности.

9. Из пулемета не стреляли.

Уже при подписании опросного листа и составлении доклада, представитель большевиков тов. Трапаидзе подал в комиссию соответствующее заявление, в котором должным образом квалифицировал деятельность комиссии. Он писал:

«Опираясь на свидетельские показания, имеющиеся в деле, лиц незаинтересованных (представители Обл. Конференции партии С.-Р., партии Дашнакцутюн, огромного большинства беспартийных, в том числе полковника Генерального Штаба Егорова и пр.), утверждаю, что в Александровском саду, в день 10 февраля с. г., на митинг большевиков явился отряд вооруженных лиц, под командой г. г. Имнадзе, Кипиани и Николадзе, командированный начальником штаба охраны при Тифл. Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. депутатов г. Верещаком и без всякого повода и основания, а также без предупреждения, открыл стрельбу по толпе...

Расстрел митинга носил характер организованный и были даже сделаны подготовительные к этому распоряжения в смысле закрытия входов в Александровский сад... В обоснование сего заявления я требую, чтобы все материалы по следствию и сему делу, а также вопросный лист и настоящее мое особое мнение были немедленно опубликованы. Неопубликование этих данных, я буду считать за прямое намерение и желание скрыть от гласности действительную картину события в Александровском саду и укрыть виновников от привлечения их к ответственности».

При тщательном изучении следственного материала становится ясным «явное пристрастие» заключения комиссии. *Ей могут быть пред'явлены следующие обвинения:*

1. Свои заключения комиссия делала вопреки 90 проц. совершенно беспристрастных показаний, основываясь на показаниях лиц, в большей своей части явно заинтересованных в скрытии истины.

2. Комиссия совершенно не выявила результатов деятельности медицинской и технической экспертизы, показавших, что отряд стрелял разрывными пулями, а также установивших неправильность выводов, утверждающих, что гвардеец и милиционер убиты из толпы.

3. Комиссия скрыла, хотя и знала из показания начальника отряда Имнадзе, что пулемет стрелял.

4. Комиссия сознательно не остановилась на противоречивости и сбивчивости показаний официальных лиц и обошла молчанием сведения о том, что расстрелу предшествовало совещание, в котором принимали участие руководители правительства и Исп. Ком. Тифлисск. Совета.

5. Опросный лист сам по себе составлен был тенденциозно и не давал возможности выявиться ряду чрезвычайно важных для следствия фактов.

Весь следственный материал показывает против комиссии и ее опросного листа.

Принимая все это во внимание, автор решил поставить перед собой и читателем ряд вопросов, отвечая на каждый из них суммой имеющегося в его распоряжении следственного материала.

Сумма ответов и составит обвинительный акт руководителям, организаторам и исполнителям расстрела большевистской демонстрации.

Автор считает необходимым перед тем, как перейти к детальному разбору отдельных вопросов, самостоятельно осветить показания представителей Областного с'езда партии правых эсеров.

Эсеровская организация ни в какой мере не может быть кем бы то ни было заподозрена в своих симпатиях к большевизму. Та беспрестанная противобольшевистская кампапия, которую вела в этот период пресса правых эсеров, является достаточной гарантией того, что эсеры ни в какой мере не могли выступить в роли лиц, заинтересованных в оправдании большевистских руководителей митинга. И все же показания представителей этого с'езда, посланных на митинг для того, чтобы уговорить его мирно разойтись,—целиком и полностью говорят против решений следственной комиссии, против исполнителей расстрела, в защиту руководителей митинга, на которых правительственные организации возложили всю ответственность за события 10 февраля.

Но, конечно, это ни в какой мере не освобождает партию эсеров от той ответственности, которую несут за этот расстрел все партии антибольшевистского блока в лице Зак. правительства и других правительственных организаций.

Мало того, нужно отметить, что отдельные представители этой партии входили в состав непосредственных организаторов и исполнителей расстрела.

Ведь начальник штаба охраны города—эсер Верещак был одним из руководителей Краевой партийной организации, а вся подоготовительная работа к расстрелу была проведена именно под его непосредственным руководством.

VI областной с'езд партии С.-Р. командировал на митинг шесть своих представителей. Из них трое—Ильин, Иванов и Шахгалумян выступали на митинге и впоследствии отчитывались в своем выступлении, одновременно рассказывая как о настроениях митинга, так и о картине прихода отряда и расстрела рабочих.

Мы имеем в нашем распоряжении документы двоякого характера, в которых эсеры рассказывали о митинге: это, вопервых, их доклад областному с'езду и, во-вторых, их показания следственной комиссии.

В оценке событий все представители не расходятся и доклады и показания рисуют однородную картину.

Вот, что рассказывал Иванов о настроениях митинга: «Помимо большевиков, выступали и мои два товарища, встреченные толпой аплодисментами, *после того как имп было заявлено, что с'езд партии С.-Р. вынес протест* по поводу *закрытия социалистических газет*. Меня лично встретили вначале тоже хорошо, *но когда я попытался критиковать речи большевистских ораторов, то мне не дали говорить*».

О том, что настроение присутствовавших было большевистское и что толпа не хотела слушать других ораторов, подтверждал и другой член с'езда—Шахгалумян.

«Последние слова Иванова прерывались возгласами из толпы «Кровь в Шамхоре, долой его!», и оратору не дали говорить».

В показании того же Шахгалумяна имеется и указание на те основные лозунги, которые были выброшены в этот день большевистскими ораторами: «Во всех речах большевиков твердо звучало одно требование: *немедленное освобождение арестованных большевиков и открытие «Кавказского Рабочего»*.

Момент прихода отряда и расстрела митинга все три представителя рисовали так:

Ильин: [1] Во время речи Церцвадзе появился небольшой отряд людей, одетых в шинели, со стороны Барятинской улицы. А затем количество их стало увеличиваться.

[1] Из отчетов VI чрезвычайного Областного с'езда партии С.-Р.

Появление вооруженных людей нервировало собрание, а когда они стали рассыпаться в цепь, то толпа стала в панике разбегаться.

Раздалась беспорядочная стрельба по толпе, вызвавшая жертвы.

Я категорически утверждаю, что со стороны стрелявших не было никакого предупреждения. Из толпы, собравшейся на митинг, никакого выстрела не было. Расстреливать начали тогда, когда толпа стала разбегаться. Сцена была ужасная.

Я видел плачущих детей, женщин в истерике, людей, кричавших «мы сдаемся» и просивших о помощи».

Как не похоже это показание отнюдь «не большевика» Ильина на «правительственное сообщение». Но еще более характерным является показание второго представителя—члена Краевого Совета армии—Иванова.

По его показанию видно, что отряд действовал по заранее намеченному плану, по какой-то особой директиве:

«Но солдаты, вбежав в сад, тотчас же рассыпались цепью и некоторые из них крикнули, *что не будут стрелять.* Я подошел к ним с вопросом: «что вы хотите делать?», на это последовал довольно энергичный ответ: «проходите!» Тогда я снова обратился с вторичным вопросом: «Где ваш начальник?». Последовал тот же ответ, подкрепленный на меня направленным дулом ружья.

Также не помогла ссылка на мое звание члена Краевого Совета. Едва я успел пройти за цепь, которая ложилась за кусты, *как без всякого предупреждения* был открыт огонь в сторону митинга, со стороны которого не раздалось ни одного выстрела. *Мое впечатление таково, что солдаты были вполне подготовлены к стрельбе по предварительному распоряжению кого-то. Все их действия были заранее предусмотрены*».

То же показывал и Шахгалумян.

Таким образом, мы видим, что все показания членов Областного с'езда партии С.-Р. целиком направлены против заключения комиссии, «правительственного сообщения» и резолюции Тифлисского совета. Эти показания свидетелей, достаточно ярко рисующих картину расстрела, не были приняты во внимание. Пристрастность комиссии и других правительственных организаций прежде всего выразилась в этом.

При детальном разборе событий дня 10 февраля, в целях восстановления правдивой картины необходимо установить,

предшествовало ли расстрелу какое-либо совещание и что нам известно о каких-либо предварительных мероприятиях официальных органов и лиц.

Что было предпринято предварительно. Кем и какая директива была дана Верещаку. Что в свою очередь предпринял последний. Вот вопросы, которые нужно прежде всего выяснить.

Но, как мы уже указывали в введении, никаких улик, никаких письменных приказов расстрела в следственном деле и в делах правительственных организаций не осталось и остаться не могло.

Даже агенты русского самодержавного правительства в таких случаях старались придерживаться метода устных предписаний.

Однако, в деле следственной комиссии осталось достаточное количество материалов, чтобы и в этих вопросах напасть на правильный след.

Вот, например, ад'ютант штаба охраны города—Кипиани в своем показании рассказывал, что когда он явился в штаб охраны и доложил Верещаку, что митинг не расходится, то «Верещак отправился в бюро Исполнит. Комитета, а я, спустя минут десять, пошел за ним... *В бюро Исп. Комитета, кроме Верещака, были Гегечкори, Цинцадзе,*[1] *Ребрух, Жордания, Мухаринский...* В бюро также поступали сведения от приходящих красногвардейцев и граждан, что митинг в Александровском саду разрастается, слышатся речи на митинге о том, что нужно идти к Метеху освобождать арестованных большевиков. *Тогда по телефону был вызван особый отряд*».

Таким образом, можно установить из показания официального лица, что расстрелу предшествовало совещание, в котором принимали участие наиболее видные руководители грузинского меньшевизма. Что вызвать и отправить отряд решено было там же в бюро, когда выяснилось, что митинг принимает бурный характер. О том, что такое совещание происходило, мы находим и в показаниях члена Испол. Ком. Ребруха: «*Собрались в бюро все члены его, в том числе Е. П. Гегечкори, Н-к штаба охраны тов. Верещак и Ной Рамишвили.* Собирались все пойти в Сейм, в это время забежал Кипиани и еще кто-то, не помню, и заявили, что на митинге в саду находятся Шаумян и Кузнецов, и нужно думать, что они с митингом двинутся к Сейму. К Верещаку обратились с вопросом, что им предпринимается, чтобы не дать митингу выйти из пределов сада и этим предупредить демонстрацию, могущую повлечь за собой трагические послед-

[1] Цинцадзе—меньшевик.

ствия. Тов. Верещак ответил: «*не беспокойтесь, ничего такого не будет и я уже отдал распоряжение, чтобы митинг разогнать*».

Дальше Ребрух сообщает, что когда он попытался возразить Верещаку, что мол митинг разгонять не нужно, то последний ему ответил: «Я считаю нужным разогнать и прошу не вмешиваться». В показании нет никакого указания, что позиция Верещака встретила какое-либо противодействие со стороны других присутствовавших членов бюро Исполнительного Ком-та.

Все это говорит за то, что не только состоялось совещание, но что это совещание санкционировало предложение Верещака «разогнать митинг».

Это же подтверждается показаниями пом. комиссара 2-го участка Тархан-Моуравова и солдата отряда Кикодзе.

Первый показывал: «Мы встретили отряд красногвардейцев, численностью до 80—100 человек, одеты они были в солдатские шинели. Я подошел к начальнику отряда и спросил—куда они направляются. Мне ответили—в Александровский сад разгонять митинг. Тогда я стал просить начальника отряда быть осторожнее, так как может случайно пролиться кровь невинных людей. Мне ответили: «Не беспокойтесь, мы знаем».

Второй же достаточно откровенно сообщал комиссии: «Тогда начальник отряда, поручик Имнадзе, приказал войти в сад, окружить и разогнать митинг».

Подготовительные мероприятия, предшествовавшие расстрелу, представляются в следующем виде: ко Дворцу подошел отряд в 75 человек под командой Имнадзе, откуда он, уже под общим руководством Имнадзе, Кипиани и ад'ютанта Верещака —Николадзе отправился к месту митинга.

Характерно, что в своем показании Кипиани даже не указывает на то, что ему было приказано «разогнать митинг», и показывает лишь, что ему было предложено арестоват Шаумяна и Кузнецова.

Никто из руководителей отряда, конечно, не признавался и не мог признаться, что им было приказано расстрелять митинг, однако, в этом случае характерна сбивчивость показаний. В то время, как Верещак и Кипиани показывали, что руководителям отряда приказано было ни в коем случае в толпу не стрелять, Имнадзе и Николадзе, а также Авакян, показывали, что Верещаком было приказано в случае стрельбы со стороны толпы «*стрелять в толпу*».

Но в области проведения подготовительных мер остается еще один невыясненный вопрос. В то время, как в верхние ворота сада вошел отряд под командой Имнадзе, через нижние

ворота вошел отряд гвардейцев, под командой Цквицинидзе. Таким образом, оба входа оказались закрытыми и митинг окруженным. О том, что там был второй отряд, следственная комиссия вообще умолчала.

Как туда попал второй отряд? Кем он был прислан?

Сам командир отряда Цквицинидзе показывал:

«10 февраля я шел с отрядом в Пироксилиновый склад для смены караула. По дороге около Александровского сада со стороны Барятинского спуска повстречался какой-то господин в форме красногвардейца, который сказал, что в саду на митинге беспорядок, идите примите меры. Я со своим отрядом в 15 человек вошел в сад со стороны Воронцовского моста и начал кричать толпе, чтобы она разошлась, иначе будем стрелять».

Эта версия прихода второго отряда, предподнесенная его командиром, настолько нелепа и неправдоподобна, что сразу бросается в глаза.

Как случилось так, что этот отряд вошел в сад одновременно с отрядом Имнадзе. Как мог командир отряда, ведший его на смену караула, по одному предложению совершенно постороннего человека отправиться к месту митинга и без какой-либо уважительной причины (ведь на митинге никакого беспорядка не было) кричать толпе, «чтобы она разошлась, иначе они будут стрелять».

Версия прихода второго отряда оказалась настолько скверно выдуманной, что всякая мало-мальски беспристрастная следственная комиссия не могла не обратить на это внимания.

Однако, комиссия предпочла обойти этот вопрос, ограничившись в своем докладе указанием на то, что этот отряд имел «другое назначение».

Нужно считать доказанным, что в результате состоявшегося совещания в бюро И. К., на котором решено было разогнать митинг в Александровском саду, было послано два отряда, которые вошли в сад одновременно через верхние и нижние ворота, окружив таким путем митинг и отрезав его участникам возможность отступления.

Правительственное сообщение гласило: «агенты штаба долго уговаривали толпу разойтись, но никакие уговоры не помогали».

В заключении же следственной комиссии было сказано: «При виде отряда часть толпы начала разбегаться, но с трибуны стали успокаивать толпу, говоря: «это наши, наши»... В это время внезапно из толпы раздался выстрел. Комиссия при-

знает доказанным, что когда солдат отряда, вошедшего со стороны Воронцовского моста и имевшего другое назначение (?), Цквиципидзе крикнул толпе, чтобы она разошлась, иначе он будет стрелять, то какой-то молодой человек в штатском платье выстрелил в него из револьвера и тяжело поранил его в обе ноги. Вслед за произведенным из толпы выстрелом, в толпе раздались крики: «убили милиционера» и тотчас же, без всякого предупреждения и без чьей бы то ни было команды, со стороны отряда была открыта стрельба».

На чем основывалась следственная комиссия, вынося такое заключение? При тщательном изучении следственного материала видно, что к такому решению комиссия пришла, базируясь на показаниях заинтересованных в скрытии истины лиц.

Во-первых, комиссия основывалась на показании самого начальника отряда — Цквиципидзе: «Не доходя до трибуны шагов 10-15, какой-то господин в штатском платье лет 17-18, повидимому грузин, в то время как публика разбегалась, дал по мне из-под пальто три выстрела, ранив меня в обе ноги. Он револьвер из кармана не вынимал, стрелял из-под пальто, поэтому я не мог заметить системы револьвера».

Во-вторых, комиссия основывалась на показаниях самих командиров отряда и солдат этого отряда. Так, например, солдат отряда Чануквадзе показывал: «На моих глазах человек в черном костюме застрелил милиционера, другой милиционер был ранен, после этого началась стрельба».

А эсер—штабс-капитан Авакян, который, как мы уже говорили, находился в саду с особой миссией, также выступая в роли «свидетеля», говорил: «Вдруг выстрел, другой... Я быстро оглянулся в сторону выстрела и увидел, что какой-то молодой человек, с общего вида мастеровой, в черном или темном костюме, без воротничка и в мягкой кепке, стрелял в нашу сторону из револьвера». Основываясь именно на этих показаниях, комиссия вынесла заключение, что первые выстрелы раздались из толпы. Никакие другие показания действительно беспристрастных свидетелей (посторонних лиц) не были приняты во внимание. В деле имеются показания десятков случайных и не случайных посетителей митинга, показывавших противоположное.

Вот, например, показание полковника Ген. штаба Егорова:

«Я читал правительственное сообщение о событии 10 февраля, в котором говорилось, что со стороны отряда, произво-

дившего стрельбу, были сделаны соответствующие предупреждения.

Я проходил мимо самого митинга очень медленно и утверждаю, что при мне не было сделано никаких предупреждений. После появления красного флага со стороны Барятинской улицы сейчас же открылся огонь. Далее, в том же правительственном сообщении я читал, что со стороны толпы были сделаны первые выстрелы. Я утверждаю, что не только первых, но вообще никаких выстрелов со стороны толпы не было и среди нее не было даже вооруженных винтовками».

То же показывал надзиратель тюрьмы — Гурьев; о том же, как мы знаем, говорили представители VI Областного с'езда эсеров. Свидетельница В. А. Мочулис, случайно проходившая мимо сада, показывала — «отряд имел красное знамя и когда вошел, кричал «ура». На митинге началось волнение, но люди из отряда стали махать руками и шапками и кричать: «Мы ваши».

То, что пришедший отряд успокаивал толпу и заверял, что стрелять не будут, показывал даже сам Авакян:

«Увидев, что солдаты расходятся в цепь, часть толпы бросилась бежать в направлении 1) Воронцова моста, 2) Казначейства; еще бежали в гору. Видя это бегство, Имнадзе и почти все солдаты кричали: «стой, не уходи, не бойся, мы ничего не сделаем, не создавайте паники!». Махали толпе руками, папахами, кричали, но ничего не помогло»...

О том же показывали десятки свидетелей, представлявших различные слои населения гор. Тифлиса.

Об этом же показывали: инженер Чепас, фотографы — Леонтьев и Бинт, чиновник Сивков, буфетчик Двали, слесарь Капанадзе, студент Пахлавуни, сапожник Антонянц, повар Бестишвили, жена врача Какашвили, меньшевик-рабочий Тер-Стеланянц, подполковник Гусев и много других.

Но помимо показаний подавляющего большинства свидетелей, имеются в деле неопровержимые фактические данные, устанавливающие неправдоподобность показаний, утверждавших, что первые выстрелы, которыми были ранен и убит милиционеры и ранен гвардеец, произведены из толпы. Такими неопровержимыми фактическими данными являются заключения экспертизы.

Врачебная и техническая экспертиза, исследовав труп убитого милиционера Герсамия и раненого командира второго отряда Цквиценидзе, установила, что они получили ранения из

винтовки, а не из револьвера, при чем из винтовки такого образца, из которой получили ранения и другие участники митинга.

По следственному материалу можно наблюдать, как членам комиссии хотелось доказать, что убитые и раненые солдаты и милиционеры получили ранения из карманного огнестрельного оружия.

Но экспертиза, сменявшаяся одна за другой, упорно отрицала эту возможность.

Присланный из Тифлисского арт. склада эксперт-техник Рычков, сверив пули, обнаруженные в теле участника митинга Вартанова и милиционера Герсамия, признал, что «оба осколка мельхиоровой оболочки пули принадлежат к пуле *одной системы ружья*, именно трехлинейной винтовки»

Медицинский эксперт — доктор медицины Розенбаум в своем заключении писал: «На предложенные вопросы отвечаю: все ранения произведены выстрелами из ружья, за исключением ранений Антоньянца, Долидзе и Петренко (участников митинга — С. С.), которые могли быть произведены револьверами... При чем в отношении Антоньянца и Долидзе я могу допустить и ружейные ранения... Что касается Герсамия (милиционер), я полагаю, что, имея в виду направление пули по каналу, выстрел в него был произведен в стоячем положении стреляющего и сам Герсамия в момент ранения также был в стоячем положении. Выстрел в Герсамия был произведен на расстоянии от 100 до 300 метров сбоку. В отношении Цквицинидзе я не согласен с заключением доктора Минасова и полагаю, что ранение *ему причинено ружейным выстрелом или двумя ружейными выстрелами, так как такого размозжения мягких частей и раздробления костей не может вызвать револьверная рана даже на близком расстоянии*».

Медицинская и техническая экспертиза показывают всю вымышленность показаний Цквицинидзе, Авакяна и солдата отряда — Чануквадзе. Мы думаем, что читатель прекрасно понимает, что молодой человек, ранивший Цквицинидзе, согласно его заявлению, не мог иметь под пальто трехлинейной винтовки.

То же самое можно сказать и о показании Авакяна и Чануквадзе, которые видели, как молодой человек в черном пальто убил из револьвера милиционера. При наличии заключения экспертизы, устанавливающей ложность показаний вышеуказанных лиц, полную правдоподобность приобретает картина, данная 90 проц. показаний. *Отряд первый, без всякого*

предупреждения, открыл огонь по толпе. При чем нужно считать доказанным, что отряд прибег к провокации, заявляя толпе, что они стрелять не будут. Ведь об этом показывали не только случайные и не-случайные участники митинга, но и сам штабс-капитан Авакян.

Для того, чтобы быть окончательно убежденными в том, что расстрел произошел в результате заранее предрешенного и разработанного плана, остается доказать, что толпа расстреливалась не только из винтовок, но и из пулемета.

Если, как показывали некоторые заинтересованные свидетели, солдаты начали стрелять сгоряча, в ответ на раздавшиеся в них из толпы выстрелы (теперь мы уже знаем, что и этого не было), то установку пулемета и стрельбу из него никак нельзя оправдать горячностью. Для этого нужен был заранее обдуманный план.

В опросном листе Комиссии, в ответ на поставленный вопрос: «Доказано ли, что произведены были выстрелы из пулемета?» стоит ответ: «Не доказано». А в докладе следственной комиссии сказано: «Хотя при них находился и пулемет, но отряд не пустил его в дело и выстрелов из него произведено не было».

Вся сумма следственного материала целиком говорит против этого заключения.

Нужно согласиться с тем, что заявления ряда участников митинга о том, что они по слуху распознали стрельбу из пулемета, не давали еще никакого права Комиссии выносить заключение, что пулемет стрелял. Но автор строит свое утверждение, конечно, не на этом. То, что с отрядом пулемет был, в своих показаниях не отрицали ни Верещак, ни руководители отряда. Из показания же пом. комиссара 2-го участка Тархан-Моуравова мы узнаем, что красногвардейцы, раесыпавшись цепью, раньше всего установили пулемет: «Я со своими милиционерами стал около склада, где поставили красногвардейцы и ручной пулемет». То, что установленный пулемет стрелял, мы узнаем не от распознавших по слуху, а от лиц, видевших, как этот пулемет работал.

Фотограф Бинт показывал: «Прапорщик установил ручной маленький пулемет на постоянно стоящем при входе в сад, на углу лабаза, опрокинутом большом ящике. Пулемет этот был установлен несколько вверх по направлению к трибуне и быстро, минуты через 2—3, прапорщик стал вращать ручку пулемета. Вместе, за выстрелами пулемета, раздались выстрелы ружей».

Достаточно авторитетно должно было быть для следственной комиссии и показание подполковника Гусева: «Этот отряд нес впереди 2 больших красных знамени, вооружен он был винтовками, а у одного было незнакомое для меня огнестрельное оружие—или ручной пулемет, или многозарядное ружье... Тут же был произведен выстрел из многозарядного ружья».

Показывал также и председатель митинга: «Я увидел пулемет, за которым сидел кто-то в серой шинели и быстро работал обеими руками».

Но все эти показания очевидцев на первый взгляд разбиваются достаточно веским противопоказанием начальника штаба охраны — Верещака. Он показывал: «Из пулемета стрельбы не было, так как по возвращении отряда я путем осмотра убедился в том, что пулеметы не стреляли». Верещак даже утверждал, что путем проверки он убедился в том, что нагара в дуле пулеметов не оказалось.

Однако, показания самого командира отряда—Имнадзе не оставляют сомнения. Верещак просто дал комиссии ложное показание—пулемет стрелял. Вот, что показывает Имнадзе: «Стрелял и пулемет, дав не более 3-х выстрелов».

Нужно думать, что показание командира отряда достаточно веско, чтобы мы, учтя все остальные приведенные показания, смогли бы сделать соответствующий вывод, утверждающий, что пулемет действительно стрелял.

Некоторые детали дополняют картину расстрела.

Вид раненых и убитых наводил очевидцев на мысль о том, что отряд стрелял разрывными пулями.

Медицинская экспертиза подтвердила это предположение. В своем заключении городовой врач Яшвили писал: «Большие разрушения костей и мягких частей по пути прохождения пули у 3-х трупов — Матеосянца, Сехниашвили и Сихарулидзе нужно об'яснить тем, что некоторые ружья были заряжены разрывными патронами».

Заключение Следственной Комиссии абсолютно не упоминает о той роли, которую играл во все время пребывания отряда в Александровском саду штабс-капитан, эсер Авакян.

В материалах следственного дела Авакян фигурирует, как свидетель, случайно очутившийся на месте митинга. На его показаниях основывалось заключение Комиссии. Однако, поведение Авакяна, как оно рисовалось присутствовавшими и даже им самим, не оставляет сомнения в том, что Авакян был прислан на место митинга с какой-то особой миссией.

Свое пребывание в Александровском саду Авакян об'яснял следующим образом: «Отряд двинулся по Головинскому.

Кипиани, Николадзе и Имнадзе тоже. Зная в точности о назначении отряда из предыдущего разговора, я, в качестве любопытного, тоже пошел по тротуару параллельно отряду... Я думаю, никто не может поставить мне в упрек, что я хотел быть свидетелем исторической (если бы она удалась) сцены ареста Шаумяна и Кузнецова. Я решил пойти с публикой, солдатами в сад, когда они войдут».

Однако, этот «любопытный свидетель», неизвестно с какой целью в тот день переодетый в штатское платье, «на мне была мягкая кепка, русская рубаха, кожаная тужурка, штаны темносерого сукна и сапоги»,[1] вел себя до-нельзя странно.

Вот, как об'яснял сам Авакян свое дальнейшее поведение: «Стрельба утихла... Все мои помыслы были направлены в сторону раненых; *оголив на всякий случай револьвер, я пошел к митингу*. К этому же месту сходились полукругом солдаты, все еще с ружьями на изготовку... Терроризированные люди поднимали белые платки, обе руки, стояли на коленях, женщины бились в истерике, одни голосили, другие ругались, и все просили отпустить. Боясь признаться, чтобы меня не сочли за виновника всего этого, зная, что у меня врагов много... я сказал громко: «не бойтесь ничего, я пришел убирать раненых, но если кто из вас выстрелит, того я застрелю на месте».

Комиссия даже не попыталась поставить напрашивающийся вопрос, как посторонний человек, с оголенным револьвером, в штатском платье, получил возможность ходить на виду у всего отряда между лежащими участниками митинга и грозить смертью «на месте».

Свидетельница В. А. Мочулис в своем показании так рисовала поведение Авакяна: «Оба бегавшие были с револьверами в руках. Цепь находилась от меня на расстоянии не более 15-ти шагов. Один из двух бегавших был хромой в кожаной тужурке (Авакян), другой в длинном, сером, со сборками. Когда стрельба успокоилась, эти двое подошли и сказали: «Вставайте». При этом тот, что был в кожаной тужурке, сказал, обращаясь к толпе: «Я вас всех, как собак, перестреляю».

Ряд других показаний указывал на то, что Авакян с револьвером в руках ходил между лежащими и кого-то выискивал.

Все поведение последнего говорит за то, что он ни в каком случае не являлся «свидетелем», а, конечно, был прислан в сад с особой миссией. Его дальнейшее поведение подтверждает сделанный нами вывод.

Вот, что рассказывал в своем показании тов. Назаретян:

[1] Из показания Авакяна.

«Вместе с тов. Цинцидзе и др. лицами из толпы мы подняли раненого и направились к выходу... Поравнявшись с часовней, я услышал окрик: «Назаретян, стойте, куда вы уходите с раненым, и вы тоже» обратился окликнувший к Цинцадзе. Мы остановились, и я увидел Г. Авакяна, лично меня знавшего по Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, где членами состояли и я, и он . «Пойдемте со мной»,—сказал он,—и мы направились обратно в сад, где он передал нас солдатам».

Сам Авакян этот факт преподнес Комиссии в следующем освещении: «Я увидел Назаретяна, несущего раненого. До того еще я понял, что приказание не исполнено — и Шаумян и Кузнецов не найдены. *Сам не зная для чего*, я позвал Назаретяна и хотел повести его к одному из трех лиц, коим было все поручено, с мыслью, что может быть Назаретян, как близко стоящий к Шаумяну и Кузнецову, мог бы дать кое-какие сведения».

Таким образом, опираясь на показания самого Авакяна, можно считать установленным, что случайное лицо, «любопытный свидетель», пришедший с отрядом, бегал по цепи, ходил между лежащими с револьвером в руках, приказывал не вставать, арестовывал большевиков.

Комиссия, зная все это, не могла не обратить внимания на абсолютную неправдоподобность показания, однако, обошла все это молчанием, покрыв виновного.

Характерно отметить, что при аресте Назаретяна и Цинцадзе, когда в дело вмешался, как мы уже указывали выше, эсер Мерхалев и стал настаивать на том, чтобы под его личную ответственность арестованных отпустили, была сделана попытка разрешить вопрос с арестованными значительно «проще» — Авакян сказал: «Ну, идите, только через те ворота, выходящие на Мадатовскую улицу». Я заявил, что нам ближе выйти на Барятинскую ул., так как мы стояли в 10-ти шагах от выхода на названную улицу». (Из показания т. Назаретяна).

Таким образом, когда, под давлением Мерхалева, руководителям расстрела пришлось арестованных отпустить, была сделана попытка к самосуду. Ведь, если бы арестованные прошли через предложенные Авакяном ворота, то еще несколько выстрелов не усугубили бы, конечно, вины отряда и его командиров.

То, что вмешательство Мерхалева оказалось весьма нежелательным, видно из показания члена Краевого Совета — Анчева. Он показывал: «Назаретян и Цинцадзе пошли со всеми вниз. Сейчас же после этого я и Мерхалев направились на за-

седание Сейма в казенный театр, где, встретив наших товарищей, взволнованно рассказали о расстреле митинга в Александровском саду. В это время подошел председатель штаба охраны—Верещак и, обращаясь к Мерхалеву, заявил, что, *когда его никто не просит, пусть он не вмешивается в чужие дела*. «Чего вы отпустили Назаретяна?». «Да, отпустил», — ответил Мерхалев, — «пожалуйста, арестуйте». «*И арестуем. Надо было голову вам поломать там в саду*», — грозно заявил Верещак».

И понятно, организаторам и руководителям расстрела было из-за чего приходить в негодование. Намеченный план до конца выполнен не был. Ведь все большевистские руководители ушли целыми и невредимыми.

Нам думается, что приведенные нами доказательства совершенно ломают гнилую постройку обвинения руководителей митинга, созданную Следственной комиссией и правительственными организациями.

Следственная комиссия, а вместе с ней Закавказский Комиссариат и руководители Тифлисского Совета уличены в пристрастности и покрывательстве.

Но нам не следует удивляться. Руководители организаций, покрывая организаторов расстрела, покрывали самих себя: ведь те же лица были и судьями, и организаторами расстрела большевистского митинга.

Приложение № 1.

ВОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Следственной Комиссии с ответами членов Комиссии.

Комиссия по расследованию событий, имевших место 10-го февраля 1918 года в Александровском саду в г. Тифлисе.

1) Доказано ли, что 10 февраля 1918 года председатель штаба охраны г. Тифлиса командировал на происходивший в тот же день в Александровском саду митинг ад'ютанта штаба Кипиани для того, чтобы предупредить о воспрещении митинга и просить собравшихся разойтись, во исполнение чего Кипиани, прибыв на митинг, заявил об этом председателю митинга Кавтарадзе?

Доказано (единогласно).

2) Доказано ли, что на вышеозначенном митинге мили-

ционер, заявивший толпе, что митинг воспрещен и просивший толпу разойтись, был обезоружен толпой, при чем отнятое ружье было передано на трибуну председателю митинга для представления в Комиссариат?

Доказано (единогласно).

3) Доказано ли, что на вышеозначенном митинге в толпе находились лица, вооруженные винтовками?

Доказано (большинством 6 против 3).

4) Доказано ли, что на вышеозначенном митинге, когда вошедший со своим отрядом в Александровский сад солдат особого отряда Исполн. Комитета Харлампий Жквиникидзе крикнул толпе, чтобы она разошлась, иначе они будут стрелять, то какой-то молодой человек в штатском платье поранил его несколькими выстрелами в обе ноги?

Доказано (большинством 5 против 3).

5) Доказано ли, что на вышеозначенном митинге из толпы был произведен в солдата особого отряда Исполнительного Комитета Евсихия Горгиладзе выстрел, которым был разбит приклад его ружья и пробита надетая на нем шинель?

Доказано (большинством 5 против 3, при 1 воздержавш.).

6) Доказано-ли, что на вышеозначенном митинге милиционер Герсамия был убит выстрелом, произведенным из толпы?

Не доказано, чьим выстрелом — из отряда или из толпы (большинством 8 против 1).

7) Доказано ли, что на вышеозначенном митинге милиционер Ломиашвили был ранен выстрелом, произведенным из толпы?

Не доказано, чьим выстрелом—из отряда или из толпы (большинством 8 против одного).

8) Доказано ли, что до открытия стрельбы отрядом раздались два одиночных, следовавших один за другим, выстрела?

Доказано (единогласно, при 1 воздержавшемся).

9) Если доказано, то доказано ли, что два упомянутых одиночных выстрела произведены были из толпы?

Доказано (большинством 5 против 4).

10) Доказано ли, что стрельба со стороны отряда была открыта без предупреждения?

Доказано (единогласно, при 2 воздержавшихся).

11) Если доказано описанное в 10 вопросе, то доказано ли, что начальник отряда имел возможность сделать предупреждение?

Не доказано (большинством 6 против 3).

12) Доказано ли, что отрядом использованы все средства для избежания кровопролития?

Не доказано (большинством 4 против 2, при 3 воздержавшихся).

13) Доказано ли, что митинг 10 февраля в Александровском саду, где имеется специальная эстрада для трибуны, может быть причислен к разряду запрещенных митингов?

Доказано (большинством 7 против 1, при 1 воздержавшемся).

14) Доказано ли, что руководителям отряда Имнадзе, Кипиани и Николадзе дано было полномочие употребить оружие в случае стрельбы в отряд из толпы?

Доказано (большинством 8 против 1).

15) Доказано ли, что отряд открыл стрельбу без приказания руководителей отряда?

Доказано (единогласно).

16) Доказано ли, что руководители отряда с трудом прекратили стрельбу?

Доказано (единогласно).

17) Доказано ли, что первая стрельба со стороны отряда произведена была в воздух?

Доказано (большинством 6 против 3).

18) Доказано ли, что произведены были выстрелы и из пулемета?

Не доказано (большинством 5 против 3, при одном воздержавшемся).

19) Доказано ли, что председатель митинга Кавтарадзе после указанного в 1-м пункте предупреждения Кипиани не объявил об этом собранию и не распустил такового?

Доказано (единогласно).

20) Доказано ли, что с отрядом на место происшествия не были посланы санитары и сестры милосердия?

Доказано (единогласно).

21) Доказано ли, что на митинге были Шаумян и Кузнецов?

Доказано присутствие на митинге Кузнецова и не доказано присутствие Шаумяна (единогласно).

22) Доказано ли, что отряд, явившийся в сад для исполнения определенных поручений, имел с собой красное знамя?

Доказано (единогласно).

23) Если событие, описанное в 22 вопросе, доказано, то доказано ли, что отряд первоначально предназначался в этот день для почетного караула на Сейме, вследствие чего имел

при себе красное знамя?

Доказано (большинством 8 против 1).

24) Доказано ли, что 10 февраля, в 9 часов утра, до начала митинга в Александровском саду, на табачную фабрику Энфианджианца явились некоторые лица, принадлежащие к фракции большевиков, и с угрозами потребовали забастовки в виду закрытия газеты «Кавказский Рабочий» и ареста большевиков?

Доказано (большинством 5 против 4).

25) Доказано ли, что на митинге в речах ораторов проводились указания на то,

а) что Сейм является буржуазным и националистическим?

Доказано (единогласно).

б) что нужно пойти в Сейм и попросить очистить помещение?

Доказано (большинством 6 против 4, при двух воздержавшихся).

в) что необходимо свергнуть Комиссариат;

г) что в случае неисполнения требования об открытии газеты «Кавказский Рабочий» и об освобождении арестованных товарищей, нужно идти в Метехский замок и освободить их;

д) что на Трехсотой версте имеется сила, которая, в случае надобности, окажет вооруженную поддержку?

Доказано (большинством 8 против 1).

Председатель Комиссии ***Б. БРОДСКИЙ.***

Члены Комиссии ***Н. ЕЛЕНИН, В. ЖГЕНТИ, М. ГРУЗЕНБЕРГ, Р. АУШТРОВ, Е. АНДРЕЕВСКИЙ, Ф. ЛОРИЯ, БАРСОВ.***

Приложение № 2.

Доклад Комиссии по расследованию события, имевшего место 10 февраля 1918 г. в Александровском саду в гор. Тифлисе.

Расследовав событие, имевшее место 10-го февраля 1918 года в городе Тифлисе, в Александровском саду, Комиссия находит, что обстоятельства этого события установлены в следующем виде:

На 10 февраля 1918 года, в день открытия Закавказского Сейма, назначен был в Александровском саду митинг большевиков. Накануне в штаб охраны города Тифлиса поступили

сведения о том, что большевики готовятся к выступлению на улицах. с целью враждебных демонстраций против Сейма и Закавказского Комиссариата, для чего велась агитация как среди солдат, находящихся на 300-й версте, так и среди рабочих. Около 9 часов утра того же 10 февраля на фабрику Энфиаджианц явились члены фракции большевиков и с угрозами требовали от рабочих об'явить забастовку вследствие закрытия газеты «Кавказский Рабочий» и ареста некоторых большевиков. По открытии митинга в Александровском саду, Кузнецов предложил собравшимся избрать председателем члена Краевого Комитета большевиков Сергея Ивановича Кавтарадзе, который Комитетом партии был назначен председателем митинга. Предложение Кузнецова было принято и Кавтарадзе открыл митинг. Количество собравшихся было приблизительно около 500 человек. В числе их на митинге были и лица, вооруженные винтовками. Выступавшие ораторы говорили о том, что Сейм является буржуазным и националистическим, «что нужно пойти в Сейм и попросить очистить помещение, что необходимо свергнуть Комиссариат, что в случае неисполнения требования об открытии газеты «Кавказский Рабочий» и об освобождении арестованных товарищей нужно итти в Метехский замок и освободить их, что на Трехсотой версте имеется сила, которая в случае надобности окажет вооруженную поддержку».

Так как по постановлению Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов от 29 ноября 1917 г., об'явленном во всеобщее сведение, всякие митинги и собрания на улицах и площадях были воспрещены, то председатель штаба тов. Верещак командировал ад'ютанта штаба Кипиани с отрядом красногвардейцев на митинг для того, чтобы предупредить о воспрещении митинга и просить собравшихся разойтись.

Прибыв на митинг и поднявшись на трибуну, на которой находились Кавтарадзе, Кузнецов, Зуботыкин и др., Кипиани заявил, обращаясь к Кавтарадзе: «Меня прислал председатель штаба охраны, чтобы об'явить вам, чтобы вы распустили митинг. Это для того, чтобы с чьей-либо стороны не произошло провокационного выстрела и не пролилась невинная кровь». Однако, Кавтарадзе не об'явил собравшимся об этом предупреждении и не распустил митинга. С своей стороны старший милиционер Ходжамиров заявил собравшимся, что митинг воспрещен и просил их разойтись, но был обезоружен толпой. Кипиани исполнив возложенное на него поручение, доложил обо всем Верещаку и отправился в бюро Исполнительного Комитета, куда прибыл и Верещак. В бюро также поступали сведения от проходящих красногвардейцев и граждан, что митинг

в Александровском саду разрастается и раздаются речи о том, что надо итти в Метехский замок освободить арестованных большевиков. Было решено привести в исполнение состоявшееся ранее постановление об аресте Кузнецова и Шаумяна и прекратить митинг. Исполнение этой задачи возложено было на особый отряд Исполнительного Комитета, состоявший под командой Имнадзе. Означенный отряд был предназначен в этот день в почетный караул при Сейме, вследствие чего имел при себе красное знамя. По прибытии отряда ко дворцу, тов. Верещак об'явил Имнадзе и ад'ютанту штаба Кипиани и Николадзе, что им троим поручается отправиться с отрядом в Александровский сад и на митинге арестовать Кузнецова и Шаумяна, что в случае сопротивления со стороны митинга надлежит стрелять в воздух, а в случае, если толпа будет стрелять в отряд, то стрелять в толпу. Отряд, во главе с Имнадзе, Кипиани и Николадзе, отправился в Александровский сад и, войдя в него со стороны Барятинской улицы, рассыпался цепью. При виде отряда, часть толпы начала разбегаться, но с трибуны стали успокаивать толпу, говоря: «Это наши, наши».

В это время внезапно из толпы раздался выстрел. Комиссия признает доказанным, что когда солдат отряда, вошедшего со стороны Воронцовского моста и имевшего другое назначение, Цквицинидзе, крикнул толпе, чтобы она разошлась, иначе он будет стрелять, то какой-то молодой человек в штатском платье выстрелил в него из револьвера и тяжело поранил его в обе ноги. Вслед за произведенным из толпы выстрелом в толпе раздались крики: «Убили милиционера» и тотчас же, без всякого предупреждения и без чьей бы то ни было команды, со стороны отряда была открыта стрельба. Первая стрельба отряда была произведена в воздух. Со стороны толпы также была открыта стрельба. Имнадзе, Кипиани и Николадзе старались прекратить стрельбу и стали свистать, что по военным правилам означает приказ о прекращении стрельбы. С трудом им удалось прекратить стрельбу, так как в ответ на обращенные к солдатам убеждения о прекращении этой стрельбы они, указывая на летящие из толпы пули, отвечали: «Отстранись, наших убивают, а нас заставляют прекратить стрельбу»...

Из числа солдат особого отряда, кроме Цквицинидзе, пострадал также и Горгиладзе; в него был произведен из толпы выстрел, которым был разбит приклад его ружья и пробита одетая на нем шинель. Из числа милиционеров был убит Герсамия и поранен в пальцы правой руки Ломиашвили, но выстрелами ли, произведенными из толпы, или выстрелами, произведенными солдатами отряда, осталось невыясненным.

Хотя при них находился и пулемет, но отряд не пустил его в дело и выстрелов из него произведено не было. При наличности описанных выше условий начальник отряда Имнадзе не имел возможности предупредить толпу о том, что отряд открывает стрельбу, так как выстрелы со стороны отряда последовали без его ведома и распоряжения, а по инициативе самих солдат отряда в ответ на произведенный из толпы выстрел. Останавливаясь на вопросе о том, доказано ли, что отрядом были использованы все средства для предотвращения кровопролития, комиссия находит, что это обстоятельство не может быть признано доказанным.

Председатель комиссии БРОДСКИЙ.

Члены Комиссии... (на подлиннике 6 подписей).

Тов. Трапаидзе, участвовавший в обсуждении и голосовании вопросов и ответов, отказался подписать настоящий вопросный лист.

Председатель БРОДСКИЙ.

Приложение № 3.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ ЧЛ. СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ—ТРАПАИДЗЕ.

В Следственную Комиссию по расследованию событий в Александровском саду 10 февраля 1918 года.

Члена той же комиссии от Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. г. Тифлиса.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В виду того, что вопросный лист составлен большинством комиссии явно тенденциозно, что многие вопросы, чрезвычайно важные в смысле выяснения истинной картины происшествия, представленные мной в комиссию, были ею отвергнуты, что по редакции вопросов, формулированных присяжным поверенным г. Грузенбергом и принятых большинством комиссии, ясно и определенно проглядывает стремление обелить виновников гнусного расстрела безоружного митинга, что важные свидетельские показания совершенно беспристрастных лиц были игнорированы большинством комиссии, что при определении доказанности или недоказанности факта руководились не критерием достоверности свидетельских показаний по качеству или

по количеству, а произвольным, суб'ективным впечатлением членов комиссии, голосованием «своих» предрешивших исход следствия и тем затемнивших подлинный характер события, что подобной постановкой вопросов и таким разрешением их большинство Следственной Комиссии вышло за пределы своей компетенции и нарушило принцип беспристрастности, отчего, как сама комиссия, так и ее заключение потеряли моральную силу и авторитет. Я высказываю свое решительное возмущение за подобное одностороннее ведение следствия и заявляю Комиссии свое особое по сему делу мнение:

Особое мнение:

Опираясь на свидетельские показания, имеющиеся в деле, лиц незаинтересованных (представители обл. конференции партии соц.-революционеров, партии Дашнакцутюн, огромного большинства беспартийных, в том числе полковника генерального штаба Егорова, и проч.), утверждаю, что в Александровском саду в день 10 февраля с. г. на митинг большевиков явился отряд вооруженных лиц под командой г.г. Имнадзе, Кипиани и Николадзе, командированный начальником штаба охраны при Тифлисском Исполнительном Комитете Сов. Рабочих и Солд. депутатов г. Верещаком, и без всякого повода и основания, а также без предупреждения, открыл стрельбу по толпе, собравшейся в помещении Александровского сада у эстрады, специально сооруженной для митинга Головинским районным комитетом солдатских депутатов, результатом чего были убитые и раненые.

Расстрел митинга носил характер организованный и были даже сделаны подготовительные к этому распоряжения, в смысле закрытия входов в Александровский сад.

Лица, виновные в расстреле митинга, а также пособники и соучастники должны быть немедленно привлечены к уголовной ответственности. В обоснование сего заявления, я требую, чтобы все материалы по следствию, по сему делу, а также вопросный лист и настоящее мое особое мнение были немедленно опубликованы; неопубликование этих данных я буду считать за прямое намерение и желание скрыть от гласности действительную картину событий в Александровском саду и укрыть виновников от привлечения их к ответственности и сочту своим революционным долгом выступить перед ней и обществом с правдивым словом о возмутительном факте расстрела безоружного митинга.

28 марта 1918 года. Гор. Тифлис.

ТРАПАИДЗЕ.

Социальная сущность „муссавата".

«Тюркская демократическая партия федералистов—муссават» оформилась к октябрю 1917 г. в результате слияния двух партийных организаций: партии «муссават» (равенство), возникшей еще задолго до революции 1917 г. (В период Балканской войны в 1911-12 г.г.), и партии федералистов, организовавшейся сейчас же после февральской революции (апрель 1917 г.).

Можно ли определить, интересы каких социальных слоев до слияния защищала как одна, так и другая партийная группировка? Для выяснения этого вопроса необходимо проследить ту эволюцию взглядов, которую прошла партия «муссават» от начала своего возникновения до революции 1917 г. Если сравнить программу этой партии, написанную в период ее создания, с ее программой, выработанной в момент октябрьского переворота, то первый вывод, который мы должны будем сделать, сводится к тому, что в период своего зарождения партию «муссават» нельзя считать партией чисто буржуазной. Не было ясного понимания в вопросах о нации и государстве. Преобладали идеи обще-исламистские или, как их называют, пан-исламистские. Программа призывает всех мусульман об'единиться, несколько раз указывая, что ставит себе целью «об'единение всех мусульманских народов без различия наций и религиозных толков», что основная задача этого «общества» — выступление «на открытую арену, для об'единения всех разрозненных сил мусульманского мира и защиты национальных и человеческих прав мусульман». [1]

Хотя в программе много раз упоминается слово «нация» и «национальный», все же совершенно ясно, что значения этих слов создатели партии не понимали: «некогда благородный народ ислама, доставая одной рукой до Пекина, основывал там мечеть Абу-Куфедже, другой устраивал на другом конце Европы дворцы Альгамбру. Будучи властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка, ислам ныне разбился

---

[1] М. Д. Гусейнов—Партия «муссават» в прошлом и настоящем. Изд. Закквига. Приложение № 1—Программа и устав партии «муссават».

на мелкие части, а мусульманские государства стали в руках иностранцев игрушкой... разве не раскол и упадок веры довели 400 с лишним миллионов мусульман от господства к рабству?... Мы уверены, что всякий мусульманин предпочитает славную смерть бесславному рабству, не может не работать для спасения мусульманского народа и возвращения ему былой славы в той религии, которую он исповедует».[1]

Эта развернутая пан-исламистская программа, ни единым словом не упоминающая о тюркской государственности и тюркской нации, ни в какой мере не говорит за то, что партия муссават в период своего зарождения была партией тюркской буржуазии. Все командные высоты в Бакинской промышленности в тот период были захвачены русскими, армянскими и прежде всего западно-европейскими капиталистами.[2] Тюркское городское население таких крупных центров, как Баку, Гянджа, в основном состояло из слоев мелкой буржуазии: базарников, лавочников, разносчиков, мелких домовладельцев, кустарных промышленников — элементов разрозненных, *находившихся под сильным влиянием клерикально-феодальных слоев.* Даже тот небольшой слой тюркской интеллигенции, который имелся в Азербайджане в этот период, также не освободился окончательно от идеологического влияния этих командующих слоев тюркской действительности. Характерно еще указать, что партия «муссават» в первый период своей деятельности не решалась выступить на общественной арене против российских колонизаторов, предпочитая обходный путь борьбы. Бакинское отделение партии «муссават» в своем воззвании самым серьезным образом предостерегало своих членов от критики русского правительства и его агентов... «В настоящее время единственным доступным орудием является: сохранить еще долгое время в строгой тайне свое существование и, ограничиваясь пока увеличением числа своих членов, готовиться и набирать силы для будущей борьбы».[3]

Это предупреждение, отнюдь не говорящее о политической поддержке русского царизма, все же показывает, что характеризуемое нами общественное движение определенно не

[1] Там же.

[2] Это, конечно, ни в какой мере не означает, что среди крупных промышленников Бакинского нефтяного района не было тюрок-капиталистов.

[3] Цитирую по оригиналу программы, хранящемуся в Институте Шаумяна.

рисковало еще, благодаря слабости и распыленности своих кадров, выйти на широкую арену политической деятельности.

Чрезвычайно быстрый рост чисто-буржуазных тенденций в тюркском общественном движении наблюдается в годы войны, в 1914—1917 г. г. Этот рост буржуазных тенденций может быть об'ясним не только процессом формирования буржуазных слоев в городских центрах, окончательным оформлением тюркской интеллигенции, в чисто буржуазную группу с ярко выраженными буржуазными устремлениями, но и капитализацией части тюркских помещиков.

Развитие буржуазных тенденций привело и к оформлению националистических идей. Пан-исламистские ноты исчезают и заменяются пан-тюркистскими. Программа партии, утвержденная об'единенным с'ездом в октябре 1917 г., резко отличается от первоначальной программы «муссават». Прежде всего, программа трактует о нации и о национальном государстве.

«Для упрочения завоеваний цивилизации и для общественной жизни человека необходимо создание культурного государства. И раз неоспорим тот факт, что общечеловеческая культура есть сумма национальных культур, то следует признать, что самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное».

Вместо прежних расплывчатых рассуждений о былом величии мусульманских государств, новая об'единенная программа ставит перед собою прямо вопрос о том, что такое нация, и отвечает: «нация—это человеческое общество, связанное общностью языка, религии, традиции, литературы, культуры, истории и права. *Единство одной лишь религии не создает нации, как это ошибочно думают некоторые из наших современников. Каждая нация определяется, главным образом, по общему языку, обычаю, литературе. С этой точки зрения, тюрки составляют одну единую нацию*» (курсив наш—*С. С.).*

Этот пункт программы дает не только четкий ответ на вопрос, что такое нация, но и опровергает положение старой программы.

Созревание националистических идей нужно считать одним из характерных признаков, подтверждающих положение *о росте буржуазных тенденций, о фактическом изменении социальной базы партии «муссават».* Правда, нужно сказать, что об'единенная программа, к которой мы еще вернемся ниже, была принята в результате слияния двух партий, но нам думается, что именно такое полное слияние двух партийных группировок, которое мы наблюдаем в данном случае, говорит за то, что у этих двух партийных организаций по существу была одна социальная база.

Партия федералистов возникла в начале 1917 г., после февральской революции, в результате тех процессов капитализации помещичьего тюркского землевладения, о которых мы уже говорили. *Слои капитализированных и капитализирующихся тюркских помещиков не примкнули сразу к партии «муссават», а создали собственную организацию лишь потому, что ряд устремлений, диктовавшихся значительным количеством мелкой буржуазии внутри «муссават», был им не по нутру.* Однако, и та и другая организация раздельно существовать не могли: федералисты потому, что без руководства мелкой буржуазией они фактически были полководцами без армии, «муссават» же потому, что быстрый рост буржуазных тенденций внутри тюркской интеллигенции толкал ее на союз с капиталистическими слоями города и деревни.

Характерно отметить, что весь этот процесс оформления «об'единенного муссавата» в чисто буржуазную партию должен был породить два взаимно исключающих явления: созревание националистических идей должно было толкать и толкало это движение на мысль о союзе с Турцией, в то время как капиталистическое развитие, рост капиталистических связей с Россией, с русским капиталистическим рынком создавал благоприятные условия для русской ориентации. Именно поэтому в годы войны у партии «муссават» мы можем наблюдать российскую ориентацию при одновременном росте и оформлении пан-тюркских настроений. Это также дает нам возможность об'яснить рост пан-тюркских настроений и непосредственную ориентацию на Турцию после октябрьского переворота, после того как экономические связи с Россией были нарушены и никаких надежд на возможность их восстановления у тюркских помещиков и буржуазии не оставалось благодаря характеру Октябрьской революции. Вся программа, принятая на октябрьском с'езде муссават, подтверждает сделанные нами выводы. Мы считаем, что нельзя партию муссават считать просто партией реакционных помещиков-крепостников—в этом случае нельзя будет об'яснить ее аграрной программы, которая предлагала организовать передачу государственной и частновладельческой земли в руки крестьянства при условии выкупа этих земель у тюркских помещиков.

Этот пункт программы был «муссаватом» целиком списан у его наибольших врагов—русских кадетов. Аграрная программа этой партии, как указывал Ленин, не противоречила интересам капитализированных помещиков, так как сохраняла условия для развития крупного капиталистического землевладения.

Партия «муссават», в условиях 1917 г., имела ту же классовую базу, что и земско-городское (кадетско-октябристское) движение в России в период революции 1905-7 г.г. При чем, необходимо заметить, что так же, как и кадеты, партия «муссават», придя к власти, не сумела провести в жизнь реформы, намеченной к осуществлению ее программой. Об'ясняется это тем, что так же, как и кадеты, муссаватисты, в условиях обостренной классовой борьбы, принуждены были итти на компромисс с феодальными слоями крупного землевладения, компромисс, который означал отказ от проведения в жизнь даже такой аграрной реформы.

По вопросу о государственном устройстве I с'езда об'единенной партии «муссават» (октябрь 1917 г.) показал, что скромные программные требования о вхождении Азербайджана в состав Российской Демократической Республики на федеративных началах не соответствовали действительным устремлениям партии и являлись лишь данью старым традициям. Председатель Бакинского ЦК партии — Мамед Эмин Расул-заде — фактический вождь «муссавата», открывая с'езд, произнес цветистую в восточном стиле речь, полную скрытых, но вполне ясных для присутствовавших намеков. Он говорил: «в течение нескольких столетий тюркский народ, находясь в темноте и без дороги, подвергался тряске, и эта тряска его разбудила. *Целью тюркского народа является прогресс и стремление, чтобы в цветущем саду человечества вырос ароматный тюркский цветок* (продолжительные аплодисменты). *И этот цветок составит вместе с остальными группами, входящими в состав мусульманского интернационала, общий букет»* [1] (курсив наш—*С. С.).*

Как мы видим, в аллегорической форме Расул-заде говорил, во-первых, о создании единого тюркского государства и, во-вторых, о том, что это единое тюркское государство должно будет стремиться к союзу с другими мусульманскими государствами. В этом выступлении, при полном отсутствии намека на русскую ориентацию, которая наблюдалась в годы войны, мы можем увидеть стремление примирить националистические пан тюрские идеи с идеями пан-исламизма. В дальнейшем об этом Расул-заде говорил даже не в аллегорической форме:

[1] Из отчета о 1-м с'езде «муссават», газ. «Агыч Шоз». № 600, от 29 октября 1917 г.

«идея тюрксизма не является ни покушением на других, ни возражением против ислама».

Правда, тот же оратор пытался говорить о воле учредительного собрания, о его законности, но это после всего сказанного выходило настолько жидко и настолько не вязалось с общим тоном речи, что даже сами участники с'езда не отнеслись всерьез к этой части выступления.

То, что в этом вопросе (в вопросе о государственном устройстве) взгляды «муссавата» шли значительно дальше их программных требований, подтверждает еще одно выступление на I с'езде партии председателя гянджинского партийного комитета Юсуф-Бек Насы-Бейли. Выступление это было проведено в не менее патетических и не менее аллегорических тонах, чем выступление вождя «муссавата». В отчете говорится: «он (Юсуф-Бек Насы-Бейли,—*С. С.)* речи не произносит, но говорит, что в апреле месяце, когда еще не было возможности обсуждать программу партии о национальной автономии, я как во сне видел, что настало такое время, что мы созвали торжественный с'езд партии «муссават» и требуем территориальной автономии. Теперь я опять вижу, как во сне, что в этом самом же салоне «Исмаилье» мы созываем заседание парламента» (продолжительные аплодисменты). [1]

Приступив к организации и об'единению партии и не имея еще достаточно сил для того, чтобы начать вооруженную борьбу за полное отделение Азербайджана от революционной России, «муссават» все же достаточно недвусмысленно указывал своим единомышленникам тот путь, по которому они должны итти.

«В здании «Исмаилье» рано или поздно должен быть созван парламент». Ясно, что эти стремления должны были в 1917, 1918 г. г. столкнуться с интересами пролетариата, который, развивая борьбу за Октябрьскую революцию, ни в какой мере не мог согласиться на *передачу власти в руки тюркской буржуазии.* Столкновение этих сил, как в фокусе, отразилось, прежде всего, на тех событиях, которые развернулись в Баку в этот период.

Дашнакские историки обвиняли большевистскую организацию Закавказья в том, что она в первый период после Октябрьской революции (октябрь, ноябрь 1917 г.) не вела активной борьбы с «муссаватом», доказывали, что в этот период муссаватисты поддерживали большевиков против других т.-н. со-

[1] Из отчета о 1-м с'езде «муссавата», газ. «Агыч Шоз», № 600, от 29 октября 1917 г.

циалистических партий. Вождь спецификов Бахшо Ишханян посвятил этим событиям целую книгу,[1] в которой, отправляясь от дашнакских позиций, доказывал, что муссаватисты поддерживали большевиков, а последние муссаватистов в этот период.

Как мы уже указывали в предыдущих очерках, большевизм не имел возможности сразу после Октябрьского переворота вооруженной рукой захватить власть в Баку и поэтому принужден был, опираясь на передовые слои бакинского пролетариата, вести тактику борьбы за «мирный захват власти».

Развернувшаяся борьба в бакинском совете Р. С. Д. в октябре—ноябре 1917 г. показала, что этим стремлениям намерен оказать самое серьезное противодействие блок трех партий (меньшевистско-эсеровско-дашнакский блок). Партия «муссават» в первый период как бы выпадала из борьбы, не имея достаточно сил, чтобы организовать третий фронт, что она сумела сделать лишь впоследствии. В блоке же настолько проглядывала физиономия русских националистических устремлений, заключивших союз с армянскими, что никакие силы не могли заставить тюркских националистов итти на союз со своими антагонистами.

Партия «муссават» — буржуазно-национальная партия, лишь только поднявшая знамя борьбы за полное отделение от России и воссоединение с Турцией, видела, как сквозь социалистические фразы «блока» проступает физиономия российского кадетизма и его союзников. Понятно, в этих условиях «муссават» не прочь был использовать ряд лозунгов, брошенных большевизмом, трактуя их, конечно, по-своему. Лозунг о праве нации на самоопределение партия «муссават» трактовала как узаконение ее прав на борьбу за полное отделение. Лозунг о мире в ее понимании соответствовал требованию «муссавата» о воссоединении с Турцией и т. д. Если к тому же мы учтем, что муссаватисты готовили свои силы к вооруженной борьбе и понимали, что вопрос о власти будет разрешаться не путем парламентской борьбы в бакинском совете, мы поймем, почему партия «муссават» не начала своей после-октябрьской деятельности с открытой борьбы с большевизмом.

Разнородный состав партии «муссават» заставлял ее вождей также приспосабливать тактику партии к своеобразным условиям ее существования. Начать борьбу за отделение можно было только силами городской и сельской мелкой буржуазии, добившись нейтралитета тюркских рабочих.

[1] Б. Ишханян—Тенденции мусульманского движения в Баку 1913 г.

Достаточно указать на результаты выборов в бакинский Совет рабочих депутатов, происшедших в октябре 1917 года, для того чтобы понять, что партия «муссават» достигла известных успехов в этом направлении.

	Было подано голосов:		
	Бинагады	Романы	Балаханы [1]
Муссават	1520	1283	20/6
Дашнаки	876	958	1100
Большевики	599	947	571
Эсеры	584	359	649
Меньшевики	429	86	66

Понятно, что буржуазная партия с солидным преобладанием в руководящих организациях помещичьих элементов сумела повести за собой значительные кадры мелкой буржуазии и даже некоторую часть тюркских рабочих лишь потому, что выступала как организация общенациональная, внеклассовая, с демократическими лозунгами на своем знамени.

Основным лозунгом «муссавата» за весь период его деятельности было соглашение и компромисс со всеми теми, кого можно было использовать в своих целях, беспощадная борьба со всеми противодействующими этим целям.

В конце ноября 1917 года партия обратилась с воззванием к тюркскому народу с призывом проснуться и об'единиться, так как, по словам воззвания, только в национальном об'единении—сила народа. Воззвание обращалось ко всем классам, ко всем слоям тюркского народа и доказывало, что борьба за освобождение выгодна и нужна всем. Обращаясь к рабочим, гумметистам, воззвание указывало на то, что «на Украине все партии об'единились и создают украинскую автономию», «что нужно внешне закончить воссоздание нашей автономии, а при устройстве ее внутренней жизни мы поспорим».

Обращаясь к «богачам» (так и сказано), воззвание говорило: «если хотите, чтобы ваше имущество и богатство осталось в ваших руках, вы должны часть капитала внести в народную кассу».

Воззвание заверяло ханов и беков, что автономия не стремится их уничтожить, что автономия создается для того, чтобы защитить их честь.

Воззвание успокаивало религиозные партии—исламизм: религия будут при автономии развиваться и благоденствовать.

[1] Нами взяты рабочие районы со значительным количеством тюркских рабочих.

Воззвание обращалось к молодежи, интеллигенции, к тюркам—не только азербайджанским, но и карсским, и ардаганским, —призывая всех об'единяться, создавать войска, так как, по словам воззвания, в такое время довести страну до более спокойных времен может только общенациональная связь.

Воззвание кончалось словами — *«не задерживайтесь — пропустивший удобный момент не мудрец, а сумасшедший»*. [1]

Нам думается, что в этих словах вся мудрость муссаватизма. В этой позиции, конечно, и кроется как временный успех, так и дальнейшие неудачи этой партии.

Выступив как партия национального об'единения, как руководитель борьбы за национальное освобождение, «муссават» себя чрезвычайно быстро разоблачил. Разоблачение это началось еще до захвата власти и нашло свое завершение в период создания самостоятельной азербайджанской республики.

Уже в декабре 1917 года «муссават» начал энергичную подготовку вооруженных сил. В этом ему помог так наз. Закавказский Комиссариат, который проводил политику организации национальных частей.

Особые притязания тюркских общественных организаций на оружие последние об'ясняли тем, что тюркская масса, не участвуя в империалистической войне, оказалась наиболее безоружной по сравнению с другими национальностями, всзушими оружие с фронта.

Центром формирования тюркских национальных частей и их вооружения становится гор. Гянджа и прилегающие к нему районы. В то же время большевизм начинает лихорадочную подготовку своих сил.

Становится ясным, что вопрос о том, кому быть у власти в Азербайджане, решится внепарламентским путем. В январе 1918 года на заседании бакинского совета представители «муссавата» об этом заявляли достаточно недвусмысленно.

Предпринятая в январе 1918 года при помощи Закавказского Комиссариата и так называемого межнационального совета грандиозная операция разоружения (Шамхорские события), показала, что в Гяндже муссаватом создан центр по организации вооруженной борьбы за полное отделение Азербайджана от революционной России, за воссоединение его с Турцией.

То, что в противовес пролетарскому Баку центром собирания сил «муссавата» оказалась Гянджа, является фактом, характерным для выяснения социального существа этой партии. Гянджа является старым центром тюркского дворянства, цент-

[1] Газета «Агыч Шоз», от 20 ноября 1917 г., № 610.

ром тюркского помещичьего землевладения. В Гянджинской губернии было сосредоточено 50 проц. всего тюркского дворянства Закавказья. Эта компактная масса в районе явилась той социальной базой, которая питала «муссават». Но будет совершенно неправильно, если мы партию «муссават» окрестим просто партией реакционных помещиков. Определение—«реакционные помещики» обыкновенно связывается нами с феодально-клерикальным направлением. Но ведь в тюркской действнтельности существовала еще партия «иттихад», отражавшая эти феодально-пан-исламистские настроения наиболее реакционной части тюркских помещиков, так же, как, предположим, в России существовали, помимо кадетов и октябрнстов, так называемые «правые».

Конечно, так же, как и в России, в тюркской действительности *очень трудно было разграничить, где начинался капитализировавшийся или еще капитализирующийся помещик и кончался представитель феодального землевладения. Поэтому, то партия «муссават» и склонна всегда была итти на компромисс по отношению к пан-исламистским элементам, однако, не сливаясь с ними организационно.*

Несмотря на непосредственную связь с феодальными элементами, «муссават» еще длительный период в своем политическом обиходе принужден был сохранять видимость «демократическнх» тенденций. Т.-н. демократические погремушки смогли быть отброшены лишь значительно позже—после прихода партии к власти. И тогда-то началось чрезвычайно быстро отрезвление народных масс. До этого же, прнннмая во внимание разнородный состав партии, вожди ее должны были сохранять ряд лозунгов, способных удовлетворить массу мелкой буржуазин и ту часть рабочих, которая еще шла за этой партией. Мартовское выступление и мартовская борьба 1918 г., закончившаяся победой большевизма и разгромом сил «муссавата», показали, что, несмотря на успехи в парламентской борьбе, «муссавату» не удалось сколотить сколько-нибудь серьезной базы внутри бакинского пролетариата. В лучшем для муссавата случае, часть тюркских рабочих в этой борьбе сохраняла нейтралитет. Невозможность для «муссавата» завоевания пролетарского Баку изнутри опять-таки целиком подтверждает сделанные нами выводы о классовой природе этой партии.

Бакинский Октябрь.

„Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще—а партия передового класса в особенности—не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нулем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть".

Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 247. Статья „Удержат ли большевики государственную власть".

„...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно"... Люди, которые способны говорить это, либо исказители правды, либо педанты, которые желают во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии".

Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 335. „Письмо к товарищам".

Мартовские дни 1918 г. в Баку (30, 31 марта и 1 апреля) были днями вооруженной борьбы за власть. Первые три месяца 1918 г. явились периодом лихорадочной подготовки к решающим боям как со стороны контрреволюции, так и со стороны сил революции. В этот период в Закавказском сейме окончательно оформился союз грузинского меньшевизма с тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюцией. От разоружения и истребления двигавшихся с фронта сплошной массой солдатских эшелонов (Шамхорские события) тюркская контрреволюция с помощью Закавказского сейма перешла к организационному оформлению своих вооруженных сил, к созданию так называемых мусульманских национальных частей.

Части эти готовы были в любой момент двинуться на Баку из Елизаветполя — центра формирования вооруженных сил тюркской контрреволюции, выжидая лишь благоприятных для этого условий (поддержки со стороны регулярных турецких частей). Развернутый план наступления на Баку сочетался

с подготовкой взрыва внутри города. События, развернувшиеся в конце января 1918 г. в Баку, явились для большевизма грозным предостережением. «События, разыгравшиеся в Баку третьего дня вечером,—писал «Бакинский рабочий» 30 января,—и окончившиеся сравнительно благополучно (несколько убитых и раненых), являют собою грозное предостережение. Баку сейчас представляет собой два крупных враждебных лагеря, стоящих друг против друга и готовых ринуться каждую минуту».[1]

В феврале тюркские контрреволюционные организации открыто вели в пределах Баку большую кампанию по вербовке желающих вступить в национальные части. Прибывший специально для этой цели в Баку штаб мусульманской дивизии, во главе с начальником штаба ген. Талышинским, был арестован Бакинским советом рабочих, солдатских и матросских депутатов. Несмотря на то, что в составе прибывшего штаба, как указывала печать, был всего лишь один мусульманин, муссаватская организация не замедлила произвести пробу сил, призвав тюркское население к закрытию лавок и базаров и организовав у здания „Исмаилие" демонстрацию протеста против ареста штаба.

Рост агрессивности тюркской контрреволюции в период, предшествующий мартовским событиям, был наиболее полно охарактеризован в воззвании Комитета революционной обороны, выпущенном 31 марта 1918 года: «Злоба и ненависть, с которыми они (руководители контрреволюции—С. С.) относились к революционному органу рабочих и солдат, стали выливаться в открытые контрреволюционные выступления. Появление штаба «дикой дивизии» во главе с разоблаченным Талышхановым, события в Ленкорани, на Мугани, в Шемахе, занятие Петровска Дагестанским полком и задержание хлебных грузов, идущих в Баку, угрозы Елизаветполя, а в последние дни и Тифлиса,—итти на Баку против советской власти, агрессивные действия броневика Закавказского комиссариата в Аджикабуле... —все это говорит о преступных планах контрреволюционеров, группирующихся, главным образом, около бекской партии муссават и имеющих целью свергнуть ненавистную для буржуазии и помещиков советскую власть».

С начала 1918 г. тюркская буржуазно-помещичья контрреволюция уже не скрывала своего намерения организовать в ближайший период вооруженный поход на Баку. Вождь «муссавата» Мамед-Эмин Расул-заде в центральном органе партии

[1] „Бакинский рабочий, 1918 г., № 23/139.

(Очиг-Шоз), 29 января 1918 г. писал: «Очень возможно и то, что мы получим свою автономию ценою развалин. Конечно, нельзя уклониться от прав, предоставляемых историей».

Большевики Бакинского промышленного района, учитывая значительный рост своего влияния на рабочие массы во всем Закавказьи и прежде всего в Баку, при одновременном росте агрессии в лагере тюркской контрреволюции и оформлении контрреволюционного блока в Западном Закавказьи, с начала 1918 г. переходят от тактики «борьбы за мирный захват власти» к подготовке вооруженного выступления. Значительную роль в подготовке вооруженных сил революции сыграл военно-революционный комитет Кавказской армии, переехавший из Тифлиса в Баку после второго с'езда Советов армейских депутатов (декабрь 1917 г.). В своей речи от 16 мая 1918 г., посвященной вопросу о власти в Закавказьи, Шаумян говорил: «Когда мы об'явили себя властью, то у нас не было ни одной винтовки, чтобы создать Красную гвардию и Красную армию. Только благодаря стараниям военно-революционного комитета мы овладели военным аппаратом и только это дало нам возможность представлять из себя силу».[1] О том же говорил он в своей лекции о Парижской коммуне: «С этой целью Советом был создан ВРК, который в течение месяца систематически подготовлял силы, верные делу революции».[2] В докладе Совету народных комиссаров РСФСР о мартовских событиях Шаумян писал: «Благодаря стараниям и местного совета и перебравшегося сюда военно-революционного комитета Кавказской армии (из Тифлиса и Сарыкамыша) у нас были уже вооруженные силы около 6.000 человек».[3]

Для того, чтобы ввести в бой с тюркской контрреволюцией эти силы, большевики должны были выбрать наиболее благоприятный момент. Ленин в своем письме в ЦК РСДРП большевиков («Марксизм и восстание»), написанном перед Октябрьским переворотом, так характеризовал момент, когда можно начинать восстание: «Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа—наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*».[4] Если первое и по-

[1] С. Шаумян. „Статьи и речи“. Изд. Ин-та Шаумяна, 1929 г. стр. 153.

[2] Там же, стр. 185.

[3] Архив Ин-та Ленина при ЦК ВКП (б). Документ не нумерован.

[4] Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 195.

следнее условия, выдвинутые Лениным, в мартовские дни 1918 г. были налицо, если именно в марте активность передовых пролетариев была наибольшая, а в рядах половинчатых друзей революции в этот период происходили процессы, чрезвычайно выгодные для развертывания решающих боев за власть, то не было в бакинских условиях и колебаний в рядах врагов. Наряду с лихорадочной подготовкой сил революции происходила не менее лихорадочная подготовка и сил контрреволюции. Это осложняло борьбу, давало меньшее количество шансов на успех, требовало еще большего напряжения сил революции.

Под какими лозунгами большевики бакинского промышленного района развернули борьбу за власть? В то время как контрреволюция открыто заявляла о своем стремлении начать вооруженную борьбу за захват Баку, большевики декларировали свое стремление вступить в решительный бой за установление советской власти во всем Закавказьи.

В резолюции «о положении дел на Кавказе», принятой 15 марта 1918 г., Бакинский совет раб., солд. и матр. депутатов заявил, что он «не скрывает от себя трудности положения бакинского пролетариата и города Баку, который является единственным пунктом в Закавказьи, не признающим власти Закавказского сейма. Чтобы защитить Баку от покушения контрреволюционной власти, Бакинский совет раб., солд. и матр. деп. от разгрома, необходимо дальнейшее усиление и укрепление советской власти, что может быть достигнуто, с одной стороны, проведением ряда декретов Совета народных комиссаров о рабочем контроле в г. Баку, о земле в Бакинской губ. и т. д. Помимо того, г. Баку нужно превратить в опорный пункт для борьбы за советскую власть Закавказья. Необходимо создать реальную силу вокруг Совета и, опираясь на российскую революционную власть и на Советы Северного Кавказа, оборонять себя и *распространить свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья*».[1]

Нужен был лишь повод для того, чтобы началась вооруженная борьба. Таким поводом и явились события на «Эвелине». 30 марта в Бакинском совете были получены сведения, что к пароходу «Эвелина», на котором из Ленкорани прибыл отряд дикой дивизии, начинают стекаться вооруженные отряды. Присланный для проверки отряд красногвардейцев был встречен выстрелами. Революционный комитет Кавказской ар-

[1] „Известия Бак. совета раб., солд. и матр. деп.“, 1918 г., № 51/273. Курсив мой.

мии и Совет потребовали немедленной сдачи оружия. Казалось бы, все эти явления не могут сыграть решающей роли; однако, как силам контрреволюции, так и революции, нужен был лишь незначительный повод для того, чтобы начать борьбу.

Первыми в наступление перешли силы контрреволюции. Расстрел присланного отряда явился вызовом. Город мгновенно стал похож на вооруженный лагерь; силы контрреволюции стали стягиваться к старому городу (так называемой татарской части); одновременно шла мобилизация всех сил революции. Атмосфера заметно накалялась. Прибывшей в Совет делегации от тюркских национальных организаций было пред'явлено ультимативное требование сдать оружие с «Эвелины», что и было выполнено. Несмотря на то, что 30 марта еще никаких значительных событий не произошло, вооруженные силы революции и контрреволюции еще в бой не вступили; всем было очевидно, что борьба началась и что ликвидировать ее или оттянуть не удастся.

После тревожной ночи, с утра 31 марта начались митинги протеста. Митинги эти, организованные бакинской муссаватской организацией и мусульманским национальным советом, требовали возвращения оружия дикой дивизии. В то время, как явившаяся в исполком делегация пред'явила это требование, воинские части тюркской контрреволюции перешли в наступление. На Шемахинке и Татарской улице открылась стрельба по советским войскам. Всякие переговоры были прекращены. В татарской части города по отрядам Красной гвардии и армии стреляли из окон и с крыш домов; начали строиться окопы.

В ночь с 31 марта на 1 апреля силы контрреволюции перешли по всему фронту в наступление, заняв Сураханы и подготовляя поход на Балахано-Сабунчинский район. Перед большевиками Баку стал вопрос—или самим перейти в решительное наступление, или, оттягивая развязку, значительно уменьшить шансы на успех.

Ленин, в статье «Советы постороннего», так формулировал марксовы положения о восстании как искусстве:

«1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начав его, знать твердо, что надо *итти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решительный момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей

решительностью и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны».[1]

Эти указания и были приняты руководителями бакинского пролетариата к неуклонному руководству. 31 марта был создан Комитет революционной обороны, который взял на себя направление всей борьбой. Увидев, что введение лишь части вооруженных сил не может дать необходимого эффекта и что единственным выходом из положения является переход в контрнаступление по всему фронту, Комитет с утра 1 апреля бросил все силы в наступление, использовав как пехоту, так и артиллерию и авиацию.

Комитет революционной обороны Баку и его районов в бюллетене от 1 апреля обосновывал необходимость перехода в наступление следующим образом: «Перед Комитетом революционной обороны стоял вопрос—или брать каждый дом с бомбой в руках, или приостановить движение другими средствами. К 10 часам утра было решено для устрашения начать редкую пальбу из пушек. Выдвинуты были три судна. Вместе с тем дано было знать, что могут быть приняты суровые меры. К 11 часам поступили с разных мест предложения как-нибудь покончить разбушевавшуюся войну».[2]

В результате ожесточенного боя, достигшего наибольшего напряжения в первой половине дня 1 апреля, контрреволюция заявила о желании начать переговоры. В ответ на это предложение Комитетом революционной обороны был пред'явлен ультиматум следующего содержания: «Мы требуем немедленного прекращения военных действий, открытых против советской власти в гор. Баку, требуем снять немедленно вооруженные посты и срыть окопы. Во избежание повторения в дальнейшем подобных выступлений Комитет революционной обороны требует: 1) открытого и безоговорочного признания власти Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и полного подчинения всем его распоряжениям. 2) Дикая дивизия, как контрреволюционная воинская часть, не может быть терпима в пределах Баку и его районов. Другие национальные мусульманские воинские части, как и армянские, должны быть или выведены из города или подчинены всецело Совету раб., солд. и матросских депутатов. Все вооружение на-

[1] Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 319.

[2] Бюллетень К-та рев. обороны гор. Баку и его район. от 4 апр. 1918 г.

селения должно быть под контролем и учетом Совета раб., солд. и матр. деп. 3) Требуем принятия срочных мер для открытия железнодорожного пути от Баку до Тифлиса и от Баку до Петровска. Если к 3-м (три) часам дня 1 апреля нового стиля нами не будет получено согласие партии муссават или другой полномочной организации от населения на пред'являемые нами требования, Комитет революционной обороны будет считать состояние войны, начатой муссаватистами, продолжающимся и возлагает на них всю ответственность за последствия».[1] В $5^1/_2$ часов вечера 1 апреля открылось заседание Комитета революционной обороны совместно с так называемой «мирной делегацией», которая фактом своего прихода в основном уже согласилась принять пред'явленное большевиками ультимативное требование.

После весьма невразумительного лепета представителя «муссавата» Кязим-Заде о том, что муссаватисты советскую власть признают принципиально, но не совсем признают ее по техническим условиям, председательствующий тов. Джапаридзе предложил присутствующим или принять ультиматум или заявить, что присутствующие здесь представители мусульманских организаций делать этого не желают. Требования, выдвинутые ультиматумом, были подписаны от имени этих организаций: А. Ханларовым, А. Ашуровым, Гасановым, Топчибашевым, Аб. Кязим-Заде, Рза Кули Гасановым, Джабаровым, Гаджи-Мир-Мовсуновым, Мир-Абдул-Касум-Заде, Мола-Магомет-Ганифом, Мола-Магомет-Заде, А. Амирджановым, Ахмедовым, Аджи-Ага-Муталиб-оглы.

Бои за власть окончились победой большевизма, полным разгромом и капитуляцией сил контрреволюции. В своем докладе Совнаркому РСФСР Шаумян рисовал следующую картину развернувшихся боев: «Закавказье вступило в полосу активной вооруженной борьбы за советскую власть. В течение трех дней 30 и 31 марта и 1 апреля в г. Баку шел ожесточенный бой. Сражались, с одной стороны, советская красная гвардия, красная интернациональная армия, сорганизованная нами, красный флот, который удалось нам реорганизовать в короткий срок, и армянские национальные части. С другой стороны, дикая мусульманская дивизия, среди которой не мало русских офицеров, и банды вооруженных мусульман, руководимых партией муссават. С обеих сторон принимали участие в городских боях более 20 тысяч человек. Нам помогали еще гидро-аэропланы авиационной школы. Помощь была небольшая, отчасти

[1] «Известия Бакинского совета», 1918 г., № 63/285.

благодаря дурной погоде, отчасти вследствие несколько сомнительного поведения командного состава школы, от которого мы не успели еще очиститься. Результаты боев блестящие для нас. Разгром противника был полнейший. Мы продиктовали им условия, которые беспрекословно были подписаны. Убитых более трех тысяч с обеих сторон».[1]

Сообщение Шаумяна о том, что в лагере борющейся контрреволюции было не мало русских офицеров, подтверждается и рядом других документов, при чем участие командного состава царской армии в так называемых мусульманских национальных формированиях являлось не случайным. В период комплектования мусульманских частей для похода на Баку и взрыва внутри самого Баку русские офицеры заняли большинство командных должностей в этих частях, возглавив борьбу этих частей против революции. Возглавили они это движение сознательно, считая, что они вместе с тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюцией борются за одно общее дело.

В этом отношении значительный интерес представляет переписка председателя русского национального совета в Тифлисе с русскими офицерами, занимавшими командные должности в мусульманских частях. Переписка эта, завязавшаяся во второй половине апреля 1918 года, вызвана была началом военных действий между турецкими регулярными частями и войсками Закавказского сейма. В связи с отказом командования мусульманских национальных частей принять участие в войне с Турцией, русский национальный совет постановил отозвать всех русских офицеров из этих частей. В ответ на это исполняющий должность начальника штаба мусульманского корпуса Евгений Мельчунов от имени всех офицеров корпуса (русских) прислал письмо. Сообщая в нем, что 65 проц. всех командных должностей в корпусе заняты русскими офицерами, он обосновывал участие их в борьбе против Баку следующим образом: «В настоящее время на долю частей мусульманского корпуса *распоряжением Закавказского правительства* выпала не менее тяжкая боевая задача в тылу других национальных корпусов. И в то время как части армянского, грузинского и русского корпусов ведут борьбу фронтом на западе, части мусульманского корпуса едва сдерживают общего врага на востоке. Таким образом, ваше обращение к русским офицерам мусульманского корпуса покинуть его ряды в такую минуту, когда Тифлис только-что отдавал воинские почести павшему смертью в

[1] Арх. Ин-та Ленина при ЦК ВКП (б). Документ не нумерован.

бою у Аджикабула русскому полковнику мусульманского корпуса, является каким-то недоразумением...» И дальше продолжает: «Я вновь подчеркиваю, что мусульманский армейский корпус является частицей единой армии Закавказья... Никаким партиям и общественным организациям честные русские офицеры никогда не служили и, надеюсь, служить не будут. *Постановления партии муссават для нас имеют значение не больше, чем постановление Русского национального совета.* Мы считаем себя на службе Закавказской республики и защищаем ее интересы».[1]

Таким образом, русские офицеры, занимавшие 65 проц. всех командных должностей в мусульманских частях, заявляли, что они вместе с руководителями и вождями Закавказского правительства делают одно общее дело. Деятелям Русского национального совета, в свое время совместно с грузинскими меньшевиками и тюркскими националистами организовавшим Закавказский комиссариат, доказывалось, что временные разногласия со вчерашними союзниками (Сафикюрдскими и Талышхановыми), вызванные об'явлением войны с Турцией, *не могут ликвидировать общность интересов всех групп в борьбе с большевизмом за Баку.*

Опыт гражданской войны в Закавказьи показывает, что в марте—апреле 1918 года вооруженные силы тюркской контрреволюции выступали под военным руководством русской контрреволюции (офицерство) в союзе с контрреволюцией грузинской. Агрессивные противобольшевистские устремления грузинской контрреволюции в этот период были при этом наиболее ярко выражены грузинскими меньшевиками, возглавлявшими Закавказское правительство и Закавказский сейм. Позиция «Борьбы», официального органа Областного к-та меньшевиков и меньшевистской фракции Заксейма, отдельные выступления представителей меньшевистской организации и, наконец, обнаруженная нами секретная переписка между руководителями тюркской контрреволюции и председателем Заксейма целиком подтверждают это положение.

Когда в Тифлис пришли первые сведения о совершившемся в Баку перевороте, «Борьба» поместила статью под заглавием «События в Баку».[2] Статья эта не только утверждала, что в Баку события носили сугубо национальный характер, но выдвигала общий тезис о невозможности развертывания гражданской войны в Закавказьи. «Гражданская война в наших

[1] Архив Русского национального совета в Тифлисе, 1918 г., дело № 489. Курсив наш—*С. С.*

[2] «Борьба», № 35, 22 марта 1918 г.

условиях неизбежно выливается в форму национальной войны. Таков непреложный закон политической жизни Закавказья. Претворенная в форму межнациональной борьбы, она может принять огромные, неслыханные размеры, она зальет потоками крови наш измученный край, сметет все достигнутые завоевания революции, остановит жизнь страны». Насквозь пропитанная ядом шовинизма, статья эта обвиняла большевиков в авантюризме и утверждала, что большевики чужды местной жизни, что они не знают ее, что «они не болели нашими горестями, не печаловались нашими печалями. Они опираются на элементы случайные для Закавказья, органически с ним не сросшиеся, не имеющие здесь исторических корней».

Авторы статьи прекрасно знали о той поддержке, которую оказывают большевизму широкие слои бакинского пролетариата, однако, принципиальная позиция, на которой в тот период уже стоял грузинский меньшевизм (позиция националистическая), дала им возможность утверждать, что большевики «пришли к нам издалека и пытаются разрешить наш старый «семейный спор, давно уже взвешенный судьбой». Борьба пролетариата и беднейшего крестьянства с буржуазно-помещичьей контрреволюцией трактовалась как «семейный спор, давно уже взвешенный судьбой».

Утверждая в отношении господства беков и ханов, что вопрос разрешится «не силой штыка», «Борьба» в этой же статье достаточно недвусмысленно призывала к вооруженной борьбе с большевизмом. «Начавшийся пожар должен быть немедленно потушен, это властно диктуется обстоятельствами. Если для тушения пожара понадобятся энергичные и решительные меры, они должны быть приняты без всяких колебаний и сомнений. Пробил грозный час, когда всякое промедление воистину смерти подобно. И в этот страшный час правительство должно вспомнить мудрое изречение Гиппократа: «где не помогает вода, там поможет железо».

Вопрос о перевороте в Баку обсуждался в заседании Закавказского сейма второго апреля. После сообщения, сделанного министром путей сообщения Мелик-Аслановым, о полученных по телеграфу из Баку сведениях, выступил один из лидеров грузинского меньшевизма Н. Рамишвили (министр внутренних дел). Он стремился доказать (не без основания), что захват власти большевиками в Баку является началом развернутого похода на Тифлис для захвата власти во всем Закавказьи.

Не сделав никаких конкретных предложений, Рамишвили закончил сообщением, что на линию железной дороги выслан бронепоезда «на помощь беженцам», которому «дано распоряжение двинуться дальше и ждать дальнейших инструкций» (!).

Выступивший после него представитель так наз. социалистического мусульманского блока — Сафикюрдский прежде всего пытался доказать, что если бы в период шамхорских событий им не помешали разоружить солдатские эшелоны и оказали полное содействие в формировании мусульманских частей, то захвата большевиками Баку можно было бы избегнуть. Вся дальнейшая речь Сафикюрдского была заполнена угрозами по отношению к союзникам тюркской контрреволюции — грузинским меньшевикам: «Мы просим у Закавк. правительства, чтобы были немедленно приняты меры для самообороны и ликвидации большевизма. Если Закавказское правительство существует, то мы требуем, чтобы эти меры были приняты... От имени мусульманского социалистического блока, который боролся и будет бороться с большевизмом, предупреждаем и просим правительство, что *если оно не примет решительных мер, мы сами разгромим их, пусть это слышат их представители, если они здесь находятся. В нашей истории много крови, она вся написана кровью, и мы будем еще вписывать туда кровавые буквы*».[1] К этой кровавой речи Сафикюрдского нечего было добавить даже вождю «муссават» М. Э. Расул-Заде, который попытался лишь напомнить присутствующим, что когда он в свое время говорил об опасности для «самостоятельности Закавказья» с севера, «некоторые газеты нашли такое заявление неуместным». В заключение он заявил, что «если Закавказское правительство, Закавказский сейм не считаются с этим моментом, не примут тех решительных шагов, которых требовал здесь представитель партии мусульманского социалистического блока, то имейте в виду, что нам невозможно будет сидеть здесь и самостоятельно вести солидарную работу».

Угрозы Сафикюрдского, Расул-Заде и др. оказали свое действие. В ответ на запрос Джафарова, что предпринимает и намерено предпринять Закавказское правительство, Н. Рамишвили, выступив вторично, заявил: «по многим причинам, которые вполне понятны сейму, мы не нашли возможным распространяться обо всем том, что предпринимается правитель-

[1] Стенографические отчеты Закавказского сейма. Отчет заседания от 20/III 1918 г. ст. с.

ством в этом направлении (голоса: „правильно")». Этот ответ вполне удовлетворил представителей тюркской контрреволюции. «Раз принимаются меры для предотвращения в Баку этих событий, — говорил Махмудов, — то мы не настаиваем на рассмотрении этого вопроса сегодня и снимаем его с обсуждения».

С.-д. фракция сейма в своем постановлении о бакинском перевороте якобы осуждала не только большевистское выступление, но и «наступление на Баку, ведущееся извне», и подчеркивала нейтральность своей позиции. Однако, на основании имеющихся документов мы можем утверждать, что грузинский меньшевизм, руководивший сеймом, готовил вооруженный поход на Баку, снабжая части тюркской контрреволюции, наступающие на Баку, военным снаряжением, инструкторами, командным составом и принимая самое активное участие в борьбе с силами Октябрьской революции.

Обнаруженная нами в делах Закавказского сейма докладная записка фракции «муссават» и «беспартийных мусульман», адресованная председателю Закавказского правительства, показывает, что сейчас же после обсуждения в Закавказском сейме вопроса о бакинских событиях был предпринят ряд практических шагов к разгрому сил революции в Баку. «После вооруженного выступления большевиков в гор. Баку против мусульман, — говорилось в этой докладной записке, — сопровождавшегося неслыханными преступлениями в отношении мирного мусульманского населения, Закавказским сеймом было принято решение ликвидировать большевистское выступление и принятие соответствующих мер было поручено Закавказскому правительству. *Во исполнение постановления сейма правительством было возложено на военного министра занять вооруженной рукой Баку и прилегающие к этому городу железнодорожные станции*, 21 марта текущего года начать отправку войск к Баку и выдать отправляющимся войскам определенное количество боевого снабжения в виде орудий, пулеметов, бронированного поезда, винтовок и пр.».[1] В приказе по мусульманскому корпусу от 22 апреля 1918 года командир корпуса Шахлинский писал: «С чувством глубокого удовлетворения отмечаю высокую доблесть, выказанную в этом бою частями грузинского корпуса. Кавказские мусульмане, а в частности вверенный мне корпус, никогда не забудут братской помощи ваших исконных друзей и нынешних боевых товарищей, славных грузин».

[1] Архив Особого зак. к-та. Из разрозненных дел.

Таким образом руководители Закавказского сейма вели двуличную политику. Подготовляя одной рукой вооруженный поход на Баку, они одновременно принимали гласные резолюции о нейтралитете, невмешательстве и о посылке делегации.

О том, что Закавказским сеймом предпринят ряд практических мер для организации борьбы против Баку, подтверждали и эсеровские газеты, отнюдь не расположенные к большевикам. «Знамя труда»[1] в статье «К карательной экспедиции на Баку» писало: «Руководящие политические партии прямо говорят, что, где не помогает вода, там должно помочь железо, а услужливая республиканская ветренница, газета, спешит даже подвести чуть ли не социологическую подкладку под новую военную кампанию правительства... «Слуги реакции» — это, конечно, не муссаватисты и не их тайные и явные, вольные или невольные обожатели и поклонники, а горийские осетины и грузины и бакинские рабочие, идущие за советской властью. И на глазах у всех по городу замелькали автомобили с винтовками и патронами, задвигались фургоны с военным имуществом, загарцовала дикая кавалерия. И шамхорские и елизавстпольские герои — гг. Сафикюрдские, Рустамбековы, и др., у которых не обсохла еще кровь солдат и мирного гражданского населения, потирают от удовольствия руки и без стеснения с трибуны сейма заявляют, что и Шамхор и Елисаветполь были необходимы и что бакинских большевиков необходимо вырезать».

Руководители большевизма сразу поняли классовое существо политики Закавказского сейма. В ответ на заявление сейма о желании прислать из Тифлиса мирную делегацию во главе с Исидором Рамишвили, Комитет революционой обороны писал: «В никаких мирных делегациях надобности не имеется, никакой братоубийственной войны в Баку не было. Была и продолжается уже за пределами Баку гражданская война против контрреволюционных беков и ханов... Так называемая социал-демократическая фракция сейма,... сама является виновницей контрреволюционного пожара, начавшегося из Елисаветпольской губ. и перебросившегося на Баку.[2] Делегация вырабатывая, как сообщается телеграммой Рамишвили, некоторые условия мира, хочет, очевидно, оказать свои новые услуги бекским и ханским бандам, вооруженным благодаря стараниям Закавказского комиссариата... Бакинский пролетариат встретил

[1] «Знамя труда» от 28 марта 1918 г.
[2] Так в тексте.

бы мирную делегацию с чувством глубокого возмущения и презрения, а поэтому Комитет революционной обороны гор. Баку и его районов просит делегацию не беспокоиться и не утруждать себя приездом».[1] Этим актом большевизм давал понять, что с представителями социал-демократической контрреволюции он ни о чем договариваться не собирается. Предстояла жесточайшая борьба с об'единенными силами тюркско-грузинской контрреволюции.

Сейчас же после мартовских событий Баку оказался в положении осажденного лагеря. Из Петровска начал наступление так называемый Дагестанский полк, которому под Хурдаланом был дан бой. Несмотря на то, что в северном направлении (Петровск, Темир-Хан-Шура) большевистские части достигли значительных успехов, Баку продолжал оставаться в положении осажденного лагеря. Контрреволюционные части наступали на Баку из Шемахи и Елизаветполя (Гянджа). После ожесточенных боев большевистские части потерпели поражение, отступили от Аджикабула к Баку. Аджикабул был занят об'единенными тюркско-грузинскими частями. Одновременно началось скопление сил контрреволюции и к югу от Баку — в Сальянах, куда прибыла дикая дивизия с артиллерией из Ленкорани.

Нужен был под'ем и энтузиазм передовых рабочих для того, чтобы разорвать все сжимающееся вокруг Баку кольцо, разгромить силы противника и самим перейти в наступление.[2]

---

[1] Музей революции ССРГ. Арх. ф. № 25—1918 г., дело № 7.

[2] О положении Баку после мартовского переворота писал в своем докладе Шаумян Совнаркому РСФСР:

«После этого первого городского сражения на помощь бакинским мусульманам явились дагестанские войска из Петровска и Шуры. 7 и 8 апреля мы двинули против них свое войско и после боев, происходивших верстах в 15 за городом (около Хурдалана), противник был разбит и отброшен.

Мы находимся сейчас в состоянии непрерывной войны. В течение последней недели у нас бои и в Шемахе. Против 3-тысячного отряда, присланного Елисаветпольским мусульманским национальным комитетом, мы послали свои отряды, которые, по полученным вчера сведениям, были разбиты и отступают. Вчера был отправлен нами новый отряд с артиллерией и пулеметами. Вчера же было получено нами сообщение, что из Елисаветполя двинулись новые два эшелона мусульманских войск во главе с грузинским князем Магаловым. Они заняли станцию Аджикабул, в 4 верстах езды от Баку. Там же скапливаются местные банды мусульман. Скопляются крупные силы и к югу от Баку в Сальянах, куда прибыла дикая дивизия с артиллерией из Ленкорани. Кольцо сжимается вокруг Баку, и вероятно на-днях будут иметь место новые большие бои».

***

В дни мартовского переворота большевиками были использованы армянские национальные части. В связи с этим врагами большевизма была сделана попытка охарактеризовать мартовские события как национальную борьбу между армянами и тюрками (контрреволюция в этот момент в основном выступала как тюркская сила). Орган Бакинского комитета меньшевиков «Наш голос» писал: «Одно можно сейчас установить с полной несомненностью, установить, чтобы потом сделать необходимые выводы: то, что было, была не гражданская война. То, что было... было старой враждой между мусульманами и армянами».[1]

По этому поводу Шаумян в заседании Совета Р. С. и М. Д. от 19 апреля 1918 года говорил: «Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг. Было необходимо воспользоваться услугами армянского полка, а победа настолько велика, что это мало омрачает действительность».[2] О том, что участие национальных частей придавало борьбе отчасти национальную окраску, писал Шаумян и в своем докладе Совнаркому: «Советская власть в Баку все время висела в воздухе благодаря сопротивлению мусульманских националистических партий. Эти партии, во главе с феодальной (бекской и ханской) интеллигенцией, укрепившись в Елисаветполе и Тифлисе благодаря подлой и трусливой политике меньшевиков, стали в последнее время очень агрессивными и в Баку... Если иметь в виду их политические цели — отделение Закавказья от России и подчинение турецкому протекторату, — ясно, что их победа в Баку привела бы к потере Закавказья для России. Меньшевики в Закавказском сейме пошли уже на уступки муссавату и согласились на об'явление независимости Закавказья. Это не удовлетворило Турцию и она идет сейчас войной против Закавказья. А это наступление Турции должно было быть связано с выступлением мусульман внутри Закавказья, с захватом власти в Баку и т. д. Мы должны были дать отпор, и мы воспользовались поводом— первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... У нас были уже вооруженные силы — около 6.000 чел. У дашнакцутюн

[1] «Наш голос», 6 апреля 1918 г., № 59.
[2] С. Шаумян, «Статьи и речи», стр. 156.

имелось также около 3—4 тыс. национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности; мы шли сознательно на это».[1]

При оценке характера мартовского переворота в Баку необходимо в первую очередь ответить на следующие вопросы: во-первых, действительно ли большевики должны были использовать армянские национальные части в борьбе с тюркской контрреволюцией, не могли ли они обойтись без помощи этих национальных частей; во-вторых, не ликвидировало ли участие этих частей классового характера борьбы, не были ли большевики использованы националистическими партиями Закавказья в борьбе за их интересы?

Если говорить о количественном соотношении вооруженных сил, которыми располагала революция и контрреволюция, то станет очевидным, что отказ от участия в борьбе национальных частей создавал значительные трудности. Шаумян общее количество борющихся в мартовские дни исчислял в двадцать с лишним тысяч человек. В лагере контрреволюции было более 10.000 вооруженных единиц. В то же время у большевиков, без дашнакских и эсеровских сил, было около 6.000 человек. Понятно, что этих сил было явно недостаточно.

Однако, один этот факт еще не доказывает необходимости использования национальных армянских частей. Как мы уже говорили, прежде всего необходимо выяснить, меняло ли участие этих частей характер переворота.

Здесь необходимо отметить, что в борьбе с тюркской контрреволюцией активное участие приняли также правые с.-р., которые, как указывал в своем докладе Шаумян, «вели себя великолепно, бились и умирали вместе с нами». Переплет влияний национальных партий (дашнакцутюн и муссават) на отдельные слои тюркского и армянского пролетариата не мог не сказаться и на настроениях части русских рабочих. *Кадры сторонников правых эсеров, которыми они располагали в среде рабочих Бакинского района, вербовались, главным образом, за счет националистических устремлений в отдельных группах русских рабочих.*

Таким образом, необходимо прежде всего установить, что в борьбе с тюркской контрреволюцией большевики использовали, кроме сил Красной гвардии и Красной армии, националь-

[1] Архив Ин-та Ленина при ЦК ВКП (б). Документ не нумерован.

ные армянские части и отряды Бакинской организации П. С.-Р.

Однако, необходимо подчеркнуть, что если руководители дашнакской и эсеровской организаций в этой борьбе пытались преследовать свои цели, то этого отнюдь нельзя сказать о дашнакских и эсеровских низах. Тысячи дашнакских и эсеровских рабочих, сражаясь и умирая вместе с большевиками в мартовские дни, конечно, боролись за советскую власть совсем поиному, чем боролись их руководители.

Ленин в статье «Пугают гражданской войной»[1] писал: «Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам». Сила большевизма в Бакинском районе в значительной степени была в симпатиях дашнакских и эсеровских рабочих.

Втягивая в гражданскую войну рабочие и солдатские массы, еще не высвобожденные из-под влияния националистических партий, большевики Бакинского промышленного района должны были концентрировать внимание масс, борющихся против контрреволюции, на задачах классовой борьбы. Делала ли это наша организация в дни мартовского переворота? На этот вопрос нужно ответить утвердительно. Большевистская организация, вовлекая в борьбу массы, еще не высвобожденные от дашнакско-эсеровского влияния, одновременно вела решительную разоблачительную кампанию о социальной и политической сущности этих партий.

31 марта было лишь вторым днем борьбы. После победы пролетариата неминуемо должна была развернуться вооруженная борьба за закрепление этой победы, за утверждение и распространение советской власти во всем Закавказьи. В этой дальнейшей борьбе с контрреволюцией, разгромленной в Баку, но еще очень сильной в районах Елизаветполя, Ленкорани, Тифлиса, большевизм нуждался в значительной вооруженной силе, однако, это не помешало большевизму показать подлинное лицо партии «дашнакцутюн». «Бакинский рабочий» сейчас же после мартовского переворота писал: «Завтра условия могут резко измениться, и тогда та же самая партия будет вести свою прежнюю непримиримую борьбу с пролетарской революцией. Вот почему в борьбе с контрреволюцией, не отвергая помощи дашнакцутюн, в высшей степени ценной в данный момент

[1] Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 203.

для нас, мы все же не должны забывать националистической сущности этой партии и, воспользовавшись благоприятным для нас моментом, напрячь все силы, чтобы оторвать армянские массы из-под влияния реакционных вождей»[1].

То, что дашнакские руководители не являются прочным союзником революции, что, в буквальном смысле этого слова—завтра, условия могут измениться и реакционные вожди начнут борьбу с пролетарской революцией, большевики прекрасно понимали. Опыт политической борьбы, предшествовавшей мартовским дням в Баку, в достаточной степени вызвил подлинное социально-классовое и политическое лицо дашнакизма. В Бакинском совете Р. С. и М. Д. дашнаки и муссаватисты не раз пытались об'единить свои действия, заглушая национальную рознь для организации борьбы с пролетарской партией. Еще 19 февраля 1918 года было опубликовано об'единенное воззвание армянского и мусульманского национальных советов. 22 февраля эти же партии в Бакинском совете рабочих депутатов организовали совместную демонстрацию протеста против политического направления газеты «Известия Бакинского совета Р. С. и М. депутатов».

Дашнакские руководители как в дни, предшествовавшие мартовскому перевороту, так и в дни мартовского переворота вели двойную политику, не зная до последнего момента, на чью сторону они в решающий момент станут. Гласно заявляя о своей приверженности революции, они вели переговоры с муссаватистами о создании единого классового фронта борьбы против пролетарской партии. Газета «Азербайджан» 30-го марта 1919 года писала: «В 11 час. вечера в помещение мусульманского национального комитета и муссавата явился представитель армян, доктор Тер-Захарьян, сообщивший, что члены армянского национального совета сейчас собрались в Метрополе и ждут представителей мусульман, чтобы вместе с ними решить о совместном выступлении армянских и мусульманских сил против большевизма, так как смуту затевали члены и войска советского правительства. У нас ничего общего с ними нет, заявил от имени армянского национального совета Тер-Захарьян, это борьба из-за политических убеждений, надо стараться, чтобы эта борьба не повредила обеим нациям... В час ночи 8 делегатов мусульман по пустому заявлению одного армянина отправились в гости в Метрополь... В 5 час. утра мы узнали, что нас обманули».

---

[1] «Бакинский рабочий» от 20 апреля 1918 г.

Это разоблачение муссаватской печати заслуживает внимания. Представители армянского национального совета в дни мартовского переворота действительно вели переговоры с муссаватистами, *и только вовлечение самих масс в борьбу на стороне революции сыграло решающую роль в вопросе дашнакской ориентации*. Очутившись же в лагере революции, дашнакские вожди попытались использовать борьбу в своих интересах. Для того, чтобы не дать возможности развернуться подлинно классовым боям, армянский национальный совет попытался развязать национальные инстинкты, провоцируя массы на организацию резни тюркской городской бедноты.

Попытка дашнакских руководителей использовать мартовские бои для резни тюркской бедноты и дала повод нашим врагам характеризовать мартовские события как национальную борьбу. Однако, не подлежит сомнению, что *именно благодаря твердому классовому руководству большевиков национальная армяно-тюркская борьба в мартовские дни не приняла гигантских размеров и смогла быть чрезвычайно быстро ликвидирована*. В докладе «Текущий момент и организация власти» Шаумян говорил: «Национальная окраска, которую неизбежно приняла гражданская война, и то обстоятельство, что наряду с Красной армией продолжали существовать национальные полки, заставило нас вести определенную войну против них. Правда, мы вынуждены были использовать их, поскольку они оказались нашими союзниками, но они внесли в борьбу национальный момент и вот, во имя торжества интернационализма, надо не давать укрепляться национальным советам и полкам... В результате гражданской войны пострадала масса бедных и бездомных мусульман. Нам надо организовать широкую помощь».[1]

Понимали ли большевики, что кроме систематического разоблачения классовой сущности дашнакизма необходимо немедленно же начать работу среди тюркского крестьянства, понимали ли они, что без организации союза с тюркским крестьянством они не смогут удержать власти в своих руках? Конечно, понимали! Еще 15 марта 1918 года Бакинский совет Р. С. и М. Д. поручает «Исполнительному комитету озаботиться особенно агитационной и организационной работой среди мусульманского крестьянства Бакинской губ. и во всем Закавказьи, раз'яснить им, что бакинский пролетариат считает своими братьями мусульманских рабочих и крестьян и борется

[1] С. Шаумян, «Статьи и речи», стр. 156-157.

за всеобщие идеалы братства всего трудового народа, без различия национальностей».[1]

Джапаридзе, в заседании Совета Р. С. и М. Д. от 8 апреля 1918 года говорил: «То, что происходит сейчас, не результат разоружения дикого отряда дивизии, в этой схватке решаются судьбы Закавказья: быть ли ему под властью беков и ханов и под протекторатом Турции, или быть свободной частью революционной России. Мы знаем, что, если не привлечь на свою сторону крестьян, то наше положение сильно осложнится, так как жить вечно окруженными врагами нельзя. Вся наша прежняя политика сводилась к тому, чтобы выиграть время, необходимое для организации крестьян. Мы знали, что нам придется вступить в схватку с контрреволюционными силами. и готовились к этому».[2]

«Известия Бакинского совета Р. С. и М. Д.» в этот же период писали: «Голова контрреволюционной гидры может быть раздавлена и всякая опасность исключена лишь тогда, когда вместе с разгромом центров организованной контрреволюции, опирающейся на значительные массы обманутых народных масс, будут организованы и организационно противопоставлены ей трудящиеся массы всех национальностей как внутри, так и вне Баку... Необходимо сказать мусульманской бедноте, дать ей понять, что, борясь против контрреволюционных повстанцев, мы боролись за кровные интересы самой мусульманской бедноты. Нужно показать ей, что власть советов— это ее власть».[3]

Кроме развернутой кампании по разоблачению социальной сущности «дашнакизма» и «муссаватизма», работы по раз'яснению тюркскому крестьянству истинных задач революции, большевизм сейчас же после мартовского переворота провел также ряд организационных мероприятий. Уже в ультиматуме, пред'явленном Комитетом революционной обороны тюркской контрреволюции (см. выше стр. 140), говорилось: «Национальные мусульманские воинские части, *как и армянские* (курсив наш—С. С.), должны быть выведены из города или подчинены всецело Совету Раб., Солд. и Матросск. Депутатов».

15 апреля 1918 года ВРК Кавармии вынес постановление о сведении отдельных вооруженных единиц — отрядов красной гвардии, партийных дружин и т. д. — в батальоны Красной

[1] «Известия Бак. совета Р. С. и М. Д.», 1918 г., № 51.
[2] Там же, 1918 г., № 63.
[3] Там же, 1918 г., № 65.

армии и об'явил мобилизацию рабочих и солдат на два месяца «для защиты советской власти».[1] От имени К-та революционной обороны армянскому национальному совету было пред'явлено требование: «В соответствии с предложением (ультиматумом) от 31 марта с. г. Революционный комитет обороны г. Баку и его окрестностей предлагает специальную армянскую национальную часть расформировать и смешать с интернациональными войсками, организуемыми Советами. Формирование новых частей должно быть, по правилам, об'явленным мобилизационным отделом Красной армии. Армянские национальные части, не выполнившие или уклонившиеся от выполнения требований указанных правил, должны окончательно покинуть Баку и уйти».[2] Одновременно Национальному армянскому совету в ультимативной форме было предложено прекратить «обыски, аресты, наложение налогов, реквизиции».

В связи с пред'явленными требованиями 26 апреля состоялось совещание представителей Комитета революционной обороны совместно с представителями Армянского национального совета, на котором решено было: «1) 2-й армянский запасной пехотный полк расформировать, часть его входит в состав батальона Амазаспа, другая часть вливается в формируемые красные советские батальоны. 2) Батальоны Амазаспа реорганизуются, всецело подчиняются советской власти и входят в Красную армию под названием 16 и 17 батальонов Красной армии».[3] Кроме того, Комитет революционной обороны об'явил о роспуске Бакинской городской думы, в которой эсеры, меньшевики и дашнаки играли решающую роль, и отдал распоря-

[1] Архив начальника гарнизона г. Баку, 1918 г. Дело не нумеровано.

[2] «Гуммет» от 8 апреля 1918 г., № 39.

[3] «Бакинский рабочий» от 28 апреля 1918 г., № 77/193.

Нам думается, что эти мероприятия были все же недостаточны:

Во-первых, не был распущен Армянский национальный совет. В своем ультиматуме Комитет революционной обороны пред'явил очень скромное требование, чтобы Армянский национальный совет перестал существовать как правительство, чтобы обыски, аресты, наложение налогов, реквизиция и прочие правительственные функции от него были отняты и переданы целиком и полностью советскому правительству. Однако, представители Армянского национального совета, приняв этот ультиматум, не сочли себя обязанными прекратить те реквизиции и обыски, о которых говорил ультиматум Комитета революционной обороны и которые они продолжали производить, опираясь на армянские части. В конце концов Армянский национальный совет был распущен, но сделано это было чрезвычайно поздно—17 *июля* 1918 года, после того как он ряд месяцев играл

жение о закрытии газет «Баку»[1] и «Наше слово».[2]

Таким образом, большевики, руководя решающими классовыми боями за власть, сумели использовать вооруженные силы армянской и русской национальных группировок, не становясь на путь каких-либо уступок в отношении национальных партий, ведя развернутую разоблачительную работу по выявлению классовой сущности дашнакизма, стремясь создать себе союзника в лице тюркского крестьянства и тем самым прорвать стену косности, тьмы и бескультурья, которые и дали возможность тюркской контрреволюции использовать крестьянские массы в борьбе с Октябрьской революцией.

Конечно, привлечение дашнакских и правоэсеровских вооруженных сил в дни мартовского переворота было со стороны большевиков компромиссом. Но ведь еще в сентябре 1917 г. в статье «О компромиссах» Ленин писал: «Задача истинно-революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе и революции».[3] Именно таким компромиссом и был шаг бакинских большевиков в период мартовского переворота.

Наиболее яркий факт, подтверждающий данное положение, — это позиция большевистской организации в период конструирования правительства. Сейчас же после мартовского переворота стал вопрос о создании правительства Бакинской коммуны. Окончательно правительство было сформировано

роль организующего начала для подготовляющегося антибольшевистского переворота.

Во-вторых, пред'явив ультиматум Армянскому национальному совету о расформировании армянских национальных частей, Комитет революционной обороны подписал соглашение, частично сохраняющее некоторые армянские национальные части как самостоятельные боевые единицы. Батальоны Амазаспа, несмотря на то, что они были реорганизованы и вошли в Красную армию под названием 16 и 17 батальонов, продолжали существовать как национальные об'единения и в дни, когда опять решался вопрос о власти (июль 1918 г.), оказались на стороне наших врагов.

[1] «Баку»—газета армянск. буржуазии кадетского направления.

[2] «Наше слово» — орган Бак. комитета Р. С. Д. Р. П. (меньшевиков).

[3] Ленин, Сочинения, т. XXI, ст. «О компромиссах», стр. 132.

25 апреля 1918 года в заседании Совета Р. С. и М. Д., на котором и был избран Совет народных комиссаров. Дашнаки и правые эсеры считали, что правительство должно быть сконструировано из представителей всех партий, принимавших участие в борьбе на стороне революции. Предложение большевиков об организации однородного правительства из представителей большевиков и левых эсеров было встречено этими партиями враждебно.

«Знамя труда»[1] писало: «Как звон погребального колокола прозвучала вчера в Совете принятая резолюция... Вся власть большевикам и «левым» с.-р.... Лозунг «вся власть Совету» заменился лозунгом «вся власть партии большевиков и «левых» с.-р.»... В правительство должны войти те партии, которые признают власть Совета и поддерживают его. Правительство должно быть однородное, чтобы были единодушные решения, чтобы всякий не тянул в свою сторону. Вот основное положение Шаумяна... очевидно, история так уже творится. Опыт предшественников ничему не учит и нам придется, вероятно, пережить все кошмары, которые видела Россия, вследствие особенностей Кавказа,—в еще более увеличенном масштабе».[2]

Подобную же позицию заняла и дашнакская печать.

Оставленная большевиками лазейка о допустимости персонального введения в правительство отдельных членов этих партий не была реализована. При обсуждении декларации Совнаркома вождь эсеров Сако Саакян прямо говорил: «Если Сухарцев[3] и большевики думают, что они нас запрячут и таким образом будут осуществлять свои задачи, мы заявляем, что не желаем работать».[4]

Как же большевики обосновывали необходимость создания однородного по своему составу правительства? «Бакинский рабочий» от 27 апреля так раз'яснял эту необходимость: «В резолюции Совета по вопросу о дальнейшей политике ясно говорится, что нужно немедленно провести в жизнь ряд декретов Совета народных комиссаров. Правая часть Совета, как соц.-рев., дашнакцаканы, не говоря уже о пропащем народе — меньшевиках, не признают этой власти. Следовательно, простая логика должна говорить, что декретов ее они за совесть проводить не будут. Во имя творческой дружной работы создание однородного правительства из левого блока является и жизненно необходимым и логически вытекающим из той резо-

[1] «Знамя труда»—орган Бак. комитета партии правых эсеров.
[2] «Знамя труда» от 8 апреля 1918 г., № 31/85.
[3] Сухарцев—руководитель Бакинск. организации левых эсеров.
[4] «Бакинский рабочий» 1918 г., № 81.

люции Совета, которая была принята на одном из предыдущих заседаний... Бакинские социалисты-революционеры еще не так давно вели самую злобную, самую беспощадную борьбу с Советом народных комиссаров. Закавказская действительность заставила их признать власть Бакинского совета, но они признавали ее не потому, что были ее принципиально последовательными защитниками, а потому, как писала их газета «Знамя труда», что «на стороне Бакинского совета была и моральная поддержка рабочих масс». Если бы эти достоинства Совет не имел,то они, подобно меньшевикам, были бы в стане врагов Совета. Партия дашнакцутюн, как национальная, не могла быть допущена в советское правительство, правительство интернациональное. Жизнь нам властно диктует свои условия. Создание такого однородного правительства из блока большевиков и левых соц.-рев. вполне гарантирует нас в том, что отныне будет вестись действительная политика рабоче-крестьянской революции, политика широких социальных преобразований, в корне изменяющих существующие взаимоотношения между трудящимися и эксплоататорами».[1]

Принятая Советом резолюция о создании однородного большевистского правительства показывает, что бакинские большевики усвоили ленинское положение: «Прежде всего значение этого (Октябрьского — С. С.) переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия *буржуазии*»[2].

При выборах Советом Р. С. и М. Д. правительства Бак. коммуны результаты голосования дали следующую картину:[3]

Корганов—комис. по военн. и морским делам	76 гол.	—69 возд.
Джапаридзе—комис. внутренних дел	76 „	—75 „
Фиолетов—комис. нар. хоз.	77 „	—72 „
Сухарцев—комис. трансп., почты, телеграфа	82 „	—73 „
Нариманов—комис. призрения и гор. хоз.	75 „	—74 „
Колесников—комис. просвещения	75 „	—70 „
Каринян—комис. юстиции	78 „	—69 „
Киреев—комис. финансов	72 „	—83 „
Шаумян—председ. ком. внешних дел	89 „	—70 „

Как и в предыдущие месяцы, большевики и на этот раз сумели об'единить вокруг себя пролетарские элементы Совета,

[1] «Бакинский рабочий» 1918 г., № 76.
[2] Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 4.
[3] Левые эсеры получили след. комиссарнаты: почты и телеграфа, финансов.

которые вне зависимости от партийной принадлежности голосовали в решающий момент за нашу партию.

Организовавшееся правительство прежде всего сосредоточило внимание масс на необходимости дальнейшей борьбы с контрреволюцией. В декларации, выпущенной Совнаркомом от 1 мая, говорилось: «Гражданская война продолжается и сейчас, передовые отряды наших товарищей из Красной гвардии и Красной армии сражаются в Петровске, Шемахе, устанавливают советскую власть в Ленкорани, Кубе, Сальянах и пр. Для окончательного торжества советской власти, для распространения этой власти на все Закавказье... нам необходимо продолжать победоносно начатую гражданскую войну, а для этого, прежде всего, необходимо иметь сильную Красную армию».[1]

Вторая задача, которую ставил перед собой Совет народных комиссаров в этой декларации, состояла в издании ряда декретов, передающих землю в руки крестьянства, банки, нефтяную промышленность, железные дороги и морской транспорт —в руки рабочего государства.

В заключение декларация призывала рабочие и крестьянские массы требовать от Совета народных комиссаров энергичной и неустанной работы, осуждения и смещения тех, «кто окажется недостойным и негодным на этом высоком посту... Власть народных комиссаров, так же, как и власть Исполнительного комитета и Совета депутатов, есть ваша собственная выборная власть. Недостатки этой власти суть ваши собственные недостатки. Забудьте свои личные, групповые, фирменные и пр. интересы, об'едините все усилия во имя общего дела, вокруг общей рабочей власти».

Создание однородного большевистского правительства ликвидировало у руководителей дашнакской и эсеровской организаций всякие иллюзии по вопросу о возможности создания в Баку на условиях коалиции «демократического строя» и заставило их пересмотреть свои позиции в направлении прекращения поддержки советской власти даже в той форме, в какой это имело место в мартовские дни. Непосредственно связанные с армянской и русской капиталистической буржуазией Бакинского района, отражая их стремления и чаяния, руководители этих партий отрицательно реагировали и на об'явление об обложении буржуазии контрибуцией.

Захватив власть в свои руки, большевики получили пустую «казну». Для ведения же войны с тюркско-грузинской контрреволюцией нужны были деньги. 6 апреля Комитет рево-

[1] «Бакинский рабочий» от 1 мая 1918 г., № 79.

люционной обороны постановил обложить «весь торгово-промышленный класс г. Баку и его районов» на 50 миллионов рублей. Была сделана попытка раз'яснить представителям буржуазии всю необходимость этой меры и добиться проведения ее в жизнь мирным путем. Исполнительным комитетом Р. С. и М. Д. и К-том рев. обороны для этой цели было созвано 16 апреля совещание бакинских капиталистов. Открывая совещание, Шаумян говорил: «Вы знаете, господа... что положение сейчас слишком серьезное. Бакинскому совету приходится сейчас отражать удары врагов. Советской власти нужны громадные средства для всего этого, их у нас нет. Комитет революционной обороны постановил эти деньги достать путем обложения бакинских капиталистов. Этому собранию мы предлагаем выбрать комиссию, чтобы она равномерно распределила этот налог между всеми промышленниками».[1] Представитель буржуазии (Тиагносов) в ответ на это заявил, что они с советской властью не воевали и потому их контрибуцией облагать нельзя. «Если же это налог, то, конечно, как всякая государственная власть, Совет раб. деп. может это сделать, но только нужно сперва выяснить, сколько может внести бакинский торгово-промышленный класс, чтобы промышленность не пострадала». Руководителям советской власти было не до игры в слова, поэтому Шаумян, закрывая совещание, заявил: «Для нас безразлично, какую форму будет иметь это — налога или контрибуции; нам нужно иметь деньги». После этого капиталистам было предложено в пятидневный срок начать взнос контрибуции.

Когда буржуазия увидела, что отказаться от выплаты контрибуции ей не удастся, Комитету революционной обороны от имени обоих союзов нефтепромышленников, торгово-промышленного союза, союза домовладельцев, комитета бакинских банков, союза судовладельцев, о-ва заводчиков и фабрикантов («Зафатема»), нефтеперегонных заводчиков, рыбопромышленников, шахтовладельцев и рантье было подано заявление, в котором сообщалось, что «общее собрание представителей вышеуказанных союзов и организаций, обсудив требование Комитета революционной обороны о взносе торгово-промышленным классом города Баку 50 млн. рублей на нужды Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов гор. Баку, единогласно пришло к заключению, что сумма в 50 млн. рублей никоим образом не может быть собрана, так как в переживаемое время означенный класс города Баку фактически

[1] «Известия Бак. совета», 1918 г., № 65.

внести такую сумму не может. По единогласному общему мнению присутствовавших представителей всех союзов и групп, максимальная сумма, которая может быть распределена, — это *двадцать пять миллионов* рублей, и то при условии взыскания ее Исполнительным комитетом в два срока равными частями: 12½ млн. рублей в течение апреля месяца и 12½ млн. рублей в течение мая. В процентном отношении подлежащая взысканию сумма должна быть распределена между отдельными группами плательщиков следующим образом: нефтепромышленники — 33 проц., заводчики — 3 проц., торгово-промышленный союз — 26 проц., домовладельцы — 10 проц., судовладельцы — 6 проц., рыбопромышленники — 2 проц., банки — 3 проц., «Зафатема» — ½ проц., шахтовладельцы — ½ проц. и рантье — 16 проц.».[1]

В ответ на это Комитетом революционной обороны распоряжением от 3 мая был назначен 24-часовой срок для окончательной выплаты всей контрибуции, с указанием, что неисполнение этого последнего предложения будет рассматриваться как неподчинение советской власти, виновные будут подвергнуты шестимесячному заключению в тюрьму, а причитающийся с них налог будет взыскан другими мерами, имеющимися в распоряжении Комитета революционной обороны».[2] Несмотря на то, что промышленники развили сильную кампанию противодействия выплате наложенной на них контрибуции, Бакинский Совнарком сумел и при проведении этого мероприятия проявить классовую твердость, взыскав большую часть контрибуции с промышленной и банковской буржуазии.

Все мероприятия, проведенные большевиками сейчас же после мартовского переворота — роспуск городской думы, закрытие газет, наложение контрибуции, мобилизация рабочих для дальнейшего ведения борьбы с контрреволюцией, реорганизация вооруженных сил и создание Красной армии и, наконец, создание однородного большевистского правительства, опубликовавшего декларацию, в которой подчеркивалась необходимость издания в ближайший период декретов о конфискации помещичьих земель, национализации нефтяной промышленности, банков, морского и сухопутного транспорта, — все эти мероприятия показывали, что партийная организация Бакинского промышленного района действительно сумела «провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче».

[1] Центр. архив Азнефти. Арх. Т-ва Нобеля 1918 г., дело № 87.
[2] Там же.

Завоевания мартовского переворота были использованы большевиками для установления диктатуры пролетариата, для того, чтобы начать новую эру борьбы за социалистические преобразования и, в первую очередь, борьбы за ликвидацию частной собственности на нефть, за национализацию нефтяной промышленности.

Все это говорит за то, что мартовские события были днями подлинно классовых боев за власть, были днями бакинского Октября.

ОГЛАВЛЕНИЕ